

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА

Факультет
государственного
управления

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ЭЛЕКТРОННЫЙ ВЕСТНИК

PUBLIC ADMINISTRATION

E-JOURNAL (RUSSIA)

ISSN 2070-1381

СПЕЦНОМЕР

СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

2025

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова».

Издатель:

Факультет государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Главный редактор:

Никонов В.А. — доктор исторических наук, декан факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Редакция:

Петрунин Ю.Ю. — заместитель главного редактора, доктор философских наук, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;

Сухарева М.А. — ответственный секретарь, кандидат экономических наук, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;

Федько М.В. — редактор, кандидат филологических наук, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;

Ребрикова А.Г. — технический редактор, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Выпускающий редактор:

Ульянова Л.В. — кандидат исторических наук, доцент, руководитель Центра изучения российской государственности факультета государственного управления, Москва, Россия.

Редакционная коллегия:

Никонов В.А. — доктор исторических наук (МГУ, Москва, Россия);

Петрунин Ю.Ю. — доктор философских наук (МГУ, Москва, Россия);

Акаев А.А. — доктор технических наук, академик РАН (МГУ, Москва, Россия);

Барабашев А.Г. — доктор философских наук (НИУ ВШЭ, Москва, Россия);

Воронов А.С. — доктор экономических наук (МГУ, Москва, Россия);

Глазьев С.Ю. — доктор экономических наук, академик РАН (МГУ, Москва, Россия);

Григорьева Н.С. — доктор политических наук (МГУ, Москва, Россия);

Гулямов С.С. — доктор экономических наук (Агентство статистики, Ташкент, Узбекистан);

Гурский В.Л. — доктор экономических наук (БИА, Минск, Беларусь);

Кудина М.В. — доктор экономических наук (МГУ, Москва, Россия; МГУ-ППИ, Шэньчжэнь, Китай);

Леонтьева Л.С. — доктор экономических наук (МГУ, Москва, Россия);

Лившин А.А. — доктор исторических наук (МГУ, Москва, Россия);

Нарбут Н.П. — доктор социологических наук (РУДН, Москва, Россия);

Певная М.В. — доктор социологических наук (МГУ, Москва, Россия);

Проказина Н.В. — доктор социологических наук (Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС, Москва, Россия);

Пушкарева Г.В. — доктор политических наук (МГУ, Москва, Россия);

Селезнева А.В. — доктор политических наук (МГУ, Москва, Россия);

Смотрицкая И.И. — доктор экономических наук (Институт экономики РАН, Москва, Россия);

Соловьев А.И. — доктор политических наук (МГУ, Москва, Россия);

Сухарева М.А. — кандидат экономических наук (МГУ, Москва, Россия);

Танрыверди М. — PhD (Стамбульский университет, Стамбул, Турция);

Тимофеев А.Ю. — доктор исторических наук (Институт новейшей истории, Белград, Сербия);

Федорова М.М. — доктор политических наук (Институт философии РАН, Москва, Россия);

Федько М.В. — кандидат филологических наук (МГУ, Москва, Россия);

Феррейра К. — PhD (Университет Кампинас, Кампинас, Бразилия);

Чжао Ли-ли — доктор юридических наук (Шаньдунский университет науки и технологий, Циндао, Китай);

Яковлева А.Ф. — кандидат политических наук (ИМЭМО РАН, Москва, Россия).

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре как сетевое издание (свидетельство Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Эл № 77-6880 от 10 апреля 2003 года и Эл № ФС77-56592 от 26 декабря 2013 года).

Международный стандартный серийный номер журнала **ISSN 2070-1381**.

Издание входит в систему РИНЦ на платформе eLIBRARY.ru (сублицензионный договор № 19-10/09 от 12 ноября 2009 года). Журнал входит в перечень изданий, публикации в которых учитываются Высшей аттестационной комиссией России (ВАК РФ) при защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по экономике, социологии, и политологии (с 22 октября 2010 года).

Журнал выходит 6 раз в год. Все номера находятся в свободном доступе на сайте: <https://spajournal.ru>.

Статьи журнала доступны в открытом доступе на основании принятой Лицензии Creative Commons: **Attribution-NonCommercial 4.0 International (CC BY-NC 4.0)**.

Адрес редакции: 119992, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, каб. А-701. Тел.: +7 (495) 930-85-71.
E-mail: e-journal@spa.msu.ru

Founding Organization:

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education M.V. Lomonosov Moscow State University.

Publisher:

School of Public Administration Lomonosov Moscow State University.

Editor-in-chief:

Vyacheslav A. Nikonov — DSc (History), Dean of School of Public Administration, Moscow, Russia.

Editorial staff:

Yury Y. Petrunin — Deputy editor-in-chief, DSc (Philosophy), School of Public Administration, Moscow, Russia;

Maria A. Sukhareva — Executive Secretary, PhD, School of Public Administration, Moscow, Russia.

Maria V. Fedko — Editor, PhD, School of Public Administration, Moscow, Russia.

Anastasia G. Rebrikova — Layout editor, School of Public Administration, Moscow, Russia.

Guest editor:

Lyubov V. Ulyanova — PhD, Associate Professor, Head of the Center for the Study of Russian Statehood, School of Public Administration, Moscow, Russia.

Board of Editors:

Vyacheslav A. Nikonov — DSc (History), Dean of School of Public Administration (MSU, Moscow, Russia);

Yury Y. Petrunin — DSc (Philosophy) (MSU, Moscow, Russia);

Askar A. Akayev — DSc (Technical Sciences), Academician of the Russian Academy of Science (MSU, Moscow, Russia);

Alexey G. Barabashev — DSc (Philosophy), (HSE, Moscow, Russia);

Sergey Yu. Glazyev — DSc (Economics), Academician of the Russian Academy of Sciences (MSU, Moscow, Russia);

Natalia S. Grigorieva — DSc (Political Science) (MSU, Moscow, Russia);

Saidakhror. S. Gulyamov — DSc (Economics) (Statistics Agency, Tashkent, Uzbekistan);

Vasiliy L. Gursky — DSc (Economics) (BIP, Minsk, Belarus);

Marianna V. Kudina — DSc (Economics) (MSU, Moscow, Russia; MSU-BIT, Shenzhen, China);

Lidiya S. Leontieva — DSc (Economics) (MSU, Moscow, Russia);

Alexander Y. Livshin — DSc (History) (MSU, Moscow, Russia);

Nikolay P. Narbut — DSc (Sociological Sciences) (RUDN, Moscow, Russia);

Maria V. Pevnaya — DSc (Sociological Sciences) (MSU, Moscow, Russia);

Natalia V. Prokazina — DSc (Sociological Sciences) (Central Russian Institute of Management — branch of RANEPa, Moscow, Russia);

Galina. V. Pushkareva — DSc (Political Science) (MSU, Moscow, Russia);

Antonina. V. Selezneva — DSc (Political Science) (MSU, Moscow, Russia);

Irina I. Smotritskaya — DSc (Economics) (Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia);

Alexander I. Solovyev — DSc (Political Science) (MSU, Moscow, Russia);

Maria A. Sukhareva — PhD (MSU, Moscow, Russia);

Mustafa Tanriverdi — PhD, (Istanbul University, Istanbul, Turkey);

Aleksey Yu. Timofeev — DSc (History) (Institute for Recent History, Belgrade, Serbia);

Aleksandr S. Voronov — DSc (Economics) (MSU, Moscow, Russia);

Maria V. Fedko — PhD (MSU, Moscow, Russia);

Maria M. Fedorova — DSc (Political Science) (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia);

Kelly de Souza Ferreira — PhD (PUC Campinas, Campinas, Brazil);

Alexandra F. Yakovleva — PhD (IMEMO RAS, Moscow, Russia);

Li-li Zhao — DSc (Law) (Shandong University of Science and Technology, Qingdao, China)

The journal is officially registered by the Federal Agency on Press and Mass Communications of the Russian Federation.

International serial number of the journal is **ISSN 2070-1381**.

“E-journal. Public Administration (Russia)” is included into RISC (Russian Index of Scientific Citation) and a Higher Attestation Commission (VAK) list.

The journal is published 6 times a year. All issues are available on the website: <https://spajournal.ru>.

The articles published in the journal are available on the basis of Creative Commons: **Attribution-NonCommercial 4.0 International (CC BY-NC 4.0)**.

Address: 119992, Moscow, Lomonosovskiy prospekt 27/4, room A-701. Telephone: +7 (495) 930-85-71.
E-mail: e-journal@spa.msu.ru

Содержание

Могилевский Константин Ильич

Приветственное слово 6

Слово декана

Никонов Вячеслав Алексеевич

Государственное управление в годы Великой Отечественной войны 8

Стратегии государственного управления в условиях внешних вызовов: ресурсы, инструменты, механизмы (к юбилею Победы)

Аманжолова Дина Ахметжановна

Особенности конструирования памяти о Великой Отечественной войне: пример бывших республик Средней Азии и Казахстана 25

Баев Евгений Викторович

Идеологические аспекты управления советской экономикой сталинского периода 34

Гриняев Сергей Николаевич; Журавель Валерий Петрович

Государственное управление в условиях внешних вызовов: уроки Великой Отечественной войны и современные международные практики 45

Левченков Александр Станиславович

Историческая политика на постсоветском пространстве (на примере памяти о Великой Отечественной войне) в контексте современных геополитических трансформаций 54

Ломагин Никита Андреевич

Роль внешней разведки в принятии решений в годы Великой Отечественной войны: новые документальные материалы из архива Службы внешней разведки Российской Федерации 66

Федоров Валерий Валерьевич; Львов Степан Васильевич

От коммуникативной памяти к культурной: межпоколенческая трансформация представлений о Великой Отечественной войне 78

Contents

Konstantin I. Mogilevskiy

Foreword 6

Dean's foreword

Vyacheslav A. Nikonov

Public Administration during the Great Patriotic War 8

**Public administration strategies in the face of external challenges: resources, tools,
mechanisms (to the Victory Anniversary)**

Dina A. Amanzholova

Features of Constructing the Memory of the Great Patriotic War: An Example of the Former Soviet Republics
of Central Asia and Kazakhstan 25

Evgenii V. Baev

Ideological Aspects of the Soviet Economy Management during the Stalin Period 34

Sergey N. Grinyaev; Valery P. Zhuravel

State Governance under External Challenges: Lessons from the Great Patriotic War and Contemporary
International Practices 45

Alexander S. Levchenkov

Historical Policy in the Post-Soviet Space (on the Example of the Memory of the Great Patriotic War) in
the Context of Modern Geopolitical Transformations 54

Nikita A. Lomagin

The Role of Foreign Intelligence in Decision-Making during the Great Patriotic War: New Documentary
Materials from the SVR Archive 66

Valery V. Fedorov; Stepan V. Lvov

From Communicative to Cultural Memory: Intergenerational Transformation of Perceptions of the Great
Patriotic War 78

Приветственное слово

Уважаемые читатели!

Перед вами специальный выпуск журнала «Государственное управление. Электронный вестник», посвященный 80-летию Великой Победы и, в частности, осмыслению опыта функционирования системы государственного управления в период Великой Отечественной войны. В него вошли материалы конференции «Стратегии государственного управления в условиях внешних вызовов: ресурсы, инструменты, механизмы (к юбилею Победы)», организованной Центром изучения российской государственности факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова 8 апреля 2025 года.

Автор этих строк с удовольствием принял участие в пленарном заседании конференции. На протяжении 80 лет история Великой Отечественной войны оставалась в фокусе внимания отечественных историков. Мы хорошо представляем себе ход боевых действий, в то время как история государственного управления оставалась «белым пятном». В результате примерно 30–40 лет назад в нашем обществе приобрел популярность дилетантский тезис, что война была выиграна якобы вопреки «бездарному руководству».

Между тем Великая Отечественная война действительно была новой — не такой, как все предыдущие, потому что воевали не просто армии, а народы, их экономики, национальные финансовые и логистические системы, научные и управленческие школы. И эти обстоятельства наложились на наработанный за тысячелетнюю историю России багаж, опыт консолидации ресурсов общества на самых приоритетных направлениях.

Накануне войны советский бюрократический аппарат находился в процессе пересборки. Перепись населения 1939 года зафиксировала огромный прирост численности служащих — в шесть раз за десять лет. И здесь дело не в бюрократизации управления, а в том, что во время индустриализации с нуля создавались целые отрасли экономики. К началу войны лишь треть советских чиновников имела профессиональное образование, не говоря уже о профильном управленческом опыте.

Часто это были совсем молодые люди — тридцать или тридцать с небольшим лет. Именно этим людям, опиравшимся зачастую лишь на чувство ответственности и собственный здравый смысл, удалось одержать верх над немецкой военной машиной.

Неудачи первых месяцев после вероломного вторжения врага привели к тому, что к ноябрю 1942 года нацистами была оккупирована территория, на которой до войны проживало 42% населения и производилось 34% продукции всей советской промышленности. Думаю, будь на месте Советского Союза любая другая страна, война бы давно для нее закончилась. Но наше «управленческое чудо» состояло в том, что мы смогли осуществить одновременно и массовую эвакуацию предприятий, и всеобщую мобилизацию.

В дискуссиях о системе управления важно понимать, каким образом удалось организовать мобилизацию. Понятно, что был патриотический подъем, понятно, что люди сами выстраивались в очереди в военкоматы, но это же огромный процесс, в том числе логистический, связанный с вопросами снабжения. За четыре года войны были мобилизованы порядка 30 миллионов человек.

Второй аспект — проведение эвакуации. Уже в июне 1941 года был определен порядок вывоза и размещения людей и имущества из прифронтовых регионов. И за два этапа эвакуации (первый — с июня 1941 по февраль 1942 годов, второй — весной и летом 1942 года) за Урал были переброшены 2743 предприятия и перевезены свыше 20 миллионов человек. Логистических операций таких масштабов никто никогда не осуществлял.

В результате стремительное продвижение немецких войск не обеспечило им стратегического превосходства. Развернув производство на Урале, в Сибири, в республиках Средней Азии, Советский Союз вскоре уверенно перегнал Германию и ее сателлитов по объему выпуска боеприпасов, вооружений и различных видов военной техники. И сегодня, когда мы говорим с нашими коллегами, добросовестными историками из стран Центральной Азии (из Казахстана, Узбекистана, других государств), мы понимаем, что нынешний индустриальный профиль этих стран во многом был сформирован тогда — в результате грамотно проведенной эвакуации.

Успех был достигнут также благодаря значительной дебюрократизации управления. В самом начале войны был создан Государственный комитет обороны (ГКО), был учрежден институт его уполномоченных, которые действовали на местах со всей полнотой власти, могли напрямую связаться с Москвой и оперативно решить любой производственный вопрос. В воспоминаниях об этом много написано, потому что, конечно, для людей это было необычно. Одновременно на уполномоченных ГКО возлагалась огромная личная ответственность перед руководством страны, перед И.В. Сталиным.

Хотелось бы упомянуть еще один характерный эпизод: решение начать советскую ядерную программу было принято 28 сентября 1942 года, когда враг стоял под Сталинградом и все силы и средства были брошены на то, чтобы не пустить его на Кавказ. Но руководство грамотно выбрало приоритеты — рискнули, конечно, — и это определило ход истории.

Во время войны был также создан целый ряд новых наркоматов (наркомат танковой промышленности, минометного вооружения и другие — разумеется, специфика ситуации диктовала выбор), а также целый ряд главков, ведающих вопросами снабжения.

На мой взгляд, юбилей Победы — хороший повод для того, чтобы внимательно разобраться в этих проблемах, и данный специальный выпуск — один из этапов этой большой работы.

**Константин Ильич Могилевский,
заместитель Министра науки и высшего образования Российской Федерации,
сопредседатель Российского исторического общества**

Слово декана
Dean's foreword

УДК 94(47).084.8

DOI: 10.55959/MSU2070-1381-113(S)-2025-8-24

Государственное управление в годы Великой Отечественной войны¹

Никонов Вячеслав Алексеевич

Доктор исторических наук, декан факультета государственного управления, SPIN-код РИНЦ: [3908-7388](https://elibrary.ru/authors/39087388),
Nikonov@spa.msu.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

В статье анализируются основные черты советской системы государственного управления в годы Великой Отечественной войны. Последовательно рассматриваются образование и функционирование Ставки Главного Командования (с августа 1941 г. — Верховного Главнокомандования) и Государственного комитета обороны под руководством И.В. Сталина, комиссии Бюро Совнаркома (БСНК) по текущим вопросам под руководством В.М. Молотова; мобилизация партийных органов и народного хозяйства, включая переход народного хозяйства на военные рельсы; различные аспекты мобилизации населения, в том числе на предприятия оборонной промышленности; формирование народного ополчения, системы призывов, развитие партизанского движения под руководством Центрального штаба партизанского движения; деятельность Совета эвакуации в 1941 г., а также эвакуация 1942 г. В исследовании отдельно анализируются экономические составляющие положения государства в годы войны: национальный доход, доходы и расходы государственного бюджета, государственные военные займы; объемы производства различных отраслей тяжелой и легкой промышленности, включая военное производство, а также сельского хозяйства; численность и условия труда советских рабочих и служащих, в том числе женщин и подростков; вклад населения ГУЛАГа и Фонда обороны; карточная система распределения продовольственных и промышленных товаров; управление восстановлением народного хозяйства. Уделено внимание государственному управлению детскими домами и школами, системе мер по повышению рождаемости, информационной политике, а также политике в области культуры и искусства, государственной символике, управлению наукой, взаимоотношениям с Русской православной церковью и другими традиционными религиями страны. В результате делается вывод, что подвиг во имя общего правого дела был и подвигом тех людей, которые обеспечивали государственное управление страной.

Ключевые слова

Великая Отечественная война, государственное управление, Государственный комитет обороны, мобилизация, эвакуация, оборонная промышленность, труженики тыла, военная наука.

Для цитирования

Никонов В.А. Государственное управление в годы Великой Отечественной войны // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 113(S). С. 8–24. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-113(S)-2025-8-24

Public Administration during the Great Patriotic War²

Vyacheslav A. Nikonov

DSc (History), Dean of School of Public Administration, Nikonov@spa.msu.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The article analyzes the main features of the Soviet system of public administration during the Great Patriotic War. The paper consistently examines the formation and functioning of the Headquarters of the High Command (since August 1941 — the Supreme High Command) and the State Defense Committee under the leadership of I.V. Stalin, the commission of the Bureau of the Council of People's Commissars (BSNK) on current issues under the leadership of V.M. Molotov; the mobilization of party organs and the national economy, including the transition of the national economy to a military track; various aspects of the population mobilization, including for defense industry enterprises; the formation of the people's militia, the conscription system, the development of the partisan movement under the leadership of the Central Headquarters of the partisan movement; the activities of the Evacuation Council in 1941, as well as the evacuation of 1942. The study separately analyzes the economic components of the state's position during the war: national income, revenues and expenditures of the state budget, and state military loans; the volume of production of various branches of heavy and light industry, including military production, as well as agriculture; the number and working conditions of Soviet workers and employees, including women and teenagers; the contribution of the GULAG population and the Defense Fund; the card system for the distribution of food and industrial goods; management of the restoration of the national economy. Attention is paid to the state management of orphanages and schools, the system of measures to increase the birth rate, information policy, as well as policy in the field of culture and art, state symbols, management of science, relations with the Russian Orthodox Church and other traditional religions of the country. As a result, it is concluded that the feat in the name of a common just cause was also the feat of those people who ensured the governance of the country.

Keywords

Great Patriotic War, public administration, State Defense Committee, mobilization, evacuation, defense industry, home front workers, military science.

¹ Статья основана на материалах монографии: Никонов В.А. История XX – XXI веков. М.: Издательство Московского университета, 2025. Серия «Труды выдающихся ученых». Книга 1.

² The article is based on the materials of the monograph: Nikonov V.A. History of the XX – XXI centuries. Moscow: Moscow University Press, 2025. The series "Works of outstanding scientists". Book 1.

For citation

Nikonov V.A. (2025) Public Administration during the Great Patriotic War. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 113(S). P. 8–24. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-113(S)-2025-8-24

Дата поступления/Received: 15.11.2025

Введение

Руководство Советского Союза решало в годы Великой Отечественной войны сложнейшие управленческие задачи. СССР противостоял самой мощной военной силе в самой кровопролитной войне в истории человечества, где ставкой была судьба всего человечества.

На рассвете 22 июня 1941 г. тишину летнего утра взорвал рев тысяч немецких моторов, грохот взрывов. В полдень прозвучало радиообращение В.М. Молотова, которое разделило жизнь всех советских людей на «до» и «после»: «Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города... Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная армия и весь наш народ поведут победоносную Отечественную войну за родину, за честь, за свободу... Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами»³.

Государственное мобилизационное управление

Президиум Верховного Совета СССР принял 22 июня утвержденные Политбюро ЦК ВКП(б) указы «О военном положении», «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения», «О мобилизации военнообязанных» по 14 военным округам (кроме восточных, чтобы не провоцировать Японию). 23 июня были введены в действие мобилизационные производственные планы по промышленности, для всех трудящихся отменены отпуска, движение на железных дорогах переведено на военный график. 24 июня Совнарком принял постановление «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе». 25 июня постановлением ЦК и СНК были созданы структуры начальников войскового тыла, фронтов и армий, в подчинение которых передавались войска НКВД, оказавшиеся в зоне боевых действий, органы милиции, истребительные батальоны [Сорокин 2022, 104–105]. Западные военные округа были преобразованы во фронты.

В городах и отдаленных селах у военкоматов, райкомов ВКП(б) и комсомола выстраивались длинные очереди добровольцев. Только за первые три дня войны в Москве поступило 70 тысяч заявлений с просьбой отправить на фронт. В Ленинграде к началу июля 1941 г. в действующую армию было направлено 45,2 тыс. добровольцев, в Киеве подано свыше 52 тыс. заявлений⁴. Сотни тысяч юношей и девушек в едином порыве добровольно пошли на фронт, поставив интересы защиты Родины выше своей жизни, всем сердцем восприняв призыв «Родина-мать зовет!». Уже к 1 июля в Вооруженные Силы было мобилизовано 5,3 млн человек.

В подготовке личного состава и использовании боевой техники вермахт — сильнейшая и самая обстрелянная армия в мире — имела превосходство над Красной армией. Германские войска, триумфально прошествовав по всей Европе, имели высокий боевой дух и рассчитывали на быструю победу. Маршал Советского Союза Г.К. Жуков говорил о неудачах начального периода войны: «Основные причины состояли в том, что война застала наши вооруженные силы в стадии

³ Выступление по радио заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров, Народного Комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова // Известия. 24 июня 1941.

⁴ Советская военная энциклопедия. Т. 5. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1978. С. 497.

их реорганизации и перевооружения более совершенным оружием; в том, что наши приграничные войска своевременно не были доведены до штатов военного времени, не были приведены в полную боевую готовность и не развернуты по всем правилам оперативного искусства для ведения активной стратегической обороны... Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не предполагался»⁵.

Решение Совнаркома о создании Ставки Главного Командования Вооруженных Сил СССР как высшего органа руководства действиями армии и флота было объявлено 23 июня. Первым его председателем стал нарком обороны С.К. Тимошенко.

30 июня был создан верховный орган государственного, военного и хозяйственного руководства страной в условиях войны — Государственный комитет обороны (ГКО), в который вошли И.В. Сталин (председатель), В.М. Молотов (заместитель председателя), К.Е. Ворошилов, Г.М. Маленков и Л.П. Берия. В феврале 1942 г. в состав ГКО войдут А.И. Микоян, Н.А. Вознесенский и Л.М. Каганович. 3 июля Сталин выступил по радио с обращением к гражданам страны [Жуков 2000, 201].

ГКО назначал и смещал высшее военное командование, готовил резервы для действующей армии, решал военно-стратегические вопросы, обеспечивал работу промышленности, транспорта, сельского хозяйства, снабжение населения и армии, подготовку и распределение трудовых ресурсов, государственную безопасность. Постановления ГКО подлежали неукоснительному выполнению. Он имел своих уполномоченных в республиках, краях и областях, на отдельных предприятиях [Коржихина 1994, 211].

Государственный комитет обороны примет в 1941–1945 гг. 9971 постановление по вопросам во всех сферах жизнедеятельности страны: по мобилизации народного хозяйства для нужд фронта и перевода предприятий на выпуск военной продукции, выпуску вооружений и боеприпасов, разработке новых видов вооружений, эвакуации и реэвакуации, формированию войсковых соединений и кадровым вопросам [Сорокин 2022, 105].

На отпор врагу были мобилизованы партийные органы. Первый развернутый план действий в военных условиях — директива № П509 — был направлен 29 июня всем членам и кандидатам в члены ЦК, союзным наркомам, первым секретарям обкомов и крайкомов партии, председателям обл- и крайисполкомов. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) обязывал все партийные, советские, профсоюзные организации мобилизовать все свои силы и все силы народа для разгрома врага, для беспощадной расправы с ордами напавшего германского фашизма⁶.

Секретари областных и городских комитетов ВКП(б) были уполномоченными ГКО, им предписывалось оперативно решать вопросы в первую очередь выпуска оборонной продукции. Более чем в 60 городах прифронтовой полосы были созданы городские комитеты обороны под руководством первых секретарей обкомов и горкомов, которые обеспечивали мобилизацию населения и ресурсов на строительство оборонительных рубежей, создание народного ополчения, перепрофилирование местных предприятий на выпуск вооружения и боевой техники [Великая Отечественная война 2013, 62]. На оккупированных врагом территориях партийные комитеты выступали организаторами партизанского движения. Бойцы Красной армии, труженики тыла в массовом порыве подавали заявления на вступление в партию.

Ставка Главного Командования была 8 августа преобразована в Ставку Верховного Главнокомандования. Сталин стал Верховным Главнокомандующим и наркомом обороны, а Генеральный штаб Вооруженных Сил — рабочим органом Ставки.

⁵ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. М.: Олма-пресс, 2013. С. 280, 281.

⁶ Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 50. Д. 415. Л. 109–112.

Полководцы Великой Отечественной высоко оценивали заслуги Сталина как Верховного Главнокомандующего, хотя отмечали и допускавшиеся им ошибки и просчеты. Так, маршал А.М. Василевский писал, что в первые месяцы войны у Сталина «порой проскальзывало стремление к фронтальным прямолинейным действиям советских войск. После Сталинградской и особенно Курской битв он поднялся до вершин стратегического руководства... И.В. Сталин стал хорошо разбираться не только в военной стратегии, что давалось ему легко, ибо он превосходно владел искусством политической стратегии, но и в оперативном искусстве»⁷.

Доклады Верховному Главнокомандующему делались, как правило, три раза в сутки. «Первый из них имел место в 10–11 часов дня, обычно по телефону, — свидетельствовал С.М. Штеменко, заместитель начальника Генштаба. — Это выпадало на мою долю. Вечером в 16–17 часов, докладывал заместитель начальника Генштаба. А ночью мы ехали в Ставку с итоговым докладом за сутки. Перед тем подготавливалась обстановка на картах масштаба 1: 200 000 отдельно по каждому фронту с показом положения наших войск до дивизий, а в иных случаях и до полка»⁸.

Здесь же решались вопросы обеспечения операций вооружением и техникой, приглашались прославленные советские конструкторы. Ни один новый образец военной техники не поступал в серийное производство без рассмотрения в Ставке или на заседании ГКО. «Ставка Верховного главнокомандования видела дальше и лучше, чем гитлеровское стратегическое руководство»⁹, — утверждал Г.К. Жуков.

Ставка запустила процесс перманентной мобилизации, который позволил остановить блицкриг. Гитлеровцы не ожидали, что значительные силы РККА в июле встретят их на рубеже Западная Двина — Днепр. Советское командование выработало осмысленную концепцию противостояния врагу в виде нанесения контрударов по танковым группам, когда они вырывались вперед и отрывались от пехоты.

Ставка, советское командование всех уровней быстро постигали искусство руководства крупными боевыми операциями. Исключительную стойкость и самоотверженность проявили бойцы на фронте и труженики тыла. Советские войска научились наносить болезненные контрудары. 9–10 августа авиадивизия М.В. Водопьянова на Пе-8 впервые бомбила Берлин.

Проявлением единого порыва к отпору врагу стало массовое добровольное участие в защите Отечества. Люди, которые не подлежали призыву по возрасту, состоянию здоровья или не были военнообязанными, воскрешая традиции предков, добровольно вступали в народное ополчение. Снабжение ополченских дивизий возлагалось на районные советы и партийные комитеты. Ополченцы ежедневно одну половину дня строили оборонительные сооружения, а другую — занимались боевой подготовкой.

Летом и осенью 1941 года были созданы 60 дивизий народного ополчения и 200 отдельных полков — всего около двух миллионов человек, а заявления от граждан всех возрастов и профессий продолжали поступать¹⁰. Многие добровольцы, не всегда успевавшие получить полноценную военную подготовку, героически гибли на полях сражений. Из добровольческих формирований после приобретения ими боевого опыта сложились первоклассные боевые соединения.

Советский Союз выиграет войну экономически. Все народное хозяйство перешло на военные рельсы. Произошло самое масштабное в истории человечества организованное перемещение производственных предприятий, учреждений, университетов, музеев, людей. Их спасли от агрессоров. На месте захваченных оккупантами фабрик и заводов выросли новые — на Урале, в Сибири.

⁷ Василевский А.М. Дело всей жизни. Неопубликованное. М.: Эксмо, 2015. С. 539.

⁸ Штеменко С. Генеральный штаб в годы войны. В дни огорчений и побед. М.: Вече, 2014. С. 186.

⁹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. М.: Олма-пресс, 2013. С. 327.

¹⁰ Советская военная энциклопедия. Т. 5. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1978. С. 498.

Мы произвели гораздо больше вооружений и гораздо лучшего качества, чем вся пришедшая с Гитлером Европа. И наши люди, исполненные мужеством, не дали врагу ни минуты покоя на захваченных ими землях.

Государственный комитет обороны взял на себя во всей полноте руководство работой тыла и фронта, планирование, утверждение военно-хозяйственных планов (вместо прежних народно-хозяйственных). Первый такой план — на III квартал 1941 г. — был разработан через неделю после начала войны. Если до войны Госплан планировал производство по наркоматам и по союзным республикам, то теперь задания получало каждое предприятие, удвоилось количество централизованно распределяемых видов продукции. За выполнением военных заказов был установлен жесточайший контроль. Управленческий аппарат переводился на круглосуточный режим работы.

Огромный вклад в обеспечение армии вооружением внесли «железные сталинские наркомы»: боеприпасов — Б.Л. Ванников, авиационной промышленности — А.И. Шахурин, вооружений — Д.Ф. Устинов, танковой промышленности — В.А. Малышев, химической промышленности — М.Г. Первухин. Работой той части правительственного аппарата, которая эвакуировалась в Куйбышев, руководил заместитель председателя Совнаркома Вознесенский.

Экономика страны к концу 1941 г. обеспечивала 8,5-миллионную армию на фронте. При этом с начала войны выплавка чугуна упала в 4 раза, стали — в 2,8 раза, выпуск продукции гражданского назначения резко снизился, а по некоторым позициям прекратился. Практически вся металлургическая, машиностроительная, химическая промышленность была переведена на производство исключительно военной продукции [История Великой Отечественной войны 2020, 446].

Стояли все шахты Донбасса и Подмосковского бассейна, резко снизилась добыча нефти, цветных металлов. На фронт ушли 60–70% всех рабочих и служащих. Сельское хозяйство пострадало сильнее всего — из-за потери плодородных районов, урожая на них, призыва колхозников на службу, передачи в армию техники и лошадей. Противник захватил огромную территорию. Но, несмотря ни на что, выпуск оборонной продукции в 1941 г. вырос на 40%. А с начала 1942 г. уже вся промышленность начала наращивать обороты.

Указом «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» от 26 июня 1941 г. устанавливался 11-часовой рабочий день. 30 июня 1941 г. был создан Комитет по учету и распределению рабочей силы. На место мобилизованных привлекались ранее не работавшие — домохозяйки, инвалиды, престарелые, подростки. Широко использовался труд заключенных в лагерях и колониях, призыв на альтернативную службу негодных к строевой. Отменялись выходные дни и отпуска, вводились сверхурочные, уголовная ответственность за прогулы и опоздания.

С осени 1941 г. начали призывать военнообязанных старших возрастов в «рабочие колонны» для строительных работ и на оборонные предприятия. 13 февраля 1942 г. Президиум Верховного Совета ввел на период войны мобилизацию трудоспособного городского населения для работы по месту жительства на предприятиях оборонной промышленности [Коржихина 1994, 227]. Рабочие прикреплялись к заводам и не могли самовольно их покидать. Одновременно вводились большие премии за перевыполнение планов.

Чтобы не допустить голода в городах, с весны 1942 года было решено выделить заводам и фабрикам земли для ведения подсобного хозяйства, а рабочим и служащим — под огороды.

В соответствии с Постановлением ЦК и СНК «О порядке вывоза и размещения людских контингентов» от 27 июня 1941 г., перемещению на восток в первую очередь подлежали детские учреждения, квалифицированные рабочие и служащие, люди пожилого возраста, женщины с детьми,

промышленное оборудование, танки и машины, цветные металлы, горючее, хлеб и другие ценности, имеющие государственное значение [Великая Отечественная война 2013, 125].

С потерей западных районов страны Советом по эвакуации при Совнарком на восток на огромные расстояния перемещались целые отрасли промышленности. Потоком шли эшелоны с заводским оборудованием, сырьем, спасавшимися от войны людьми. Люди ехали к родственникам или просто в более безопасное место. В людских реках терялись родные, разлучались семьи.

«Предприятия, подлежавшие эвакуации из прифронтовой полосы, продолжали выпуск продукции до возможного последнего момента. Демонтаж оборудования и погрузка его в вагоны часто велись под артиллерийским обстрелом и бомбежками врага. Большие трудности были связаны с демонтажем и транспортировкой крупногабаритного оборудования, требующего огромного количества вагонов и паровозов. Одновременно надо было перевезти на восток миллионы людей, уезжавших со своими предприятиями, разместить их на новых местах, помочь устроиться... Цепь эвакуационных пунктов протянулась на тысячи километров — от прифронтовых железнодорожных станций юга и запада страны до Восточной Сибири, Казахстана, Средней Азии», — писал отвечавший за эту работу А.Н. Косыгин [Андрянов 2003, 60–61].

Критическими были последние два месяца 1941 года, когда большая часть военной промышленности находилась на колесах. К концу года предприятия были вывезены из прифронтовых районов, и Совет по эвакуации был ликвидирован [Коржихина 1994, 226]. Но летом 1942 года, когда началось наступление фашистских войск на юге, пошла вторая — меньшая по масштабам — волна эвакуации. Всего было эвакуировано 1523 промышленных предприятия, огромное количество учебных и научно-исследовательских учреждений, библиотек, музеев, театров. Эвакуировались музейные коллекции, архивы, другие культурные ценности. Сокровища Эрмитажа перевезли в Свердловск (Екатеринбург), основную часть коллекции Русского музея — в Молотов (Пермь), Третьяковской галереи — в Новосибирск. На восток переехало, по разным оценкам, от 10 до 17 млн человек. Ничего подобного в истории не делалось ни до, ни после.

Тыловые районы были превращены в основную базу военно-промышленного потенциала СССР. Всего за годы войны в восточных районах страны было построено и введено в строй 3,5 тысячи крупных промышленных предприятий [История Великой войны 2010, 389].

В августе 1942 г. по решению Политбюро Молотов был назначен первым заместителем председателя СНК «по всем вопросам работы Совнаркома СССР» и председателем комиссии Бюро Совнаркома (БСНК) по текущим вопросам¹¹. В ведение БСНК передавались рассмотрение и утверждение народнохозяйственных планов (планов производства и снабжения), государственный бюджет и кредитование всех отраслей народного хозяйства, а также организация работы наркоматов, не вошедших в сферу руководства ГКО, — машиностроительных, наркоматов по строительству и производству строительных материалов, пищевой и легкой промышленности, сельского хозяйства, сельскохозяйственных заготовок и торговли, морского и речного транспорта, резиновой промышленности, лесной промышленности, целлюлозно-бумажной промышленности, здравоохранения, юстиции, — и всех комитетов и управлений при СНК СССР [Рубцов 2015]. То есть Молотов — с учетом его функций в ГКО и СНК — руководил всем народнохозяйственным комплексом, оборонной промышленностью и внешней политикой.

Политбюро 8 декабря 1942 г. приняло постановление «О составе и работе Оперативного бюро ГОКО и Бюро Совнаркома СССР: «1. Утвердить Оперативное бюро ГОКО в следующем составе: Молотов, Берия, Маленков, Микоян. Отнести к ведению оперативного бюро ГОКО контроль и наблюдение за текущей работой всех наркоматов оборонной промышленности», наркоматов

¹¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1045. Л. 17.

путей сообщения, черной металлургии, цветной металлургии, электростанций, угольной, нефтяной, химической промышленности, а «также за делом составления и исполнения планов производства и снабжения указанных отраслей промышленности всем необходимым. Комиссию по текущим делам Бюро СНК СССР упразднить.

2. Утвердить Бюро СНК СССР в составе Молотов, Микоян, Андреев, Вознесенский, Шверник. Отнести к ведению Бюро СНК СССР рассмотрение и утверждение от имени Совнаркома СССР народнохозяйственных планов (планов производства и снабжения), государственного бюджета и кредитования всех отраслей народного хозяйства, решение практических вопросов работы всех машиностроительных наркоматов», наркоматов по строительству и производству строительных материалов, пищевой и легкой промышленности, сельского хозяйства, сельскохозяйственных заготовок и торговли, морского и речного флота, резиновой, лесной, целлюлозно-бумажной промышленности, здравоохранения, юстиции и «всех комитетов и управлений при СНК СССР, ведающих отдельными отраслями культурного строительства и административного управления»¹². Молотов фактически в полном объеме получал полномочия главы правительства в тот момент, когда немцы стояли у Сталинграда и на Кавказе, а экономика была разрушена. 1942 год был самым тяжелым для советской экономики.

Если принять уровень 1940 г. за 100%, то в 1942 г. национальный доход составил лишь 66%, промышленное производство — 77%, продукция сельского хозяйства — 38%, грузооборот транспорта — 53%, численность рабочих и служащих — 59%, оборот торговли — 34%. За год выплавка стали упала с 17,9 до 8,1 млн тонн, добыча угля — со 151,4 до 75,6 млн тонн, добыча нефти — с 33 до 22 млн тонн. Сбор зерновых в 1940 г. был 95,6 млн тонн, в 1941-м — 55,9 млн, в 1942 г. — 29,7 млн [Великая Отечественная война 2013, 64-в, 64-д]. При этом доля восточных регионов (включая Поволжье) в производстве основной продукции выросла многократно — до 97,4% всего производимого чугуна, 89,1% — стали, 81,8% — угля, 89,1% — зерна. Расходы государственного бюджета за год упали со 191,4 млрд рублей до 182,8 млрд, но военные расходы выросли — с 83 до 108,4 млрд руб. [Там же, 64-а-е].

Несмотря на разрушения и потерю наиболее развитых районов страны, удалось создать практически новую индустриальную базу. При ограниченных ресурсах заводы СССР превосходили по экономическим показателям — эффективности, объему выпуска продукции, качеству — подчиненную Гитлеру европейскую экономику. В 1942 г. СССР произвел 25436 самолетов, Германия — 15409; в 1943 г. СССР — 34 900, Германия — 24807 самолетов. В 1943 г., располагая 8 млн тонн выплавленной стали и 90 млн тонн угля, советская промышленность произвела 24 тысячи танков и 48 тысяч единиц тяжелой артиллерии. Германия 30 млн т стали и 340 млн т угля превратила в 17 тысяч танков и 27 тысяч пушек.

Постоянно модифицируемый своими создателями — А.А. Морозовым и М.И. Кошкиным — Т-34 с 85-миллиметровой пушкой и литой башней был по праву признан лучшим танком Второй мировой войны. В сентябре 1943 г. поступил на вооружение тяжелый танк ИС-2, превосходивший немецких «Тигров» и «Пантер» по броневой защите.

Непревзойденным остался бронированный самолет-штурмовик Ил-2 авиаконструктора С.В. Ильюшина, ставший самым массовым (41 тысяча машин). Наиболее совершенным легким бомбардировщиком был Ту-2, который А.Н. Туполев начал разрабатывать еще до войны в «шарашке». Истребительная авиация превосходила немецкую по всем параметрам с начала массового выпуска в 1942–1943 гг. самолетов Ла-5 и Ла-7 конструктора С.А. Лавочкина и нескольких типов истребителей А.С. Яковлева. Его Як-3 стал самым легким и маневренным самолетом на Восточном фронте.

¹² Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953 / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М.: РОССПЭН, 2002. С. 23–24.

Пулемет-пистолет Г.С. Шпагина (ППШ) и пулемет-пистолет А.И. Судаева (ППС) стали основным скорострельным оружием всей советской армии. Прекрасно зарекомендовали себя противотанковые ружья В.А. Дегтярева (ПТРД) и С.Г. Симонова (ПТРС).

«Столь феноменальные успехи ученые объясняют рядом факторов: грамотное планирование, стандартизация производства с выпуском ограниченной номенклатуры изделий, жесткая ответственность за принятие и исполнение решений, военная дисциплина на заводах и резкое ограничение потребления. И еще одна, трудноуловимая по экономическим критериям причина, — моральное превосходство над врагом, готовность пойти на жертвы и лишения ради победы. Когда американские журналисты, посетив заводы в Магнитогорске, спросили сильно уставшую от тяжелого труда девушку, зачем она это делает, то получили простой ответ: “Я готова на все, лишь бы отомстить фашистам за гибель моих родных”», — пишет российский историк Сергей Валерьевич Кудряшов [Всемирная история 2018, 54].

Уже на второй день войны, 23 июня 1941 г., Минский обком ВКП(б) принял резолюцию о подготовке к переходу на нелегальное положение и начал партизанскую борьбу в тылу врага. А 29 июня ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР издали Директиву партийным и советским организациям прифронтовых областей, в которой предписывалось «заблаговременно под ответственность первых секретарей райкомов и обкомов создавать из лучших людей надежные подпольные ячейки» [История Великой Отечественной войны 2020, 318–319].

18 июля 1941 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск». К концу 1941 г. «по ту сторону фронта» действовало 18 подпольных обкомов и более 260 подпольных окружков, горкомов и райкомов, которые выступали точкой сосредоточения сил антифашистского сопротивления. В ряде городов были созданы комсомольские подпольные группы.

С каждым месяцем число отрядов и бойцов неуклонно росло. К концу 1941 г. в тылу врага развернули борьбу почти 3,5 тысячи отрядов, в которых насчитывалось около 90 000 человек. Партизаны разрушали тыл немецких войск, взрывали железнодорожные пути, мосты, нападали на отдельные отряды врага и даже захватывали районы.

Создавались целые партизанские края, свободные от оккупантов, — в Ленинградской, Смоленской, Орловской областях, в горном Крыму, в Белоруссии, северной Украине. В партизанских краях находили убежище тысячи людей, спасавшихся от уничтожения и угона в Германию, там действовали советские и партийные органы, работали школы, больницы, предприятия. Только летом и осенью 1942 г. гитлеровцы вынуждены были снять с фронта для борьбы с партизанами 24 дивизии.

Решением ГКО от 30 мая 1942 г. был создан Центральный штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования. Его руководителем стал первый секретарь белорусского ЦК партии П.К. Пономаренко. Формировались республиканские, краевые и областные штабы партизанского движения, решавшие задачи дезорганизации тыла противника путем развертывания массового сопротивления, разрушения его коммуникаций и линий связи, уничтожения складов и баз с боеприпасами, вооружением и горючим, нападения на воинские штабы, полицейские участки и комендатуры, усиления разведывательной деятельности.

К концу 1942 г. в 1770 партизанских отрядах и бригадах насчитывалось 125 000 бойцов, а в следующем 1943 г. их число удвоилось, достигнув 250 000 человек.

Для помощи наступлению под Курском 3 августа – 15 сентября 1943 г. на территории, временно оккупированной фашистами, развернулась операция «Рельсовая война» — подрыв железнодорожных путей на фронте в 1000 км и на 750 км в глубину. Всего к операции привлекались 167 партизанских бригад и отрядов на территории Белоруссии, России и Украины, общей численностью 100 тысяч человек. В рамках операции «Рельсовая война» за полтора месяца партизанам удалось взорвать 215 тысяч рельсов и пустить под откос более 1000 эшелонов.

Успех «Рельсовой войны» был настолько очевиден, что советское командование распорядилось с 19 сентября 1943 г. начать операцию «Концерт», продолжавшуюся до конца октября. В операции участвовало 193 партизанских отряда, насчитывавших более 120 тысяч человек, на территориях Украины, Белоруссии, России и Прибалтийских республик. В ходе операции было взорвано 150 тысяч рельсов и уничтожено более 1200 эшелонов. Пропускная способность железных дорог на оккупированных территориях снизилась на 35–40%.

Всего в 1941–1944 гг. на временно оккупированной территории Советского Союза сражались около 6200 партизанских отрядов и соединений, а общая численность партизан и подпольщиков оценивается почти в миллион человек. Это был отдельный «фронт за линией фронта», чей вклад в победу над врагом невозможно переоценить.

На фронте, в тылу и за линией фронта

Гитлер был уверен, что Советский Союз распадется, как картонный домик, под первыми ударами доселе непобедимого вермахта. Но угроза порабощения подняла на борьбу с захватчиками всех людей вне зависимости от национальности, вероисповедания, социального положения, возраста. Они восприняли войну как Отечественную, справедливую, священную. Никогда еще не ощущалась такая общность судьбы. То, что были трусы, рвачи, паникеры, равнодушные, злорадствующие, даже предатели, не перечеркивает народного характера борьбы против фашизма.

Письма-треуголки — без конвертов и марок — находили своих адресатов во всех уголках страны. Эти выцветшие листки несут в себе ощущения зыбкости фронтового бытия, ежеминутной опасности, часто содержат трогательные воспоминания о мирной жизни и проникнуты верой в Победу. В них запрещалось писать о конкретных военных действиях или планах. Описывая свою фронтовую жизнь, бойцы прежде всего старались успокоить своих близких, убедить их, что на войне не так уж и страшно. И эти письма без конвертов бесперебойно доходили до адресатов даже самых отдаленных уголков страны.

Оккупация важнейших экономических районов СССР поставила страну в чрезвычайно сложные условия. На захваченной территории до войны проживало 40% населения страны, производилось 33% валовой продукции всей промышленности, выращивалось 38% зерна, содержалось около 60% поголовья свиней и 38% крупного рогатого скота.

К 1942 г. численность советских рабочих и служащих упала вдвое по сравнению с 1940 г. — работоспособные мужчины либо призывались на фронт, либо освобождались от призыва именно из-за соображений их незаменимости на рабочем месте, покрыть нехватку работников было возможно только за счет пенсионеров, домохозяек и подростков, не достигших призывного возраста [История Великой Отечественной войны 2020, 468, 442].

Трудились по 12 часов в сутки, если надо — то и больше, без выходных и отпусков, не останавливаясь даже на время налетов вражеской авиации.

Трудились за себя и товарища, ушедшего на фронт. Отдыхали нередко прямо у станка. В июле 1941 г. молодой сормовский токарь Ф. Букин выступил с инициативой работать не только за себя, но и за товарища, ушедшего на фронт, то есть выполнять ежедневно две нормы — 200%. Почин был подхвачен, и началось массовое движение «двухсотников». В Москве к октябрю 1941 г. 15 тысяч комсомольцев стали «двухсотниками». А вскоре появились и «трехсотники», и «четырёхсотники, а с февраля 1942 г. — и «тысячники».

Широкий размах получило движение комсомольско-молодежных бригад и начавшееся осенью 1941 г. их соревнование за звание фронтовых — по инициативе бригады М.Ф. Попова с Уралмашзавода. Это звание присваивалось тем комсомольско-молодежным бригадам, которые в течение двух месяцев выполняли план не менее чем на 150% [История Великой войны 2010, 390–391].

Ряды рабочих пополнили жены и матери фронтовиков, их сестры и младшие братья. Вернулись на производство и многие пенсионеры.

В Красной армии воевало 600 тысяч женщин, из них 80 тысяч были офицерами. Они составляли основную массу персонала госпиталей, санитарных поездов, порой лишь пройдя ускоренные курсы медсестер и сандружинниц. 87 женщин были награждены звездами Героев Советского Союза.

Женщины вытянули на себе производство. Они составляли 60% всех тружеников промышленности, работая кузнецами, сварщиками, слесарями. Женщины валили лес и расчищали железнодорожные пути. Горечь потерь, нужда, забота о детях, беспредельное терпение. «Второй фронт был открыт русской бабой еще в 1941 году, когда она взвалила на себя всю мужскую работу, когда на нее оперлись всей своей мощью фронт, армия, война», — замечал известный писатель Ф.А. Абрамов.

Три четверти занятых в сельском хозяйстве к концу войны тоже были женщинами. А еще 10% составляли старшекласники.

Дети и подростки, как могли, участвовали во всенародной войне против фашизма. Воспитанные в пионерских и комсомольских организациях, в кружках Осоавиахима, в военнотимуровских командах, сотни тысяч юношей и девушек 10–16 лет воевали на фронтах Великой Отечественной, в партизанских отрядах, дни и ночи работали на заводах и полях. Во многих школьных мастерских выпускалась продукция для фронта. Старшекласники патрулировали улицы. Тимуровцы помогали семьям фронтовиков.

Много было сыновей полков и юнг. Десять тысяч 12–15-летних юнг было призвано на флот в 1942 г. Более 20 тысяч подростков допризывного возраста привлекались для разминирования полей под урожай 1944 г. В рамках «последнего призыва» в ряды Красной армии было мобилизовано более 2 млн 16–17-летних подростков.

Свой вклад в Победу вносило и население ГУЛАГа. К началу войны в лагерях, тюрьмах и колониях содержались 2,3 млн человек. Указами Президиума Верховного Совета от 12 июля и 4 ноября 1941 г. о досрочном освобождении осужденных за незначительные преступления были освобождены и переданы в Красную армию 420 тысяч заключенных. Среди них окажется немало героев Советского Союза.

За первые три года войны из лагерей и колоний убыли 2,9 млн человек, поступили 1,8 млн осужденных. В общей сложности до двух миллионов заключенных работали на строительстве железных и шоссейных дорог, промышленных предприятий, аэродромов, оборонительных рубежей. После коренного перелома заключенных стали использовать на металлургических и даже некоторых оборонных предприятиях.

Люди старшего возраста, женщины, подростки рыли окопы на подступах к городам. Для тушения зажигательных бомб устраивались дежурства на крышах домов. Трудовые коллективы брали шефство над воинскими частями, кораблями флота, госпиталями. Люди всей страны слали на фронт посылки с теплой одеждой, подарками. Там были табак, кисеты, мыло, рукавицы, связанные своими руками шерстяные носки и свитера. Теплой одежды только за 1941 год собрали достаточно, чтобы одеть два миллиона человек. Оказывалось внимание семьям фронтовиков, раненым и больным.

Повсеместно были развернуты донорские пункты. Сотни тысяч жизней были спасены благодаря помощи доноров крови, которые дали фронту 1 млн 700 тысяч литров крови. Значки «Готов к санитарной обороне» (ГСО) получили 23 млн человек. Физкультурные общества готовили не только значкистов ГТО. Миллионы людей прошли курсы рукопашного боя, плавания с боевым снаряжением, военно-лыжной, альпинистской подготовки.

На добровольной основе был создан Фонд обороны, инициаторами которого стали рабочие московского завода «Красный пролетарий», выступившие с призывом ежемесячно отчислять однодневный заработок. Отчислить в Фонд обороны по 10 трудодней с каждого работавшего решили члены колхоза «Ленинский путь» Оренбургской области, а за ними и другие колхозники.

Возникший стихийно Фонд обороны стал свидетельством всенародного единства, туда поступали добровольные пожертвования на нужды обороны — личные сбережения, драгоценности, авторские гонорары, государственные премии, облигации займов. В него передавались средства, заработанные на воскресниках, сельскохозяйственная продукция.

Приток средств обеспечивала и подписка на государственные военные займы. В 1942–1945 гг. были проведены четыре военных займа, которые принесли в казну 90 млрд рублей (все прямые военные расходы СССР составили 551 млрд) [Вдовин 2018, 303]. Добровольные взносы, обязательные платежи населения и займы дали 20% оборонного бюджета страны.

Приезжавшим из захваченных врагом областей (эвакуированным) помогали устроиться. За первые месяцы войны население Алма-Аты и Ташкента почти удвоилось, и они стали многонациональными городами. Приезжавших расселяли в дома культуры, детские сады, спортзалы. Очень многим предоставляли кров местные жители, хотя и сами жили тесно.

Война вошла в каждый дом, в каждую семью, где бы она ни жила. Во всех городах, которые могла достать вражеская авиация, применялась светомаскировка, в темное время суток все окна затемнялись. Враг предпочитал бомбить ночью: боялись зениток. Подавляющая часть европейской части СССР впервые за четыре года сможет увидеть освещенными улицы городов и сел, зажечь свет в домах и квартирах без необходимости обеспечивать светомаскировку только 30 апреля 1945 г.¹³ Это была одна из самых долгожданных примет возвращения мирной жизни.

Из-за немецкого наступления посевные площади в стране сократились на 42%. В армию и на заводы из деревень ушли 13,5 млн мужчин, сельскохозяйственная техника использовалась для военных нужд. Резко сократилось производство основных культур, поголовье скота. Валовой сбор зерновых составил в 1940 г. 95,6 млн т, в 1941 г. — 55,9, в 1942 г. — 29,7, в 1943 г. — 29,4, в 1944 г. — 49,1, в 1945 г. — 47,3 млн т.

Распределение продовольственных, а потом и промышленных товаров по карточкам было введено в июле 1941 г. в Москве, Ленинграде и в других крупных городах, а в ноябре — для всего городского населения. Нормы обеспечения продовольствия разделялись по четырем категориям населения: для рабочих, служащих, иждивенцев и детей. По первой категории обеспечивались работники оборонной, тяжелой промышленности, транспорта, ученые. В день им полагалось 800 г хлеба, детям и неработающим членам семей — 400 г. В месячный паек рабочего входили 1,8 кг рыбы и мяса, 400 г жиров, 1,2 кг крупы и макаронных изделий. В Ленинграде в январе 1942 г. рабочие получали 250 граммов хлеба, а служащие, иждивенцы — «сто двадцать пять блокадных грамм с огнем и кровью пополам».

На централизованном карточном снабжении находились в 1941 г. 62 млн человек, в 1943 г. — 73,9, в 1945 — 80,6 млн. Выручала и система дешевого или бесплатного общественного питания на производстве и в учебных заведениях.

Легкая промышленность работала в основном, чтобы одеть и обуть армию, поэтому количество поступающей в торговлю ткани, обуви сократилось в 10–12 раз. Карточками на непродовольственные товары пользовались 60 млн человек. Немалый вклад в победу внесли работники бань, прачечных, коммунальных служб, столовых, пошивочных и ремонтных ателье. И в войну выходили журналы мод. Росло производство детских игрушек. В 1942 г. в Москве, назло всему, открыли завод шампанских вин.

¹³ Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война: 1941–1945. М.: Историческая литература, 2010. С. 375.

Сельским труженикам карточки не полагались, они обеспечивали себя всем необходимым самостоятельно. Помимо средств, получаемых в колхозах и совхозах, крестьян спасали личные подсобные хозяйства, домашний скот и птица, возможность выручить деньги за произведенные своими руками продукты и ремесленные изделия на рынке.

Спасение детей было одним из приоритетов государственной политики. Самым трудными стали первые месяцы войны, когда шла массовая эвакуация детей и детских учреждений из прифронтовой полосы. По всей стране открылось множество домов для сирот и детей фронтовиков, интернаты, круглосуточные группы в детских садах и яслях, чтобы дать возможность родителям работать в любое время суток.

Школы были переполнены, учились в две-три смены, остро не хватало письменных принадлежностей, учебников, дров, да и учителей. Учиться стали с семи, а не с восьми лет, и удалось добиться практически поголовного охвата детей школьным образованием. Старшеклассники проходили курс молодого бойца: строевую, стрелковую, лыжную, санитарную, противохимическую подготовку, технику рукопашного боя. Много внимания патриотическому воспитанию уделять не надо было: война сама стала лучшим воспитателем любви к Отчизне. Не забывали в войну и о внешкольной работе. Для детей проводились праздники, организовывались смотры художественной самодеятельности, выставки художественного творчества, оздоровительные акции.

Одной из трагедий войны стало то, что огромное количество детей осталось без родителей и без крова. Их судьба стала делом всей страны, никому в голову не могла даже прийти идея зарубежного усыновления. Все понимали: дети — будущее страны. Число детских домов выросло почти вчетверо и достигло 6 тысяч. Свои личные средства детским домам перечисляли руководители страны, видные ученые, деятели культуры, входившие в состав их попечительских советов, труженики всей страны. Шла разъяснительная работа по опеке и усыновлению, очень многих детей забирали в семьи. Массовой беспризорности удалось избежать.

В июле 1944 г. был издан указ «О мерах предотвращения дезорганизации семьи и снижения рождаемости». Он усложнил процедуру разводов, и их число сократилось в 14 раз. Было введено пособие на рождение третьего и каждого последующего ребенка (ранее — только на седьмого), повысилось пособие для многодетных семей, уменьшилась плата за детские сады и ясли. Расширялась сеть детских консультаций, яслей, молочных кухонь. Были введены почетное звание «Мать-героиня» для родивших более 10 детей и орден «Материнская слава».

С целью «устройства, обучения и воспитания детей воинов Красной армии, партизан Отечественной войны, а также детей советских и партийных работников, рабочих и колхозников, погибших от рук немецких оккупантов», по образцу дореволюционных кадетских корпусов были созданы Суворовские военные и Нахимовские военно-морские училища.

Поколение победителей, подростков, детей войны восстановит разрушенные города и села, заводы и фабрики, сохранит и передаст нам, потомкам, идеалы мира, чести, справедливости, трудолюбия, самопожертвования, беззаветной любви к Родине.

Культура и наука для Победы

Война стала временем небывалого интеллектуального и творческого подъема. Деятели культуры создали величайшие произведения о подвиге народа в поэзии и прозе, музыке и кино, живописи и скульптуре. Реставраторы консервировали до лучших времен или возрождали из руин памятники старины. Ставились памятники видным историческим деятелям. Любовь к Родине, ненависть к врагу, вера в победу стали ведущими темами для произведений литературы и искусства.

Да и люди в короткие минуты отдыха тянулись к искусству. Больше обычного были востребованы — там, где они были — театры, библиотеки, музеи, клубы.

Вторая мировая война была и войной идеологий. Немцы активно использовали радиопропаганду, наглядную агитацию, многомиллионными тиражами выпускали листовки на тридцати языках народов СССР. Геббельс рекомендовал: «Чтобы лжи поверили, необходимо ее пропагандировать самым односторонним, грубым, настойчивым образом».

Тем важнее было слово правды. Люди жадно ловили любую информацию с фронтов. Военные сводки поступали от Советского информационного бюро, их зачитывал диктор Ю.Б. Левитан, ставший голосом страны (и личным врагом Гитлера). Сообщения транслировались 18 раз в сутки на 70 языках народов СССР и 28 иностранных языках.

Правду о войне с передовой каждый день сообщали военные корреспонденты. В СССР к 1945 г. выходили 6072 газеты общим разовым тиражом 18 млн экземпляров. Только для национальных воинских формирований на фронтах издавали 64 газеты на языках народов Союза. Печаталось огромное количество листовок, плакатов, брошюр.

Основным в столкновении идей стал образ жестокого, беспощадного и ненавистного врага, призыв к освобождению от нацистского вторжения. И образ Родины-матери, воплощение священной памяти о тысячелетней российской истории и жертвенных подвигах поколений наших предков.

Руководство страны обращалось к традиционным российским ценностям, опиралось на преемственность патриотической традиции отечественной истории. В июле 1942 г. были учреждены высшие воинские награды в честь Александра Невского, Александра Суворова, Михаила Кутузова.

А.В. Александров стал автором музыки нового советского гимна, в котором темы победного марша соединились с широтой русского былинного распева. В словах гимна, написанных С.В. Михалковым и Эль-Регистаном (Г.А. Урекляном), центральными были слова о «великой Руси», сплотившей все народы Советского Союза, что отразило переориентацию с классовых позиций на государственно-национальные. Впервые гимн был исполнен по радио в новогоднюю ночь 1944 г. Музыка этого священного гимна станет и мелодией современного гимна Российской Федерации. А новые слова для него напишет тот же Михалков в 2000 г.

В блокадном Ленинграде была исполнена поучившая мировую славу пронзительная «Седьмая Ленинградская симфония» Д.Д. Шостаковича, которую он начал писать в осажденном городе. В 1943 г. прозвучала опера С.С. Прокофьева «Война и мир», его симфоническая сюита «1941 год».

Театры в крупных городах продолжали работать, правда, спектакли шли в утреннее время, когда меньше была вероятность бомбардировок с воздуха. Большой театр продолжал свои выступления в Куйбышеве, Кировский театр — в Молотове (Перми). Писатели обогащали репертуар театров новыми пьесами.

Созданный художником И.М. Тоидзе образ «Родина-мать зовет!» взывал к борьбе с врагом с тысяч плакатов. «Окна ТАСС», продолжавшие традицию «Окон РОСТА» времен Гражданской войны, появились на Кузнецком мосту в Москве уже 27 июня 1941 г. Над плакатами работали лучшие художники, графики и карикатуристы — Б.Е. Ефимов, Кукрыниксы (М.В. Куприянов, П.Н. Крылов, Н.А. Соколов) и другие — в содружестве с поэтами Демьяном Бедным (Е.А. Придворовым), В.И. Лебедевым-Кумачом, С.Я. Маршаком. Художники, откомандированные в политуправления фронтов, оформляли армейские газеты и боевые листки.

Военная пора подарила и множество замечательно задушевных и пронзительных песен, которые люди поют и сегодня, с трудом сдерживая слезы.

Президиум Академии наук СССР 23 июля 1941 г. переориентировал все научные учреждения на обеспечение обороны страны. Решением ГКО для максимальной концентрации усилий ученых в оборонной сфере был создан Научно-технический совет, привлекавший исследовательские институты и вузы для работы в интересах фронта и тыла.

Большинство научных организаций оказалось в эвакуации, Президиум АН СССР во главе с его президентом В.Л. Комаровым разместился в Свердловске, институты — в 12 городах страны.

Ученые и конструкторы налаживали сложные промышленные комплексы, их талантом разрабатывалась и производилась военная техника, превосходившая вооружение вермахта. Техническая интеллигенция и рабочие с золотыми руками внедряли новые технологии ускоренного изготовления оружия, боеприпасов, радиотехнических изделий. Ученые успешно решали проблемы создания новых взрывчатых веществ, оптических приборов, использования автоматической электросварки, технологии направленного взрыва.

Разведывались все новые месторождения полезных ископаемых, дававшие сырье для оборонной промышленности. Благодаря работе геологов была начата эксплуатация Волго-Уральской нефтегазоносной области.

Академик А.Ф. Иоффе и его сотрудники разрабатывали новые методы радиолокации, академик В.А. Фок — теорию баллистики, академик С.И. Вавилов — современные оптические приборы, И.В. Курчатов, И.Е. Тамм — способы защиты кораблей от мин.

Медики под руководством академика Н.Н. Бурденко внедрили единые принципы лечения от ран, работали над новыми препаратами. Отечественная система военно-полевой медицины продемонстрировала высокую эффективность: 70% раненых и 90% заболевших возвращались в строй — гораздо больше, чем во вражеской армии. Осуществлялись мероприятия по санитарной обработке и дезинфекции, в армии действовала противоэпидемическая служба. Благодаря усилиям медиков массовых эпидемий удалось избежать. 43 военных медика удостоены звания Героя Советского Союза. Среди наиболее выдающихся организаторов здравоохранения — главный эпидемиолог Советской Армии Т.Е. Болдырев, главный хирург Н.Н. Бурденко, главный терапевт М.С. Вовси. Не будет большим преувеличением сказать, что войну выиграли вновь поставленные врачами в строй раненые [Вдовин 2018, 299].

Научные работники активно участвовали в разъяснительной работе с населением, готовили высококвалифицированных специалистов. В годы войны самостоятельные академии наук были созданы в Грузии, Армении, Узбекистане, филиалы АН в Киргизии, Казани.

Еще в сентябре 1941 г. в Москве начали получать разведанные об американских ядерных исследованиях, а в марте 1942 г. — о работе по атомной проблеме в Англии. Разработки в ядерной сфере велись и в нацистской Германии. Стало понятно, что обладание ядерным оружием способно создать решающее превосходство его обладателю.

28 сентября 1942 г. Сталин подписал распоряжение ГКО № 2352 «Об организации работ по урану». 11 февраля 1943 г. ГКО принял решение о развертывании научно-исследовательских работ под руководством И.В. Курчатова. Он был наделен чрезвычайными полномочиями по мобилизации любых человеческих и материальных ресурсов. Большую помощь в обретении атомных технологий оказала советская разведка, добывшая огромный объем информации из США.

Вопросы восстановления разрушенного врагом народного хозяйства начали обсуждаться и решаться задолго до завершения боев. Восстановление наиболее важных отраслей — металлургии, машиностроения, энергетики, транспорта, топливной промышленности, стройиндустрии — было в центре общего собрания АН СССР еще в мае 1942 г. Научной разработкой восстановления угледобычи руководили академики А.А. Скочинский, А.М. Терпигорев, Л.Д. Шевяков; восстановления

промышленности — академики С.Г. Струмилин и И.П. Бардин; транспорта — академик В.Н. Образцов [Быковская 2015, 599].

Положение церкви в СССР менялось еще с 1939 г., когда она стала рассматриваться как важный фактор распространения советского влияния на присоединяемых на западе территориях. Число приходов в юрисдикции московского Патриархата многократно выросло за счет Галиции, Западной Белоруссии, Бессарабии, Прибалтики. К 22 июня 1941 г. РПЦ имела 4,5 тыс. приходов и 88 монастырей — в основном на западе страны [Цыпин 2010, 446–447].

Русская православная церковь с первых дней Великой Отечественной войны выступила патриотической силой, поднимавшей людей, как это было издревле, на борьбу с захватчиками. С кафедр храмов разнеслись патриотические проповеди, призывавшие дать отпор захватчикам и жертвовать на нужды фронта. Местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергей (Старгородский) 22 июня 1941 г. обратился к верующим с посланием: «Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу». Он заявил об отлучении от церкви любого священника или мирянина, кто, подобно Иуде, станет сотрудничать с фашистами. Такие же призывы прозвучали от представителей ислама, буддизма, иудаизма.

Церковь пополнилась большим количеством новых прихожан, особенно женщин, становясь местом утешения, обретения надежды, веры в будущее. Атеистическая пропаганда прекратилась. В сентябре 1941 г. была свернута деятельность «Союза воинствующих безбожников», закрыты антирелигиозные периодические издания.

В борьбу с фашизмом вносили вклад и другие традиционные религии. В мае 1942 г. совещание при центральном духовном управлении мусульман приняло обращение к верующим защищать Отечество. В октябре 1943 г. в Ташкенте было создано Центральное управление мусульман, что, помимо прочего, нарушало планы немцев использовать исламский фактор в Крыму и на Кавказе. Первый курултай улемов Средней Азии и Казахстана обратился к мусульманам с призывом вместе со всем народом сражаться против нацистов. Такой же призыв в мае 1944 г. прозвучал на съезде мусульманского духовенства и верующих в Баку, где было объявлено об образовании Духовного управления мусульман Закавказья. А в июне — в дагестанском Буйнакске, где возникло Духовное управление мусульман Северного Кавказа.

После кончины в мае 1944 г. патриарха Сергея местоблюстителем престола стал митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей (Симанский).

Первый Поместный собор Русской церкви, в котором, кроме архиереев РПЦ, приняли участие патриархи Александрийский и Антиохийский, представители других поместных православных церквей, состоялся 31 января – 2 февраля 1945 г. Патриархом был избран митрополит Алексей. К концу 1940-х гг. в СССР насчитывалось 14,5 тыс. храмов и 85 монастырей, работали 8 духовных семинарий и две академии [Кудрина 2010]. В лоно Русской Церкви влились многие сторонники Заграничной Церкви, архиереи и священники возвращались на Родину после долгих лет эмиграции.

Героическая борьба советского народа пользовалась поддержкой народов союзных государств, значительной части соотечественников за границей. В общей битве с чудовищем нацизма возникало единое понимание добра и зла, понимание подвига советского солдата, всего нашего народа. На Западе шли массовые кампании за усиление военной помощи СССР. Увеличился обмен кинопродукцией, расширились контакты между интеллигенцией (писателями, учеными) по линии общественных организаций, профсоюзов. Активную работу вели созданные в 1942 г. Всеславянский комитет и Еврейский антифашистский комитет.

Во многих странах наши соотечественники собирали средства на оборону Советского Союза, проводили подписку на выпускавшиеся в СССР займы Победы. Многие русские эмигранты участвовали в движении Сопротивления, в европейских странах вступали добровольцами в армии союзников.

Заключение

В годы страшных испытаний наш народ проявил свои лучшие качества: мужество и героизм, бескорыстие и самопожертвование, взаимовыручку и коллективизм, сострадание к ближнему и любовь к Отчизне. Вскипавшая ярость благородная смешивалась с горечью и болью потерь, поражений и верой в силу нашего государства, Красной армии, в победу нашей Родины. Это был подвиг преодоления во имя общего правого дела, во имя сохранения своего права на жизнь, своей культуры, родного языка. И это был подвиг тех людей, которые обеспечивали государственное управление страной.

История Великой Отечественной войны — это история великого мужества, великого самопожертвования, триумфа воли народа во имя будущего всего человечества. Роль Советского Союза в Победе была очевидна каждому, кто жил в 1945 г. на планете Земля. Из 782 дивизий гитлеровской Германии и ее сателлитов, разгромленных в ходе Второй мировой войны, 607 уничтожила Красная армия.

Победа — один из главных символов национального величия и национальной гордости. Именно поэтому Победу наши недруги всегда пытались опорочить, а то и вовсе у нас отобрать. Не получится. Но у них ТАКОЙ ПОБЕДЫ никогда не было и никогда не будет.

Список литературы:

Андриянов В. Косыгин. М.: Молодая гвардия, 2003.

Быковская Г.А. Отечественная наука в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная. К 70-летию народной Победы: материалы международной научной конференции «Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в памяти народа и документах Архивного фонда Российской Федерации и зарубежных архивах. Проблемы изучения и публикации» (Москва, 15 апреля 2015 г.). М.: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 2015.

Вдовин А.И. СССР. История великой державы (1922–1991 гг.). М.: РГ-Пресс, 2018.

Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 7. Экономика и оружие войны / под ред. В.В. Панова, А.М. Соколова и др. М.: Кучково Поле, 2013.

Всемирная история в 6 томах / под ред. А.О. Чубарьяна. Т. 6. Кн. 2. М.: Наука, 2018.

Жуков Ю.Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М.: Терра — Книжный клуб, 2000.

История Великой войны 1941–1945 / под ред. В.А. Золотарева. Т. 2. М.: ИНЭС, РУБИН, 2010.

История Великой Отечественной войны. Очерки совместной истории / под ред. А.А. Ковалени, Е.И. Пивовара. СПб.: Алетейя, 2020.

Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 – декабрь 1991. М.: РГГУ, 1994.

Кудрина Ю.В. Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2010. № 2. С. 3–4.

Рубцов Ю.В. М. Молотов и советская дипломатия во время Второй мировой войны // Международная жизнь. 2015. № 4. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1242>

Сорокин А.К. В штабах Победы: Очерки истории государственного управления в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. М.: РОССПЭН: Политическая энциклопедия, 2022.

Цыпин В. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды (1700–2005). М.: Издательство Сретенского монастыря, 2010.

References:

Andriyanov V. (2003) *Kosygin*. Moscow: Molodaya gvardiya.

Bykovskaya G.A. (2015) Otechestvennaya nauka v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Russian science during the Great Patriotic War]. *Velikaya Otechestvennaya. K 70-letiyu narodnoy Pobedy: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 gg. v pamyati naroda i dokumentakh Arkhivnogo fonda Rossiyskoy Federatsii i zarubezhnykh arkhivakh. Problemy izucheniya i publikatsii"* (Moscow, April 15, 2015). Moscow: Izdatel'skiy tsentr Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta.

Chubar'yan A.O. (ed.) (2018) *Vsemirnaya istoriya v 6 tomakh* [World History in 6 volumes]. Moscow: Nauka. Vol. 6. Book 2.

Korzhikhina T.P. (1994) *Sovetskoye gosudarstvo i ego uchrezhdeniya: noyabr' 1917 – dekabr' 1991* [The Soviet State and its institutions: November 1917 – December 1991]. Moscow: RGGU.

Kovaleni A.A., Pivovarov E.I. (2020) *Istoriya Velikoy Otechestvennoy voyny. Ocherki sovmestnoy istorii* [The history of the Great Patriotic War. Sketches of a joint history]. Saint Petersburg: Aleteyya.

Kudrina Yu.V. (2010) Russkaya pravoslavnaya tserkov' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"*. No. 2. P. 3–4.

Panov V.V., Sokolov A.M. (eds.) (2013) *Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 godov. V 12 t. T. 7. Ekonomika i oruzhiye voyny* [The Great Patriotic War of 1941–1945. In 12 vols. Vol. 7. Economics and weapons of war]. Moscow: Kuchkovo Pole.

Rubtsov Yu.V. (2015) M. Molotov i sovetskaya diplomatiya vo vremya Vtoroy mirovoy voyny [M. Molotov and Soviet diplomacy during the Second World War]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No. 4. Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1242>

Sorokin A.K. (2022) *V shtabakh Pobedy: Ocherki istorii gosudarstvennogo upravleniya v SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945* [At Victory headquarters: Essays on the history of public administration in the USSR during the Great Patriotic War 1941–1945]. Moscow: ROSSPEN: Politicheskaya entsiklopediya, 2022.

Tsy-pin V. (2010) *Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. Sinodal'nyy i noveyshiyy periody (1700–2005)* [The History of the Russian Orthodox Church. Synodal and modern periods (1700–2005)]. Moscow: Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrja, 2010.

Vdovin A.I. (2018) *SSSR. Istoriya velikoy derzhavy (1922–1991 gg.)* [USSR. The history of the great power (1922–1991)]. Moscow: RG-Press.

Zhukov Yu.N. (2000) *Tayny Kremlya. Stalin, Molotov, Beriya, Malenkov* [Secrets of the Kremlin. Stalin, Molotov, Beria, Malenkov]. Moscow: Terra — Knizhnyy klub.

Zolotarev V.A. (ed.) (2010) *Istoriya Velikoy voyny 1941–1945* [The history of the Great War 1941–1945]. Moscow: INES, RUBIN. Vol. 2.

Стратегии государственного управления в условиях внешних вызовов: ресурсы, инструменты, механизмы (к юбилею Победы)
Public administration strategies in the face of external challenges: resources, tools, mechanisms (to the Victory Anniversary)

УДК 94(47).084.8

DOI: 10.55959/MSU2070-1381-113(S)-2025-25-33

Особенности конструирования памяти о Великой Отечественной войне: пример бывших республик Средней Азии и Казахстана¹

Аманжолова Дина Ахметжановна

Доктор исторических наук, SPIN-код РИНЦ: [5525-3738](#), ORCID: [0000-0002-1684-2785](#), amanzholova19@mail.ru

Институт российской истории РАН, Москва, РФ.

Аннотация

Конструирование памяти о Великой Отечественной войне стало актуальной исследовательской проблемой в связи с ростом попыток перекодирования общественного сознания в постсоветских странах, нацеленных на виктимизацию идентичности, особенно молодого поколения, и отказ от преемственности исторического развития, прежде всего в отношении советского периода, в рамках нового нациестроительства. Именно период Великой Отечественной войны отличается наиболее позитивным контекстом в историографии бывших советских республик Средней Азии и Казахстана (Центральной Азии). Цель настоящего исследования заключается в выявлении основных достижений, ключевых особенностей и анализе тенденций историографии бывших республик Средней Азии и Казахстана о Великой Отечественной войне. Исследование базируется на принципах историзма, системности, объективности и реализуется методами классификации, сравнения, анализа и синтеза, проблемно-хронологического и др. В результате установлена специфика историографии стран Средней Азии и Казахстана как отражения противоречий в политике нациестроительства и методологических подходах к советскому периоду истории, противоречий в конструировании исторической памяти о Великой Отечественной войне. Определены тематические и проблемные блоки, страновые отличия в наполнении источниковой базы, изучении проблем экономики, социального и культурного развития, боевого и ратного подвига представителей титульных народов, истории эвакуации. Отмечена специфика контекстуализации историографического пространства и общественного сознания. Сделан вывод о сложном состоянии историографии бывших республик Средней Азии и Казахстана, методологического оснащения и дискурсивных практик исследований о Великой Отечественной войне. Отмечается необходимость развития сотрудничества историков России и постсоветских стран, нацеленного на обеспечение комплексного и объективного изучения всего советского периода совместной истории, сохранение наследия межкультурной солидарности и единства многонациональной евразийской цивилизации.

Ключевые слова

Великая Отечественная война, историография, постсоветские страны, историческая память, конструирование памяти.

Для цитирования

Аманжолова Д.А. Особенности конструирования памяти о Великой Отечественной войне: пример бывших республик Средней Азии и Казахстана // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 113(S). С. 25–33. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-113(S)-2025-25-33

Features of Constructing the Memory of the Great Patriotic War: An Example of the Former Soviet Republics of Central Asia and Kazakhstan²

Dina A. Amanzholova

DSc (Historical Sciences), ORCID: [0000-0002-1684-2785](#), amanzholova19@mail.ru

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Abstract

Constructing the memory of the Great Patriotic War has become an urgent research problem due to the growing attempts to recode public consciousness in post-Soviet countries aimed at victimizing identity, especially of the younger generation, and rejecting the continuity of historical development, primarily in relation to the Soviet period, within the framework of the new nation-building. It is the period of the Great Patriotic War that is characterized by the most positive context in the historiography of the former Soviet republics of Central Asia and Kazakhstan (Central Asia). The aim of this study is to identify the main achievements, key features and analyze the main trends in the historiography of the former republics of Central Asia and Kazakhstan about the Great Patriotic War. The research is based on the principles of historicism, consistency, objectivity and is implemented by methods of classification, comparison, analysis and synthesis, problem-chronological, etc. As a result, the specifics of the historiography of the countries of Central Asia and Kazakhstan are established as a reflection of contradictions in the policy of nation-building and methodological approaches to the Soviet period of history, contradictions in the construction of historical memory of the Great Patriotic War. Thematic and problematic blocks are identified as well as country differences in the content of the source base, the study of economic problems,

¹ Исследование выполнено в рамках Программы научных исследований этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности, 2023–2025 гг.

² The study was carried out as part of a Research program related to the study of the ethnocultural diversity of Russian society and aimed at strengthening Russian identity, 2023–2025.

social and cultural development, military exploits of representatives of the titular peoples, the history of evacuation. The specifics of the contextualization of historiographical space and public consciousness are noted. The conclusion is made about the difficult state of historiography in the former republics of Central Asia and Kazakhstan, methodological equipment and discursive practices of research on the Great Patriotic War. It is noted that there is a need to develop cooperation between historians of Russia and post-Soviet countries aimed at providing a comprehensive and objective study of the entire Soviet period of joint history, preserving the legacy of intercultural solidarity and unity of the multinational Eurasian civilization.

Keywords

The Great Patriotic War, historiography, post-Soviet countries, historical memory, memory constructing.

For citation

Amanzholova D.A. (2025) Features of Constructing the Memory of the Great Patriotic War: An Example of the Former Soviet Republics of Central Asia and Kazakhstan. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 113(S). P. 25–33. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-113(S)-2025-25-33

Дата поступления/Received: 25.09.2025

Введение

Коллективная память имеет социальный контекст, и принципиальное значение приобретают концепты, в которых общество «размещает» те или иные события, факты и периоды национального прошлого. В государствах Средней Азии и Казахстана (Центральной Азии) политика памяти отличается нацеленностью на новое нациестроительство, интересы которого увязываются с дистанцированием от советского прошлого и отсылки к более ранним периодам этнополитической истории.

Исследователи в борьбе за символические «рынки», как правило, оперативно реагируют на подходы и нюансы, определяемые властным дискурсом в отношении прошлого. Историография в целом отличается этноцентристским подходом, географическим усекновением исторической памяти и локализацией событий прошлого в рамках границ национальных государств. Примордиальный подход к существу этничности обусловил отказ от осмысления терминов «советский народ» и «советскость», их содержательного наполнения и дискуссий по этому поводу в мировой историографии. Советское прошлое в целом не является приоритетным направлением конструирования общественного сознания, а его оценки главным образом критические, вплоть до определения СССР как колониальной империи.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении основных достижений, ключевых особенностей и анализе тенденций историографии бывших республик Средней Азии и Казахстана о Великой Отечественной войне. Задачи исследования — определить тематические и проблемные блоки, страновые отличия в наполнении источниковой базы, изучении проблем экономики, социального и культурного развития, боевого и ратного подвига представителей титульных народов, истории эвакуации; установить специфику контекстуализации историографического пространства и общественного сознания; выделить оценки российских историков по обозначенной тематике. Исследование базируется на принципах историзма, системности, объективности и реализуется методами классификации, сравнения, анализа и синтеза, проблемно-хронологического и др.

Память о Великой отечественной войне в постсоветских республиках Центральной Азии

В Киргизии и Таджикистане менее выражено влияние представителей «деколониального поворота» и негативного освещения советской истории в целом [Акрамов, Акрамов 2020; Дятленко 2021; Кирешеев 2023; Акрамов 2024]. Так, в Таджикистане учебники истории отождествляют советский период с модернизацией и прогрессом, Сталин объявляется главным виновником репрессий, а советская система и национальная элита в этом ключе не рассматриваются [Blakkisrud, Nozimova 2010]. Западная историография признает: даже узбекский нарратив, наиболее враждебный по отношению к СССР, вряд ли можно считать однозначно антисоветским [Kuryłowicz 2023, 407], и это наиболее наглядно показывают публикации о войне.

Великая Отечественная война служит единственным примером, где преобладает позитивный контекст, призванный в рамках этноцентристских приоритетов показать особый вклад каждого народа той или иной республики в победу над фашизмом. Так, в Киргизии тиражом в 100 экземпляров вышла книга Н.А. Алымкулова «Кыргызстанцы — герои Советского Союза и полные кавалеры Ордена Славы: новые факты, имена» [Алымкулов 2025]. Происходит наполнение источниковой базы³, продолжают публикации об истории фронта и тыла, отдельных социальных групп и регионов, развивается устная история, эпистолярный жанр как источник, изучаются культура и искусство и др. [Абсеметов 2017; Ералина, Исмаилов 2019; Шерматов 2023]. Стали появляться исследования по истории детства и женщин в годы войны, эвакуированных [Абдрахманова 2019; Елеханова 2019; Сактаганова и др. 2020; Сактаганова и др. 2021].

В Узбекистане исследования посвящены не только традиционным темам боевого и трудового подвига населения республики в годы войны, помощи эвакуированному населению, но и деятельности ученых в эвакуации, узбекских концертных бригад, визуальной культуре и др. [Ахмедов 2020]. Как заявил в 2020 г. Президент Республики Узбекистан Ш. Мирзиёев в связи с днем Великой Победы во Второй мировой войне и Днем памяти и почестей, «в ходе научных исследований многое удалось прояснить и в вопросе о награждении представителей Узбекистана боевыми орденами и медалями. До сих пор называлась цифра 120 тыс. чел. ...установлено, что среди награжденных было свыше 200 тыс. наших солдат и офицеров. Документально подтверждено, что звания Героя Советского Союза были удостоены не 280, как считалось прежде, а 301 представитель Узбекистана, 70 — награждены орденом Славы всех трех степеней»⁴. Меж тем отмечается, что за годы независимости не появилось ни одной оригинальной работы, кроме исследования об экономике республики в годы войны [Бабаджанов 2022], но были попытки уравнивать фашизм и коммунизм. При этом «ни в одной из работ, посвященной II Мировой войне, касательно Узбекистана» вопрос о противостоянии идеологий «не рассматривался философски, а принимался априори»⁵. Важно, что историки разных регионов России активно привлекают коллег из этих стран к выступлениям и публикациям.

Однако презентизм доминирует в интерпретации сюжетов, а теоретические обобщения и методологический инструментарий заимствуются из западной литературы формально, что приводит к логическим неувязкам, умолчаниям, в том числе в проблематизации изучаемых вопросов, и тематической сепарации. В названии этого периода политики и вслед за ними историки предпочитают использовать термин «Вторая мировая война», подчеркивая отстранение от советской и российской концепций, а также некую приверженность западным идеологическим установкам. Делается акцент на негативных последствиях войны и на памяти об исторических обидах. Официальная политика нацистроительства и консолидации общества противопоставляет позитивную идентичность, связанную с досоветским периодом, ее негативным наполнением при оценке советского прошлого. Викимизация стала актуальным направлением его трактовки, в том числе периода войны. Как пишет узбекский академик А. Зие, «благодаря железной силе воли узбекский народ смог побороть в себе чувства голода, усталости и обиды, накопленные в ходе коллективизации, индустриализации и

³ Вклад узбекского народа в победу во Второй мировой войне. Сб. архивных документов. Ташкент: Akademnashr, 2023; Генерал армии С.К. Нурмагамбетов. Халық Қаһарманы. Герой Советского Союза. Государственный деятель: Сборник документов и материалов. Астана: АП РК, 2024; Оборонная промышленность Кыргызстана. 1941–1945 гг.: Сб. документов / Сост. Г.Т.Гуля, и др. Бешкек: «Деми», 2025; Рассекреченная война: «особые папки» ЦК КП (б) Казахстана. 1941–1945 гг. Сборник документов. Алматы: LEM, 2020.

⁴ Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на торжественной церемонии, посвященной 75-летию Великой Победы и Дню памяти и почестей // Президент Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/3564> (дата обращения: 04.05.2025).

⁵ Как межнациональное согласие привело к победе над фашизмом – взгляд из Узбекистана // Берлек-Единство [Электронный ресурс]. URL: <http://berlek-nkp.com/analitics/8486-kak-mezhnacionalnoe-soglasie-privelo-k-pobede-nad-fashizmom-vzglyad-iz-uzbekistana.html> (дата обращения: 06.05.2020).

массовых политических репрессий»⁶. Ползучая десоветизация [Дятленко 2021, 464] приводит к отказу признавать складывание консолидированного гражданства, получившего название «советский народ», и отсутствию каких-либо научных дискуссий и исследований данной проблемы, к изменению формата празднования дня Победы и даже названия торжества: День Победы в Казахстане, Таджикистане, Туркмении и Киргизии, День Памяти и Почестей в Узбекистане. Актуальный набор символов при этом нацелен на реконструкцию воображаемого прошлого путем нейтрализации противоречивых и конфликтующих версий, однако вряд ли можно признать удачными такие попытки.

В 1993 г. Н.А. Назарбаев подчеркивал: в СССР «отношения центра и регионов носили полуколониальный характер. ...Попытка унифицировать все нации в единую суперэтническую общность — советский народ — явно провалилась» [Назарбаев 1993, 6-8]. В 2012 г. прозвучал такой тезис: «мы были колонией Российского царства, затем Советского Союза. За 150 лет казахи едва не лишились своих национальных традиций, обычаев, языка, религии»⁷.

Проект Концепции развития исторической науки Казахстана 2021 г. указывает: историческое сознание «в Казахстане по объективным причинам формируется под сильным влиянием концепции о превосходстве культурного Запада над культурой Востока. Духовный колониализм в контексте идеологического воздействия на историческое сознание казахстанского народа прослеживается и в современной исторической науке России. Отдельные представители исторической российской науки продолжают интеллектуальное доминирование на постсоветском пространстве, продолжая формировать теоретический и содержательный контекст отечественной науки. В то же время отсутствует понимание процессов, происходящих в самой исторической науке России. Предлагаемая учеными России так называемая фронтирная модернизация зачастую построена на исключительности колониальной политики Российской империи. Необходимо понять, насколько современная репрезентация истории Казахстана в современной исторической науке России формируется под влиянием государственной идеологии, направленной на реинтеграцию всего постсоветского пространства, не только экономическую или политическую, но и культурную. Необходимо, помимо прочего, проанализировать влияние российского исторического дискурса на казахстанскую науку и формирование исторического сознания». В качестве примера приводится «международный опыт» развития исторической науки и памяти, сводящийся к преодолению наследия тоталитаризма, под которым понимается «коммунизм как политическая система и нацистский режим». Среди ключевых проблемных направлений развития исторической науки нет Великой Отечественной войны, но выделено «изучение проблемы казахстанских военнопленных Второй мировой войны и их вынужденное участие в создании Туркестанского легиона»⁸. Стоит заметить, что изучение истории легиона практически не проводится, не считая публикаций, не обоснованных ни концептуально, ни достаточным комплексом источников. Делаются попытки доказать, что борьба «против “русского/советского империализма”» оправдывает переход на службу к нацистам. Так, Б. Садыкова пишет о сотнях тысяч соотечественников, «оказавшихся жертвами двух циничных режимов. ...История легиона понимается нами как продолжение туркестанцами идеи борьбы Мустафы Чокая за независимость своей Родины» [Садыкова 2002, 9–10].

Историография Казахстана наиболее разнообразна и отражает противоречивость ситуации в научном сообществе. Полемика о признании или отрицании колониальной природы СССР

⁶ Вклад узбекского народа в победу во Второй мировой войне. Сб. архивных документов. Ташкент: Akademnashr, 2023. С 9.

⁷ Назарбаев: Казахстан будучи колонией России лишился традиций // Newsland [Электронный ресурс]. URL: <https://newsland.com/user/4297691255/content/nazarbaev-kazakhstan-buduchi-koloniei-rossii-lishalsia-traditsii/4403433> (дата обращения: 21.05.2025).

⁸ Концепция развития исторической науки Казахстана. Нур-Султан, 2021.С. 5–6, 15.

демонстрирует сложную систему идей и действий, и это проявляется в колебаниях казахстанских историков по поводу Великой Отечественной войны, которая в исследованиях нередко именуется Второй мировой. Дискурс может формировать реальность, впрочем, как и наоборот. Чувствительность к голосу власти определяет повороты в тематических интересах и оценках. Это показывает реакция Института истории и этнологии им. Ч. Валиханова⁹ на предложение К.К. Токаева 14 марта 2025 г. не рассматривать советское прошлое однобоко, через призму исторических обид¹⁰.

Этнизацию и тренд на виктимизацию отразила А.Т. Абдулина: «значительные потери казахов на фронтах войны свидетельствуют об их массовом героизме, стойкости в выполнении воинского долга перед родиной, сохранении древней традиции “батырства”, приверженности новым социалистическим идеалам по сравнению с представителями других центрально-азиатских этносов». Последние «в меньшей степени испытали на себе сталинскую модернизацию», а казахи подверглись «атакам массированных волн переселений русскоязычного населения, изменивших национальную карту республики», что в то же время укрепило советскость [Абдулина 2020, 368–369]. С.А. Асанова вслед за Зие утверждает, что насильственная модернизация не давала оснований для патриотизма, но народ, несмотря на обиды со стороны власти, не стал массово переходить на сторону врага, объясняет патриотизм казахов высоким статусом ратного труда, изменением религиозной политики, но более всего страхом перед законами военного времени и репрессиями. Взаимопомощь бесправных и гонимых народов была реальностью, в отличие от официальных заявлений о советском народе (отклик на пассажи Назарбаева), и реальные шаги по укреплению советскости не были успешны¹¹. Источников и доказательств о страхе как источнике патриотизма автор не привела.

Историография на национальных языках также отражает указанные тенденции. Узбекские и таджикские историки пишут о вкладе народов республик или отдельных отраслей в победу над фашизмом, узбекские — во Второй мировой войне, таджикские — Великой Отечественной [Караев 2015; Караев, Абдурахмонова 2021; Эгамбердиева 2023; Allaberganov 2024]. Казахские авторы посвящают публикации отцу Президента РК К.- Ж.К. Токаева [Шакиев и др. 2024], депортированным в республику народам [Жанкадамова и др. 2023].

Заключение

Основные тенденции, характерные для современной практики конструирования исторической памяти в бывших республиках Средней Азии и Казахстана о Великой Отечественной войне, сводятся к следующему:

- публикация источников, изучение национальных формирований, депортации и лагерей на территории Казахстана, истории повседневности, гендерные исследования;
- приверженность части историков традиционным темам (боевой и трудовой подвиг, эвакуация);
- приоритет описательного подхода к изложению фактов и событий;
- презентизм и политизация;
- примордиальное толкование нации и этнизация памяти, географическая сепарация, отсутствие дискуссий о советскости и советском народе;
- виктимизация общественного сознания;

⁹ Великая Отечественная война в исторической памяти нашего поколения // Qazaqstan Tarihy [Электронный ресурс]. URL: <https://e-history.kz/ru/news/show/50000143> (дата обращения: 27.05.2025).

¹⁰ Полный текст выступления президента Касым-Жомарта Токаева на заседании Национального курултая // Zakon.kz [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zakon.kz/sobytiia/6470394-polnyy-tekst-vystupleniya-prezidenta-kasymzhomarta-tokaeva-na-zasedanii-natsionalnogo-kurultaya.html?ysclid=m8rbff5udj403880549> (дата обращения: 27.05.2025).

¹¹ Национальные войсковые формирования Казахстана на фронтах войны (1941–1945). Алматы: ТОО «Полиграфия-сервис и Ко», 2022. С. 176–177, 180–182.

- недостаточное внимание к социально-экономической проблематике, отсутствие данных о вкладе эвакуированных в республики специалистов, рабочих и крестьян в развитие экономики;
- монохромное толкование роли этнополитических элит как преимущественно жертв центральной власти;
- «деколониальный поворот» и неоколониализм, противоречивость интерпретаций и методологических подходов, склонность к заимствованию дискурсивных клише.

С. Ушакин в ритуалах самовиктимизации видит историческую форму плюрализации прошлого, ретроспективную попытку представить имперскую историю в колониальных терминах. Поиски несоветской точки отсчета национальной истории разворачиваются в контексте постоянного переосмысления и перегруппировки советского прошлого. Он заметил принципиальную несовместимость оценок постсоветских авторов, безуспешно пытающихся развести советское и национальное/этническое там, где сделать это весьма затруднительно. Наиболее активно для этого используются понятия национальной памяти и национального родства [Ушакин 2021, 395–428].

Российские ученые делают вывод о значительной утрате историческими сообществами постсоветских стран «научного интереса и компетенций в изучении единой советской военной истории, ее ритуализации и политизации»¹², что относится и к республикам Средней Азии и Казахстану. Коллективная память опирается на социальный контекст, который оказывает противоречивое воздействие на общество и его разные поколения. При этом история как часть идеологии и источник знаний нации о себе не всегда совпадает с народной памятью. Отсутствие готовых концептуальных парадигм и распространение дискурсивных клише отражает слабости политизации и этнического усекновения памяти. Поскольку национальная идентичность опирается на память об истории, а нарративы о прошлом не только раскрывают факты и события, но и воплощают смысл существования и систему нравственных ценностей, наполнение памяти о войне приобретает особую значимость. Эта часть преемственной истории народов бывшего СССР, совместным подвигом одержавших великую Победу над нацизмом, обеспечивших сохранение наследия межкультурной солидарности и единства многонациональной евразийской цивилизации, оказывается на острие идеологических противоречий и информационных войн, нацеленных на «деколонизацию» советского прошлого и неоколониальное подчинение постсоветских государств.

Список литературы:

Абдрахманова К.К. Женщины Восточного Казахстана на фронтах Великой Отечественной войны // Материалы международной научно-практической конференции «Вопросы персоналистики казахстанской истории: М.-А.Х. Асылбеков». Алматы: Ин-т истории и этнологии им. Ч. Валиханова, 2019. С. 286–296.

Абдулина А.Т. Казахи в национальном составе Героев Советского Союза // Великая Отечественная война в исторической памяти народа: изучение, интерпретация, уроки прошлого: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Новосибирск: Изд-во «Параллель», 2020. С. 352–360.

Абсеметов М. Россия — Казахстан: вклад ученых в Великую Победу. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017.

Акрамов З.И., Акрамов М.И. Письма воинов Таджикистана в годы Великой Отечественной войны на примере писем Усмона-танкиста // Великая Отечественная война в исторической памяти народа: изучение, интерпретация, уроки прошлого: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Новосибирск: Изд-во «Параллель», 2020. С. 360–368.

¹² Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: статистическое и военно-антропологическое исследование / отв. ред. Е.Ф. Криноко. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2022. С. 64.

- Акрамов М.И. Деятельность научных учреждений Таджикистана в годы Великой Отечественной войны и в период послевоенного восстановления // Историк. 2024. № 1(37). С. 41–47.
- Алымкулов Н.А. Кыргызстанцы — герои Советского Союза и полные кавалеры Ордена Славы: новые факты, имена. Бишкек: Изд. центр «Илим» НАН КР, 2025.
- Ахмедов Х.Т. Вклад Республики Узбекистан в победу над фашизмом // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 5. С. 415–419.
- Бабаджанов Х.Б. Военная индустриализация Узбекистана в 1941–1945 годах // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 5. С. 384–400. DOI: [10.24224/2227-1295-2022-11-5-384-400](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-5-384-400)
- Дятленко П.И. Проблемы и перспективы сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне (на примере Киргизстана) // Материалы ежегодных Моисеевских чтений. М.: Академия МНЭПУ, 2021. С. 464–467.
- Елеханова С.В. Участие женщин-медиков из Западного Казахстана в Великой Отечественной войне // Материалы международной научно-практической конференции «Вопросы персоналистики казахстанской истории: М.-А.Х. Асылбеков». Алматы: Ин-т истории и этнологии им. Ч. Валиханова, 2019. С. 207–212.
- Ералина А.Е., Исмаилов С.С. История становления и развития фабрики «Большевичка» в Кустанайской области в годы Великой Отечественной войны на основе документов государственного архива Костанайской области // Материалы международной научно-практической конференции «Вопросы персоналистики казахстанской истории: М.-А.Х. Асылбеков». Алматы: Ин-т истории и этнологии им. Ч. Валиханова, 2019. С. 226–232.
- Жанкадамова Г.А., Ахметова Р.Д., Абенова Г.А. Шығыс Қазақстан аумағына депортацияланған халықтар арнайы қоныс режимі жағдайында // Вестник ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. 2023. Т. 144. № 3. С. 138–152.
- Караев Ф. Тоҷикистон дар солҳои Чанги Бузурги Ватанӣ. Душанбе: Дониш, 2015.
- Караев Ф.К., Абдурахмонова Г.Н. Инъикоси ҷанги бузурги ватанӣ дар асарҳои профессор Ҳ. Пирумшоев // Вестник Таджикского государственного педагогического университета им. С. Айни. 2021. № 6. С. 241–245.
- Кирешеев Н.И. Формирование кадровых воинских частей и соединений в Киргизской ССР в годы Великой Отечественной войны // Альманах «Казачество». 2023. № 69. С. 106–113.
- Назарбаев Н.А. Идеиная консолидация общества — как условие прогресса Казахстана. Алматы: ФПИ «Казахстан — XXI век», 1993.
- Садыкова Б.И. История Туркестанского легиона в документах. Алматы: Кайнар, 2002.
- Сактаганова З.Г., Абдрахманова К.К., Елеуханова С.В., Жумашев Р.М., Мажитова Ж.С. Великая Отечественная война и женщины Казахстана: женские истории и повседневность. Караганда: КартУ, 2020.
- Сактаганова З.Г., Абдукаримова Ж.К., Сальникова А.А. Дети войны: беспризорность и безнадзорность в Центральном Казахстане в 1941–1945 гг. (по архивным документам) // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. 2021. Т. 163. № 6. С. 202–214. DOI: [10.26907/2541-7738.2021.6.202-214](https://doi.org/10.26907/2541-7738.2021.6.202-214)
- Ушакин С. Колониальный омут и его последствия: о публичных историях постколониального социализма // Всё в прошлом: теория и практика публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Дубиной. М.: Новое издательство, 2021. С. 395–428.
- Шакиев М.Н., Садықов Т.С., Жеребцов И.Л. Ұлы Отан соғысы жылдарындағы Кемел Тоқаев шығармашылығы («Солдат соғысқа кетті» романы негізінде) // Вестник ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. 2024. Т. 146. № 1. С. 215–232.

Шерматов Г.А. Организация и деятельность эвакуогоспиталей на территории Таджикистана в годы Великой Отечественной войны // Историк. 2023. № 1(33). С. 41–53.

Эгамбердиева Т. 1941–1945 йиллар Иккинчи Жаҳон Урушида ўзбек хотин-қизларининг маънавий жасорати // FarDU Ilmiy Xabarlar. 2023. № 2. Б. 66–70.

Blakkisrud H., Nozimova S. History Writing and Nation Building in Post-Independence Tajikistan // Nationalities Papers. 2010. Vol. 38. Is. 2. P. 173–189. DOI: [10.1080/00905990903517835](https://doi.org/10.1080/00905990903517835)

Kuryłowicz M. 'To Speak to the Hegemon'. The Vision of Soviet Past in the History Coursebooks of Central Asia Countries // Politeja. 2023. No. 1(82). P. 395–408. DOI: [10.12797/Politeja.20.2023.82.20](https://doi.org/10.12797/Politeja.20.2023.82.20)

References:

Abdrakhmanova K.K. (2019) Zhenshchiny Vostochnogo Kazakhstana na frontakh Velikoy Otechestvennoy voyny [Women of East Kazakhstan on the fronts of the Great Patriotic War]. *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Voprosy personalistiki kazakhstanskoy istorii: M.-A.Kh. Asylbekov"*. Almaty: In-t istorii i etnologii im. Ch. Valikhanova. P. 286–296.

Abdulina A.T. (2020) Kazakh in the National Structure of Heroes of the Soviet Union. *Velikaya Otechestvennaya voyna v istoricheskoy pamyati naroda: izucheniye, interpretatsiya, uroki proshlogo: sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem*. Novosibirsk: Izd-vo "Parallel". P. 352–360.

Absemetov M. (2017) *Rossiya — Kazakhstan: vklad uchenykh v Velikuyu Pobedu* [Russia — Kazakhstan: Scientists' contribution to the Great Victory]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta.

Akhmedov Kh.T. (2020) The Contribution of the Republic of Uzbekistan to the Victory over Fascism. *Postsovetski issledovaniya*. Vol. 3. No. 5. P. 415–419.

Akramov M.I. (2024) Activity of Scientific Institutions of Tajikistan during the Great Patriotic War and during the Post-War Recovery Period. *Istorik*. No. 1(37). P. 41–47.

Akramov Z.I., Akramov M.I (2020) Letters from Envoys of Tajikistan During the Great Patriotic War on the Example of Letters from Usmon the Tankman. *Velikaya Otechestvennaya voyna v istoricheskoy pamyati naroda: izucheniye, interpretatsiya, uroki proshlogo: sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem*. Novosibirsk: Izd-vo "Parallel". P. 360–368.

Alymkulov N.A. (2025) *Kyrgyzstantsy — geroi Sovetskogo Soyuza i polnye kavaleriy Ordena Slavy: novye fakty, imena* [Kyrgyzstanis are heroes of the Soviet Union and full holders of the Order of Glory: New facts, names]. Bishkek: Izd. Tsentr "Ilim" NAN KR.

Babadzhanov Kh.B. (2022) Military Industrialization of Uzbekistan in 1941–1945. *Nauchnyy dialog*. Vol. 11. No. 5. P. 384–400. DOI: [10.24224/2227-1295-2022-11-5-384-400](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-5-384-400)

Blakkisrud H., Nozimova S. (2010) History Writing and Nation Building in Post-Independence Tajikistan. *Nationalities Papers*. Vol. 38. No. 2. P. 173–189. DOI: [10.1080/00905990903517835](https://doi.org/10.1080/00905990903517835)

Dyatlenko P.I. (2021) Problems and Prospects of Preserving the Historical Memory of the Great Patriotic War (On the Example of Kyrgyzstan). *Materialy ezhegodnykh Moiseyevskikh chteniy*. Moscow: Akademiya MN·EPU. P. 464–468.

Egamberdiyeva T. (2023). 1941–1945 йиллар Иккинчи Жаҳон Урушида ўзбек хотин-қизларининг маънавий жасорати [1941–1945 spiritual courage of Uzbek women in World War II]. *FarDU Ilmiy Xabarlar*. No. 2. P. 66–70.

Elekhanova S.V. (2019) Uchastiye zhenshchin-medikov iz Zapadnogo Kazakhstana v Velikoy Otechestvennoy voyne [The participation of medical women from Western Kazakhstan in the Great Patriotic War]. *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Voprosy personalistiki kazakhstanskoy istorii: M.-A.Kh. Asylbekov"*. Almaty: In-t istorii i etnologii im. Ch. Valikhanova. P. 207–212.

- Eralina A.E., Ismailov S.S. (2019) Istoriya stanovleniya i razvitiya fabriki «Bol'shevichka» v Kustanayskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny na osnove dokumentov gosudarstvennogo arkhiva Kostanayskoy oblasti [The history of the formation and development of the Bolshevichka factory in the Kostanay region during the Great Patriotic War based on documents from the State Archive of the Kostanay region]. *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Voprosy personalistiki kazakhstanskoy istorii: M.-A.Kh. Asylbekov"*. Almaty: In-t istorii i etnologii im. Ch. Valikhanova. P. 226–232.
- Karaev F. (2015) Тоҷикистон дар солҳои Чанги Бузурги Ватанӣ [Tajikistan during the Great Patriotic War]. Dushanbe: Donish.
- Karaev F.K., Abdurakhmonova G.N. (2021) Coverage of the Great Patriotic War in the Works of Pironshoev H. *Vestnik Tadzhikskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. S. Aini*. No. 6. P. 241–245.
- Kiresheev N.I. (2023) Formation of Personnel Military Units and Formations in the Kirghiz SSR during the Great Patriotic War. *Al'manakh "Kazachestvo"*. No. 69. P. 106–113.
- Kontseptsiya razvitiya istoricheskoi nauki Kazakhstana* (2021) [The concept of development of historical science of Kazakhstan]. Nur-Sultan.
- Kuryłowicz M. (2023) 'To Speak to the Hegemon'. The Vision of Soviet Past in the History Coursebooks of Central Asia Countries. *Politeja*. No. 1(82). P. 395–408. DOI: [10.12797/Politeja.20.2023.82.20](https://doi.org/10.12797/Politeja.20.2023.82.20)
- Nazarbaev N.A. (1993) *Ideinaya konsolidatsiya obschestva — kak uslovie progressa Kazakhstana* [Ideological consolidation of society as a condition for Kazakhstan's progress]. Almaty: FPI "Kazakhstan — XXI vek».
- Sadykova B.I. (2002) *Istoriya Turkestanskogo legion v dokumentakh* [The history of the Turkestan Legion in documents]. Almaty: Kainar.
- Saktaganova Z.G., Abdrakhmanova K.K., Eleukhanova S.V., Zhumashev R.M., Mazhitova Zh.S. (2020) *Velikaya Otechestvennaya voina i zhenschiny Kazakhstana: zhenskie istorii i povsednevnost'* [The Great Patriotic War and the women of Kazakhstan: women's stories and everyday life]. Karaganda: KarGU.
- Saktaganova Z.G., Abdukarimova Zh.K., Sal'nikova A.A. (2021) War Children: Homelessness and Neglect in Central Kazakhstan during 1941–1945 (Based on Archival Documents). *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: gumanitarnyye nauki*. Vol. 163. No. 6. P. 202–214.
- Shakiyev M.N., Sadykov T.S., Zherebtsov I.L. (2024) Kemel Tokayev in the Years of the Great Patriotic War (Based on the Novel "A Soldier Who Went to War"). *Vestnik ENU im. L.N. Gumileva. Seriya: Istoricheskie nauki. Filosofiya. Religiovedenie*. Vol. 146. No. 1. P. 215–232.
- Shermatov G.A. (2023) Organization and Activity of Evacuation Hospitals on the Territory of Tajikistan during the Great Patriotic War. *Istoriik*. No. 1(33). P. 41–53.
- Ushakin S. (2021) Kolonial'nyy omlet i ego posledstviya: o publichnykh istoriyakh postkoloniy sotsializma [The Colonial omelet and its consequences: on the public histories of the postcolonies of socialism]. In: Zavadskiy A., Dubina V. (eds.) *Vsё v proshlom: teoriya i praktika publichnoy istorii*. Moscow: Novoye izdatel'stvo. P. 395–428.

Идеологические аспекты управления советской экономикой сталинского периода

Баев Евгений Викторович

Кандидат исторических наук, SPIN-код РИНЦ: [2639-9041](https://elibrary.ru/2639-9041), BaevEV@spa.msu.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

Одним из важнейших факторов победы СССР в Великой Отечественной войне стала господствовавшая тогда в стране система управления народным хозяйством. Хотя экономическое планирование в современной России не является директивным, а экономика носит смешанный характер, сложная международная ситуация и статус великой державы требуют внимательного изучения советской системы управления, ее достоинств и недостатков. Понимание того, как советскому руководству удалось подготовить экономику страны к войне, обеспечить великую победу и послевоенное восстановление, может быть полезным на новом этапе исторического развития. Исследование управления экономикой следует начинать с анализа теоретической базы, на которой строилась управленческая практика. В свою очередь, вопрос о теоретическом обосновании советской экономической модели тесно связан с идеологией управления. Исследование архивных материалов и опубликованных источников показало, что сталинская идеология управления экономикой включала следующие элементы: 1) базовый принцип управления — жесткая административно-командная система под безраздельным руководством монолитной партии; 2) основные экономические задачи — создание экономической базы социализма и максимальное укрепление обороноспособности страны; 3) порядок принятия ключевых решений — концентрация власти в руках И.В. Сталина; 4) ресурсы — природные богатства страны, а инструменты — коммунистическая партия, социалистический строй, развитая промышленность; 5) механизм хозяйствования — директивное планирование; 6) образ будущего — построение коммунистического общества в долгосрочной перспективе, а в краткосрочной — укрепление советской государственности и выполнение насущных задач (подготовка к войне, обеспечение победы, послевоенное восстановление).

Ключевые слова

Советская экономика, идеология управления, командно-административная система, директивное планирование, сталинизм.

Для цитирования

Баев Е.В. Идеологические аспекты управления советской экономикой сталинского периода // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 113(S). С. 34–44. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-113(S)-2025-34-44

Ideological Aspects of the Soviet Economy Management during the Stalin Period

Evgenii V. Baev

PhD, BaevEV@spa.msu.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

One of the most important factors in the Soviet Union's victory in the Great Patriotic War was the system of national economy management that prevailed at the time. Although economic planning in modern Russia is not directive, and the economy is mixed, the complex international situation and the status of a great power require a careful examination of the Soviet system of management, its strengths and weaknesses. Understanding how the Soviet leadership managed to prepare the country's economy for the war, ensure a great victory, and facilitate post-war reconstruction can be valuable in the current stage of historical development. A study of archival materials and published sources has shown that the Stalinist ideology of economic management consisted of the following elements: 1) the basic principle of governance — a rigid administrative and command system under the undivided leadership of a monolithic party; 2) the main economic objectives — to create the economic base of socialism and maximize the country's defense capability; 3) the order of key decision-making — the concentration of power in the hands of I.V. Stalin; 4) resources — the natural resources of the country, and the instruments — the Communist Party, the socialist system, and developed industry; 5) the mechanism of management — directive planning; 6) the image of the future — the construction of a communist society in the long term, and the strengthening of Soviet statehood and the fulfillment of urgent tasks (preparation for the war, ensuring the victory, and post-war reconstruction) in the short term.

Keywords

Soviet economy, ideology of management, command and administrative system, directive planning, Stalinism.

For citation

Baev E.V. (2025) Ideological Aspects of the Soviet Economy Management during the Stalin Period. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 113(S). P. 34–44. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-113(S)-2025-34-44

Дата поступления/Received: 10.10.2025

Введение

Одним из важнейших факторов победы СССР в Великой Отечественной войне стала господствовавшая тогда в стране система управления народным хозяйством. Кроме того, она была первым в российской истории опытом централизованного управления крупной индустриальной экономикой. В настоящее время проблема активного участия государства в стратегическом планировании становится все более актуальной. Научно-техническая революция, концентрация капитала, усложнение структуры экономики в условиях глобализации и перехода к постиндустриальному обществу повышают роль экономического планирования в современных государствах. И хотя экономическое планирование в современной России не является директивным, а экономика носит смешанный характер, сложная международная ситуация и статус великой державы требуют внимательного изучения советской системы управления, ее достоинств и недостатков. Понимание того, как советскому руководству удалось подготовить экономику страны к войне, обеспечить великую победу и послевоенное восстановление, может быть полезным на новом этапе исторического развития.

Исследование управления экономикой следует начинать с анализа теоретической базы, на которой строилась управленческая практика. В свою очередь, вопрос о теоретическом обосновании советской экономической модели тесно связан с идеологией управления. Понятие идеологии управления сравнительно недавно вошло в отечественную науку. Идеология как система идей определяет основные качества и свойства управления, а также смысл управленческой деятельности.

Идеология управления отвечает на вопросы о том, что лежит в основе управления и что делает его возможным. В контексте управления экономикой это означает, что идеология формирует систему идей, определяющих основы, условия и развитие экономического управления.

Для эффективного управления, включая экономическое, необходимо целеполагание и конкретизация смыслов, которые выражаются в идеях и воплощаются в знаковых формах. Суть управления заключается в создании и поддержании этих знаковых форм через распространение идей среди членов организации. На основе реализации этих идей формируются механизмы управления. Субъектом управления является лицо или учреждение, которое ставит вопросы «что?», «как?» и «зачем?», формирует систему идей и транслирует их на сотрудников и подчиненных, придавая системе смысл и цель.

При анализе идеологии управления экономикой сталинского периода необходимо обратиться к теоретическим работам и выступлениям самого Сталина, а также к трудам руководителей и экономистов того времени, в частности участников Всесоюзной экономической дискуссии 1951 года, результаты которой были подведены в работе Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» [Сталин 1952].

Для того чтобы охарактеризовать идеологию управления сталинской эпохи, необходимо рассмотреть следующие аспекты: 1) базовые принципы, то есть основные идеи и практики, на которых основывалась экономическая модель того времени; 2) задачи, которые решались этой моделью, то есть вызовы, с которыми она столкнулась; 3) порядок принятия ключевых решений; 4) ресурсы и инструменты, доступные руководству страны; 5) механизмы хозяйственной деятельности, включая способы и методы воздействия на экономические процессы; 6) образ будущего, то есть представления высшего руководства о том, как должны быть достигнуты поставленные цели.

Обзор литературы

Само понятие идеологии управления введено в научный оборот не так уж давно, поэтому затруднительно назвать исследования, посвященные данной конкретной проблеме применительно

к сталинскому периоду. Тем не менее заслуживают внимания современные исследования в области управления советской экономикой 1930-х – 1940-х гг., затрагивающие проблематику ее концептуального обеспечения.

Многие современные исследователи указывают на сталинскую экономику как положительный пример ускоренной модернизации в условиях догоняющего развития и уникальный пример мобилизации общества в целях обороны страны, то есть актуальный образец самодостаточного развития с опорой на собственные силы [Катасонов 2014; Катасонов 2021; Мухин 2021; Ким, Мухин 2022].

Напротив, представители иного исследовательского направления относятся к сталинскому стилю управления более критично, указывая на многочисленные недостатки командно-административной системы: косность, неэффективность, коррумпированность, склонность к возникновению единоличной диктатуры и тотального контроля над обществом и частной жизнью граждан [Мау 1990; Хлевнюк 2023; Хлевнюк, Горлицкий 2024]. К этому же направлению, как правило, примыкает большинство иностранных специалистов по данному периоду [Грегори 2008; Фитцпатрик 2021].

Наконец, стоит упомянуть недавние работы автора данной статьи: в частности, монографию «Развитие системы управления советской экономикой в послевоенный период (1945–1953 гг.)» [Баев 2024b], а также статьи и доклады на конференциях [Баев 2024a]. Эти и другие работы автора, в свою очередь, цитируются в новых исследованиях молодых ученых, продолжающих развитие исторической науки в данном направлении [Захарченко 2022a; Захарченко 2022b; Захарченко 2023a; Захарченко 2023b].

Базовые принципы

Сталинская система управления, сформировавшаяся к началу 1930-х годов, была ответом на вызовы, связанные с принудительной коллективизацией и форсированной индустриализацией. Переход от НЭПа к административно-командной системе поднял вопрос о необходимой степени централизации власти [Грегори 2008, 72]. Этот вопрос, в свою очередь, включал пять ключевых проблем, вокруг которых велась борьба в партии в середине – конце 1920-х годов: 1) установление административно-командной системы и соответствующих механизмов управления; 2) внутрипартийный плюрализм: допустимость и возможность существования мнений, отличных от генеральной линии, и фракций, отстаивающих эти мнения; 3) отношения между партийным и государственным аппаратами управления: можно ли допустить независимость государственных органов от коммунистической партии, в частности Совнаркома СССР от Политбюро ЦК ВКП(б); 4) внутрипартийная демократия: насколько возможно влияние рядовых коммунистов на партийный аппарат; 5) выбор субъекта высшей власти: единоличная диктатура или коллективное руководство [Там же].

Ответы на эти вопросы, обусловленные необходимостью осуществления «великого перелома», предполагали максимальную концентрацию и централизацию власти. Сталин и его сторонники предложили следующие решения: жесткая административно-командная система, монолитность партии и необсуждаемость ее генеральной линии на этапе реализации принятых решений (хотя на стадии принятия решений обсуждения могли быть бурными), полное подчинение государственных органов партийному аппарату, фактическое упразднение внутрипартийной демократии и установление единоличной диктатуры вождя [Там же, 99–100]. Эти базовые принципы стали основой сталинской модели управления и сохранялись вплоть до смерти Сталина.

Таким образом, советское общество, формируемое Сталиным в 1930-е годы, должно было представлять собой укрепленный лагерь, постоянно готовый к войне. Это требовало дисциплины, форсированной индустриализации и единоличного руководства. Выдвигая лозунг строительства социализма в одной стране, Сталин не отказывался от идеи торжества коммунизма во всем мире, но тактика скорой мировой революции уступила место подготовке страны к мировой войне, в которой «отечество пролетариев всего мира» должно было превратиться в осажденную крепость. «Можно сказать, что в это время общество вводилось в состояние *перманентной мобилизации*» [Баев 2024b, 30].

НЭП с его акцентом на сельское хозяйство и легкую промышленность, а также постепенным возвращением в мировую рыночную систему явно не соответствовал целям, поставленным Сталиным. Вместо этого начала формироваться новая экономическая модель — командно-административная, основанная на жестком директивном планировании, где планы, исходящие от центра, были обязательны к исполнению.

Основные задачи

К основным задачам, стоявшим перед сталинской системой управления, можно отнести две: 1) создание экономической базы для построения социалистического общества и ее дальнейшее развитие для укрепления социализма; 2) создание всех необходимых технических и экономических предпосылок для максимального повышения обороноспособности страны, чтобы она была готова к любым возможным угрозам («ко всяким случайностям»¹).

Первая задача предполагала форсированную индустриализацию, поскольку, согласно марксистскому учению, социализм возможен только при наличии высокоразвитой промышленности, когда концентрация и централизация производства достигают такого уровня, что дальнейшее обобществление труда становится неизбежным.

Однако, в соответствии с первоначальным вариантом этой теории, подобные условия должны были сначала сложиться в наиболее промышленно развитых странах, после чего там должен был произойти переход к новой общественно-экономической формации. В России же порядок был изменен: сначала к власти пришла партия, провозгласившая диктатуру пролетариата, и только затем началось ускоренное развитие промышленности в аграрно-индустриальной стране.

Таким образом, не социалистическое государство возникло как надстройка над социалистическим обществом, а наоборот, государство, официально названное социалистическим, объявило о строительстве и укреплении социалистического общества. Противоречие с изначальными постулатами марксизма было объявлено его творческим развитием.

Вторая задача, направленная на укрепление обороноспособности, вытекала из стремления подготовить СССР к грядущей мировой войне, которую, как предполагалось, могли навязать геополитические противники. Считалось также, что эта война должна была закончиться победой Советского Союза и торжеством коммунизма во всем мире.

Форсированная индустриализация с акцентом на военную промышленность, централизация и обобществление производства требовали огосударствления народного хозяйства. При этом речь отнюдь не шла о государственном капитализме, поскольку основа капиталистической формации — частная собственность — была упразднена, а ее редуцированные элементы, сохранившиеся при НЭПе, разделили судьбу самой политики НЭПа.

Создавалась совершенно новая модель экономики, где основные вопросы производства — «что производить?», «как производить?» и «для кого производить?» — решались не рыночными

¹ Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М.: Госполитиздат, 1951. С. 172, 180.

механизмами конкуренции, спроса и предложения, а социалистическим государством на основе плана, ставшего основой командно-административной экономики.

Планирование стало неотъемлемой частью сформировавшейся при Сталине социалистической экономической системы. «Плановое хозяйство — это не наше желание, а неизбежность, иначе все рухнет», — сказал вождь в одной из бесед по вопросам политической экономии, состоявшейся 29 января 1941 года².

Сталин подчеркивал, что при социализме отсутствуют такие «барометры», как рынки и биржи, с помощью которых можно было бы измерять и исправлять диспропорции. Однако объединение всех предприятий социалистической собственностью требовало единого управления, которое должно было быть планомерным³. Таким образом, директивное планирование стало необходимым элементом командно-административной экономики.

Сталин выделял три ключевых аспекта планирования: 1) обеспечение независимости социалистического хозяйства от капиталистического мира; 2) укрепление доминирования социалистической экономической системы и предотвращение возникновения капиталистических элементов; 3) поддержание пропорциональности в экономике⁴.

Первая задача заключалась в создании замкнутой экономической системы, не подверженной внешним рыночным колебаниям. Это требовало изоляции от международной торговли и денежного обращения, что выражалось в монополии государства на внешнюю торговлю и двухконтурной денежной системе [Катасонов 2014]. Такая модель, по сути, приближалась к автаркии, но без внешнего обмена она могла столкнуться с застоем, как это произошло с Римской империей, которая ограничила свою экономику внутренним рынком [Ростовцев 2001, 73].

Для поддержания социалистической системы требовалось постоянное расширение ее границ, что неизбежно приводило к конфликтам с капиталистическими государствами. Несмотря на отказ от идеи мировой революции, Советский Союз должен был быть готов к войне, поэтому Сталин уделял первостепенное внимание развитию военной промышленности.

В рамках пятилетних планов основное внимание уделялось развитию тяжелой промышленности, особенно машиностроения. Сталин подчеркивал, что восстановление и развитие этой отрасли в условиях отсталой и небогатой страны является крайне сложной задачей, требующей значительных финансовых вложений и квалифицированных специалистов⁵.

Для финансирования тяжелой промышленности был установлен режим жесткой экономии. Внешние источники, такие как займы и «ограбление других стран», не рассматривались как возможные варианты. Вместо этого был провозглашен принцип опоры на собственные ресурсы страны⁶.

Основным источником средств для индустриализации стала деревня. По сути, государство использовало ее ресурсы так же, как западные страны «эксплуатировали свои колонии путем неравноценного обмена товаров разных классов (сырье в обмен на продукты промышленности)» [Баев 2024b, 34]. Для этого применялись заниженные закупочные цены, что создавало неравный обмен между городом и деревней. Коллективизация была направлена на подавление сопротивления крестьянства.

В условиях, когда основной акцент был сделан на развитие тяжелой промышленности, пришлось сократить производство товаров повседневного спроса, что вызывало определенные

² Бухерт В.Г. «Учебник должен пользоваться непререкаемым авторитетом». Беседы И.В. Сталина с учеными-экономистами. 1941, 1950, 1952 гг. // Исторический архив. 2012. № 5. С. 8.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 8–9.

⁵ Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М.: Госполитиздат, 1951. С. 174–175.

⁶ Там же. С. 180.

трудности. Сталин утверждал, что при продолжении НЭПа у страны было бы больше тканей, обуви и одежды, но отсутствовала бы развитая тракторная и автомобильная промышленность, а также черная металлургия. Без металла для производства машин страна оказалась бы неспособной противостоять технически вооруженному капиталистическому окружению⁷.

После окончания Великой Отечественной войны Сталин объявил о расширении производства товаров повседневного спроса. Однако и в двух послевоенных пятилетних планах основное внимание по-прежнему уделялось тяжелой промышленности⁸.

Рассматривая материалы, связанные с проектом новой программы ВКП(б), готовившейся к принятию в конце 1940-х годов, можно увидеть, что главной целью преобразований в народном хозяйстве был стремительный переход от отсталости к высокому уровню экономического развития. Для этого требовалось решить ряд управленческих задач: 1) создать новую технику; 2) сформировать кадры, способные освоить и развивать эту технику; 3) создать систему управления промышленностью и планирования всего народного хозяйства; 4) разработать методы и инструменты социалистического хозяйствования⁹.

Принятие ключевых решений

Что касается порядка принятия ключевых решений, то административно-командная система привела к установлению единоличной диктатуры. Представители австрийской экономической школы объясняли это тем, что в централизованной плановой экономике контроль не зависит от согласия большинства; зачастую меньшинство может навязать свою волю остальным, так как оно оказывается самой сплоченной группой, достигшей согласия по данному вопросу [Грегори 2008, 86].

Такой группой стали выдвиженцы Сталина, который, используя свое положение Генерального секретаря ЦК партии, контролировал кадровую политику. В результате его сторонники заняли большинство мест в ЦК и Политбюро, а идеологические оппоненты были разгромлены и смещены с должностей, а в конце 1930-х годов — физически ликвидированы.

Однако выдвиженцы Сталина, такие как В.М. Молотов, Л.М. Каганович, К.Е. Ворошилов и другие, не стали его равноправными советниками, а лишь исполняли его указания. Таким образом, сложилась система единоличной диктатуры Сталина, в которой институты власти играли второстепенную роль.

С середины 1930-х годов решения в основном принимались не Политбюро, а комиссиями, формируемыми для каждого конкретного случая. Доля коллективно принимаемых решений значительно уменьшилась, а количество заседаний Политбюро сократилось с одного раза в неделю в 1929 году до двух раз в год в 1939 году [Грегори 2008, 85–86]. Как вспоминал Н.С. Хрущев, не все члены Политбюро участвовали в голосовании по тем или иным вопросам, а заседания проводились нерегулярно. Все вопросы решались опросом, и Сталин сам определял, кто должен голосовать по тому или иному документу¹⁰.

Система принятия решений в командном управлении, где ключевая роль отводилась одному человеку, имела значительный побочный эффект. П. Грегори называет его «проклятием диктатора» [Там же, 92]. Концентрация власти привела к тому, что высшее руководство, помимо важных решений, часто сталкивалось с множеством мелких рутинных вопросов, которые передавали наверх нижестоящие инстанции. Это позволяло им избегать ответственности и минимизировать риски.

⁷ Там же. С. 182.

⁸ Речь товарища И.В. Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 года // Сталин И.В. Сочинения. Т. 16. М.: Издательство «Писатель», 1997. С. 8.

⁹ Куусинен О.В., Леонтьев Л.А. Материалы к проекту программы ВКП(б) // Сталинское экономическое наследие: планы и дискуссии. 1947–1953 гг.: Документы и материалы. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 115.

¹⁰ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть (Воспоминания). Часть III. М.: Информационно-издательская компания «Московские Новости», 1999. С. 107.

Постепенное ослабление коллективного руководства и замена его на единоличное лидерство привели к перегрузке рабочего графика Сталина. Ему приходилось участвовать в бесконечных заседаниях, консультациях, рассмотрении петиций, чтении статистических отчетов, пересмотре планов, распределении ресурсов и инспекционных поездках. До конца своего правления он был вынужден принимать решения по всем вопросам, независимо от их значимости [Там же, 98–99]. Это было платой за сверхцентрализованность административно-командной системы.

Ресурсы и инструменты

Говоря о ресурсах и инструментах, необходимых для выполнения задач, Сталин называл природные богатства, такие как железная руда, уголь, нефть, хлеб и хлопок, достаточными ресурсами для выполнения контрольных цифр плана на 1931 год. Инструментами же он считал: 1) власть, способную использовать эти богатства и поддерживаемую народом; 2) социалистический строй с плановым хозяйством, предполагающим накопление и распределение ресурсов; 3) высокую концентрацию промышленности для быстрого роста производительности труда; 4) единую и монолитную коммунистическую партию, способную направить усилия лучших людей рабочего класса в одну точку¹¹.

Сталин придавал особое значение управлению производством, считая, что руководство должно быть активным и практическим. Он утверждал, что коммунисты обязаны не только подписывать приказы, но и глубоко разбираться в технических аспектах, заменяя старых специалистов. Таким образом, он выступал за то, чтобы партия взяла на себя контроль над техническими вопросами, что, по его мнению, способствовало бы установлению единоначалия в экономике¹².

Сталин заявил на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, что нужно отказаться от устаревшего подхода, при котором партия не вмешивается в производственные процессы. Вместо этого большевикам необходимо активно участвовать во всех аспектах производства, изучать и осваивать технические знания, стать настоящими специалистами. В период реконструкции техника играет решающую роль, и хозяйственник, который не стремится овладеть ею, не может считаться настоящим профессионалом¹³.

Пример взаимодействия партийного аппарата и предприятий можно увидеть на опыте ленинградской партийной организации. После «Ленинградского дела» новым секретарем горкома партии стал В.М. Адрианов, который получал отчеты от районных партийных комитетов. В одном из таких отчетов секретарь Кировского райкома ВКП(б) И.К. Замчевский отметил, что многие партийные организации сосредоточились на хозяйственных вопросах, пренебрегая внутрипартийной работой и большевистским воспитанием коммунистов. Однако он также привел примеры успешного сочетания партийно-политической работы с хозяйственной деятельностью, такие как оптимизация производства на заводе дезоборудования и грамотная организация работы партийной ячейки завода «Красный Химик»¹⁴.

Таким образом, в послевоенные годы наблюдалась тенденция к пересмотру роли партии в управлении экономикой. Основной задачей партии стало идеологическое воспитание, направленное на повышение производительности труда. Однако на практике партийные органы часто занимались хозяйственными вопросами, что иногда приводило к снижению эффективности агитации и пропаганды.

¹¹ Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М.: Госполитиздат, 1951. С. 31–34.

¹² Там же. С. 35–38.

¹³ Там же. С. 41.

¹⁴ Справки райкомов ВКП(б) города о недостатках внутрипартийной работы в районных парторганизациях и мерах ее усиления, 1 января 1949 – 31 декабря 1949 // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 40. Д. 93. Л. 1–3.

Механизмы хозяйствования и образ будущего

Механизмы планового социалистического хозяйствования, основанные на административно-командной системе, окончательно сформировались к концу 1930-х годов. Их целью было централизованное управление всеми экономическими процессами через прямые директивы. В этой системе главной задачей предприятий было выполнение заданий, установленных сверху, включая рост производства, регулирование фонда заработной платы, структуры и численности работников. Директивные указания центра имели силу закона, а план понимался как совокупность директив и основной критерий оценки хозяйственной деятельности предприятий [May 1990, 66–67].

Образ будущего, характерный для сталинской системы, включал в долгосрочной перспективе коммунизм. В краткосрочной перспективе цели менялись. В период первых двух пятилеток основной задачей было построение социалистического общества через развитие современной промышленности и коллективизацию в деревне. Считалось, что новый строй позволит достичь небывалых темпов экономического роста¹⁵. Важным было также укрепление обороноспособности страны в связи с подготовкой к войне. Ожидалось, что успехи пятилеток мобилизуют революционные силы рабочего класса против капитализма¹⁶.

Особо важную роль в подготовке советской экономики к войне сыграл третий пятилетний план. Во время его реализации резко увеличились бюджетные ассигнования на оборону, ключевая роль была отведена военно-промышленному комплексу. В военные годы пятилетние планы не принимались, все народное хозяйство работало на обеспечение победы. Главными задачами четвертой и пятой пятилеток стало послевоенное восстановление экономики.

Долгосрочные планы были изложены в проекте новой программы партии, который готовился к принятию после Великой Отечественной войны. В четвертом разделе переработанного проекта программы ВКП(б) прямо указывалось, что основная цель — построение коммунизма в СССР в течение ближайших 20–30 лет¹⁷.

Коммунистическое общество, согласно марксистско-ленинскому учению, должно было характеризоваться: 1) изобилием продуктов, основанным на росте производства, принципом «от каждого по способностям, каждому — по труду», зажиточной и культурной жизнью трудящихся; 2) общенародной собственностью на средства производства, высокоразвитой техникой и централизованным управлением экономикой; 3) единым обществом без классовых различий; 4) ликвидацией противоположности между городом и деревней; 5) ликвидацией противоположности между умственным и физическим трудом; 6) полным удовлетворением материальных и духовных потребностей людей и их всесторонним развитием¹⁸.

В проекте партийной программы также были поставлены задачи, необходимые для перехода от социализма к коммунизму: 1) основная экономическая задача — превзойти уровень производства на душу населения в главных капиталистических странах за 15–20 лет (для этого требовалось увеличить производственные мощности, особенно тяжелой индустрии, при ведущей роли машиностроения); 2) электрификация всей страны по единому плану; 3) поощрение технического прогресса для опережения зарубежной науки; 4) механизация труда для устранения неквалифицированных работ; 5) увеличение объема и удельного веса производства группы «Б» при сохранении ведущей роли производства группы «А»; 6) создание полноценной инфраструктуры; 7) развитие сельского хозяйства, его механизация, «преобразование природы» и укрепление

¹⁵ Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М.: Госполитиздат, 1951. С. 42.

¹⁶ Там же. С. 171.

¹⁷ Федосеев П.Н., Митин М.Б., Леонтьев Л.А., Шепилов Д.Т. Переработанный проект Программы ВКП(б) // Сталинское экономическое наследие: планы и дискуссии. 1947–1953 гг.: Документы и материалы. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 176.

¹⁸ Там же. С. 176–177.

колхозного строя; 8) внедрение социалистических принципов оплаты труда, борьба с уравниловкой и развитие сдельно-прогрессивной системы; 9) сокращение рабочего дня до семи и даже шести часов по мере экономического развития; 10) развитие всенародной собственности, включая полное слияние с колхозно-кооперативной; 11) переход к распределению продуктов по потребностям, начиная с основных продуктов питания, а затем и других товаров, через повышение заработной платы и снижение цен; 12) укрепление государственной централизации и экономического планирования, развитие местной инициативы, хозрасчета и укрепление бюджета (политика в области кредита, цен, прибыли и торговли признавалась важным рычагом достижения коммунизма)¹⁹.

В ходе подготовки программы проводились дискуссии, в которых обсуждались вопросы управления экономикой в условиях перехода к коммунизму. Отмечалось, что тезис об отмирании государства при коммунизме следует понимать как отмирание функций принуждения (и то только после построения коммунизма во всем мире), в то время как хозяйственно-организаторские функции государства, напротив, возрастут. Производство требует единой воли, единого управления и подчинения всех воле одного, поэтому государство как аппарат насилия может отмереть, но хозяйственно-организаторские функции будут только усиливаться²⁰.

Заключение

Таким образом, сталинская идеология управления экономикой включала следующие элементы: 1) базовый принцип управления — жесткая административно-командная система под безраздельным руководством монолитной партии; 2) основные экономические задачи — создание экономической базы социализма и максимальное укрепление обороноспособности страны; 3) порядок принятия ключевых решений — концентрация власти в руках И.В. Сталина; 4) ресурсы — природные богатства страны, а инструменты — коммунистическая партия, социалистический строй, развитая промышленность; 5) механизм хозяйствования — директивное планирование; 6) образ будущего — построение коммунистического общества в долгосрочной перспективе, а в краткосрочной — укрепление советской государственности и выполнение насущных задач (подготовка к войне, обеспечение победы, послевоенное восстановление).

Таков идейный каркас экономической системы, с которой Советский Союз вступил в Великую Отечественную войну, одержал Победу и восстановил народное хозяйство. Разумеется, ее копирование в современных условиях невозможно, однако изучение ее достоинств и недостатков, безусловно, необходимо.

Список литературы:

Баев Е.В. Проблемы управления советской экономикой в начале глобального геополитического соперничества (1945–1953 гг.) // Российская государственность в геополитическом пространстве XXI века: конкуренция, партнерство, ценности: материалы XI Научно-практической конференции по исследованию российской государственности. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2024а. С. 21–25.

Баев Е.В. Развитие системы управления советской экономикой в послевоенный период (1945–1953 гг.). М.: «КДУ», 2024б.

Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008.

Захарченко А.В. Советский военно-промышленный комплекс в 1945–1950 гг.: кризис или конверсионный переход (историографический аспект) // Самарский научный вестник. 2022а. Т. 11. № 4. С. 224–229. DOI: [10.55355/snv2022114210](https://doi.org/10.55355/snv2022114210)

¹⁹ Там же. С. 177–181.

²⁰ Такое мнение высказано К.В. Островитяновым — директором Института экономики АН СССР в 1947–1953 гг. — на заседании комиссии ЦК ВКП(б) по проекту новой программы партии; см. Сталинское экономическое наследие: планы и дискуссии. 1947–1953 гг.: Документы и материалы. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 147.

Захарченко А.В. Хозяйственные ведомства во второй половине 1940-х гг.: к типологии «лоббистских групп» в советской плановой системе. Часть 1 // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2022b. Т. 4. № 4(16). С. 50–59.
DOI: [10.37313/2658-4816-2022-4-4-50-59](https://doi.org/10.37313/2658-4816-2022-4-4-50-59)

Захарченко А.В. Госплан и проблема конверсионного перехода в военной промышленности СССР во второй половине 1940-х гг. // Российская история. 2023a. № 5. С. 84–102.
DOI: [10.31857/S2949124X23050061](https://doi.org/10.31857/S2949124X23050061)

Захарченко А.В. Хозяйственные ведомства во второй половине 1940-х гг.: к типологии «лоббистских групп» в советской плановой системе. Часть 2 // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2023b. Т. 5. № 1(17). С. 91–103.
DOI: [10.37313/2658-4816-2023-5-1-91-103](https://doi.org/10.37313/2658-4816-2023-5-1-91-103)

Катасонов В.Ю. «Экономическое чудо» Сталина. М.: Родина, 2021.

Катасонов В.Ю. Экономика Сталина. М.: Институт русской цивилизации, 2014.

Ким С.П., Мухин М.Ю. Мобилизационная подготовка советской промышленности в годы первой пятилетки. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2022.

Мау В.А. В поисках планомерности: из истории развития советской экономической мысли конца 30-х – начала 60-х годов. М.: Наука, 1990.

Мухин М.Ю. Освоение новых технологических решений советской авиаиндустрией в послевоенный период (1945–1960 гг.) // Авиакосмическое приборостроение. 2021. № 2. С. 35–42.
DOI: [10.25791/aviakosmos.2.2021.1205](https://doi.org/10.25791/aviakosmos.2.2021.1205)

Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской Империи. В 2 т. Т. II. СПб.: Наука, 2001.

Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952.

Фитцпатрик Ш. Команда Сталина. Годы опасной жизни в советской политике. М.: Издательство Института Гайдара, 2021.

Хлевнюк О.В. Корпорация самозванцев. Теневая экономика и коррупция в сталинском СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Секретари. Региональные сети в СССР от Сталина до Брежнева. М.: Новое литературное обозрение, 2024.

References:

Baev E.V. (2024a) Problems of Managing the Soviet Economy at the Beginning of Global Geopolitical Rivalry (1945–1953). *Rossiyskaya gosudarstvennost' v geopoliticheskom prostranstve XXI veka: konkurentsia, partnerstvo, tsennosti: materialy XI Nauchno-prakticheskoy konferentsii po issledovaniyu rossiyskoy gosudarstvennosti*. Vladimir: Vladimirskiy filial RANKhiGS. P. 21–25.

Baev E.V. (2024b) *Razvitiye sistemy upravleniya sovetskoy ekonomikoy v poslevoyenny period (1945–1953 gg.)* [Development of the Soviet economy management system in the post-war period (1945–1953)]. Moscow: “KDU”.

Fitzpatrick S. (2021) *On Stalin's Team: The Years of Living Dangerously in Soviet Politics*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara.

Gregory P.R. (2008) *The Political Economy of Stalinism: Evidence from the Soviet Secret Archives*. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSP-EN): Fond Pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'tsina.

Katasonov V.Yu. (2014) *Ekonomika Stalina* [Stalin's Economy]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.

Katasonov V.Yu. (2021) *«Ekonomicheskoye chudo» Stalina* [Stalin's “economic miracle”]. Moscow: Rodina.

Khlevniuk O.V., Gorlizki Y. (2024) *Substate Dictatorship: Networks, Loyalty and Institutional Change in the Soviet Union*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.

Khlevnyuk O.V. (2023) *Korporatsiya samozvantsev. Tenevaya ekonomika i korruptsiya v stalinskom SSSR* [The Corporation of impostors. The shadow economy and corruption in Stalin's USSR]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.

Kim S.P., Mukhin M.Yu. (2022) *Mobilizatsionnaya podgotovka sovetskoy promyshlennosti v gody pervoy pyatiletki* [Mobilization of Soviet industry during the first five-year plan]. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.

Mau V.A. (1990) *V poiskakh planomernosti: iz istorii razvitiya sovetskoy ekonomicheskoy mysli kontsa 30-kh – nachala 60-kh godov* [In search of systematicity: From the history of Soviet economic thought in the late 1930s and early 1960s]. Moscow: Nauka.

Mukhin M.Yu. (2021) Mastering New Technological Solutions by the Soviet Aviation Industry in the Postwar Period (1945–1960). *Aviakosmicheskoye priborostroyeniye*. No. 2. P. 35–42. DOI: [10.25791/aviakosmos.2.2021.1205](https://doi.org/10.25791/aviakosmos.2.2021.1205)

Rostovtzeff M.I. (2001) Gesellschaft und Wirtschaft im Römischen Kaiserreich. In 2 B. Band II. Saint Petersburg: Nauka.

Stalin I.V. (1952) *Ekonomicheskiye problemy sotsializma v SSSR* [Economic problems of socialism in the USSR]. Moscow: Gospolitizdat.

Zakharchenko A.V. (2022a) The Soviet Military-Industrial Complex in 1945–1950: Crisis or Conversion Transition (Historiographical Aspect). *Samarskiy nauchnyy vestnik*. Vol. 11. No. 4. P. 224–229. DOI: [10.55355/snv2022114210](https://doi.org/10.55355/snv2022114210)

Zakharchenko A.V. (2022b) Economic Establishments in the Late 1940s: Regarding the Typology of “Lobby Groups” in Soviet Planning System. Part 1. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Istoricheskiye nauki*. Vol. 4. No. 4(16). P. 50–59. DOI: [10.37313/2658-4816-2022-4-4-50-59](https://doi.org/10.37313/2658-4816-2022-4-4-50-59)

Zakharchenko A.V. (2023a) Gosplan and the Problem of Conversion in the Soviet Military Industry in the Second Half of the 1940s. *Rossiyskaya istoriya*. No. 5. P. 84–102. DOI: [10.31857/S2949124X23050061](https://doi.org/10.31857/S2949124X23050061)

Zakharchenko A.V. (2023b) Economic Establishments in the Late 1940s: Regarding the Typology of “Lobby Groups” in Soviet Planning System. Part 2. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Istoricheskiye nauki*. Vol. 5. No. 1(17). P. 91–103. DOI: [10.37313/2658-4816-2023-5-1-91-103](https://doi.org/10.37313/2658-4816-2023-5-1-91-103)

Государственное управление в условиях внешних вызовов: уроки Великой Отечественной войны и современные международные практики

Гриняев Сергей Николаевич

Доктор технических наук, SPIN-код РИНЦ: [4645-8700](#), ORCID: [0000-0001-6511-9553](#), sgreen@csef.ru

Институт Европы РАН, Москва, РФ.

Журавель Валерий Петрович

Кандидат педагогических наук, SPIN-код РИНЦ: [7736-3377](#), ORCID: [0000-0002-1786-6754](#), zhvalery@mail.ru

Институт Европы РАН, Москва, РФ.

Аннотация

Исследование посвящено изучению государственного управления в условиях стратегических внешних вызовов с акцентом на опыт Советского Союза в период Великой Отечественной войны и современные практики управления в международном контексте. Цель работы заключается в анализе ресурсов, инструментов и механизмов, обеспечивающих устойчивость государства перед лицом глобальных угроз, а также в оценке их актуальности для текущих геополитических реалий. Научная значимость исследования определяется потребностью в осмыслении исторических подходов к управлению для формирования современных стратегий обеспечения безопасности, особенно в условиях нестабильности международной системы. Практическая ценность связана с возможностью применения выводов для укрепления государственной политики России перед лицом новых вызовов. Методология базируется на сравнительном историческом анализе опыта СССР и изучении кейсов управления кризисами в странах Европы. Результаты свидетельствуют, что советская модель демонстрирует высокую эффективность мобилизационного управления в экстремальных условиях благодаря централизации и оперативности решений. В то же время современные европейские практики выявляют сочетание успехов и управленческих ошибок, обусловленных бюрократией и недостаточной координацией. Работа вносит вклад в теорию международных отношений, подчеркивая значение чрезвычайных органов в кризисном управлении, и предлагает новые интерпретации мобилизационных стратегий с учетом современных реалий. Практическое значение заключается в разработке рекомендаций для повышения устойчивости России к внешним угрозам, основанных на историческом опыте и анализе текущих международных подходов. Исследование подчеркивает необходимость адаптации исторических уроков к специфике глобализированного мира.

Ключевые слова

Государственное управление, Великая Отечественная война, мобилизационное управление, чрезвычайные органы, международная безопасность, Россия, Европа.

Для цитирования

Гриняев С.Н., Журавель В.П. Государственное управление в условиях внешних вызовов: уроки Великой Отечественной войны и современные международные практики // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 113(S). С. 45–53. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-113(S)-2025-45-53

State Governance under External Challenges: Lessons from the Great Patriotic War and Contemporary International Practices

Sergey N. Grinyaev

DSc (Technical Sciences), ORCID: [0000-0001-6511-9553](#), sgreen@csef.ru

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Valery P. Zhuravel

PhD, ORCID: [0000-0002-1786-6754](#), zhvalery@mail.ru

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The study explores state governance under strategic external challenges, focusing on the Soviet Union's experience during the Great Patriotic War and contemporary international management practices. Its aim is to analyze the resources, tools, and mechanisms that ensure state resilience amid global threats and to evaluate their relevance to today's geopolitical landscape. The scientific significance stems from the need to interpret historical governance models to devise modern security strategies, particularly amid the instability of the international system. The practical value lies in the potential application of findings to bolster Russia's state policy in addressing emerging challenges. The methodology relies on a comparative historical analysis of the Soviet experience and an examination of crisis management cases in European countries. Findings indicate that the Soviet model exemplifies the effectiveness of mobilization governance in extreme conditions, driven by centralization and rapid decision-making. Conversely, contemporary European practices reveal a mix of successes and managerial shortcomings, primarily due to bureaucratic inefficiencies and poor coordination. The study contributes to international relations theory by highlighting the critical role of emergency bodies in crisis management and offers fresh interpretations of mobilization strategies tailored to modern contexts. Its practical significance lies in formulating recommendations to enhance Russia's resilience to external threats, drawing on historical insights and an analysis of current international approaches. The research underscores the importance of adapting historical lessons to the complexities of a globalized world, providing a framework for strategic policy development.

Keywords

State governance, Great Patriotic War, mobilization governance, emergency bodies, international security, Russia, Europe.

For citation

Grinyaev S.N., Zhuravel V.P. (2025) State Governance under External Challenges: Lessons from the Great Patriotic War and Contemporary International Practices. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 113(S). P. 45–53. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-113(S)-2025-45-53

Дата поступления/Received: 05.11.2025

Введение

Государственное управление в условиях внешних вызовов представляет собой одну из ключевых проблем в области международных отношений и безопасности. История XX века, в частности период Второй мировой войны, демонстрирует разнообразные подходы государств к управлению в условиях экзистенциальных угроз. Для России Великая Отечественная война (1941–1945) стала определяющим событием, которое выявило как сильные стороны, так и ограничения мобилизационных стратегий. Этот исторический опыт остается актуальным в контексте современных вызовов, таких как геополитические конфликты, экономические санкции и глобальные кризисы [Никонов 2023].

Настоящая статья направлена на анализ ресурсов, инструментов и механизмов, использованных Советским Союзом в годы войны, с учетом их значения для международной безопасности. Особое внимание уделяется роли чрезвычайных органов, таких как Государственный комитет обороны (ГКО), и их влиянию на устойчивость государства. В дополнение к историческому анализу рассматриваются современные практики управления в Европе, что позволяет выявить как успешные стратегии, так и ошибки, допущенные в условиях кризисов XXI века. Исследование ориентировано на интересы России, стремящейся укрепить свои позиции в условиях нарастающей международной нестабильности. Сравнение советского опыта с европейскими подходами подчеркивает необходимость адаптации исторических уроков к текущим реалиям глобального управления. Работа сочетает теоретический анализ с практическими выводами, предлагая рекомендации для повышения эффективности государственной политики в условиях внешних угроз.

Ресурсы, инструменты и механизмы стратегического ответа СССР на вызов Великой Отечественной войны

Начало Великой Отечественной войны 22 июня 1941 года стало для Советского Союза моментом, потребовавшим немедленного и всеобъемлющего ответа на агрессию нацистской Германии [Айрапетов 2023]. Основными ресурсами, задействованными в этот период, выступили человеческий капитал, промышленный потенциал, сельскохозяйственные мощности и идеологическая консолидация общества. Мобилизация населения началась с массового призыва: в первые месяцы войны в армию было привлечено более 5 миллионов человек, а к концу 1941 года численность вооруженных сил достигла почти 7 миллионов [Мельтюхов 2000]. Этот процесс сопровождался строгой организацией тылового обеспечения и перераспределением рабочей силы на военные нужды. Женщины, подростки и пожилые люди, ранее не занятые в промышленности, были привлечены к производству, что позволило компенсировать уход значительной части мужского населения на фронт. Промышленный сектор был радикально перестроен: сотни предприятий были эвакуированы на восток страны, в регионы Урала, Сибири и Поволжья, что позволило сохранить производственные мощности даже в условиях оккупации значительной части территории [The Economics of World War II 1998]. В 1941–1942 годах было перемещено более 1500 заводов, что стало беспрецедентным логистическим достижением, обеспечившим непрерывное снабжение армии вооружением и техникой [Безбородов 2024]. Сельское хозяйство, несмотря на утрату

плодородных земель Украины и южных регионов, обеспечивало минимально необходимый уровень продовольствия благодаря жестким мерам нормирования, централизованному контролю и введению карточной системы [Стожко 2023]. Идеологический ресурс проявился в массовой пропаганде, направленной на укрепление морального духа: лозунги, такие как «Всё для фронта, всё для победы», формировали общественную готовность к жертвам, а образ врага, созданный через СМИ, усиливал национальное единство.

Инструменты управления включали централизацию власти, директивное планирование и создание специализированных структур. Учреждение ГКО 30 июня 1941 года стало ключевым шагом, обеспечившим концентрацию полномочий в руках высшего руководства [Мулукаев, Малыгин 2023]. Постановления ГКО обладали юридической силой и охватывали все аспекты управления, от военного производства до распределения ресурсов, что позволяло оперативно реагировать на изменения на фронте. Новые органы, такие как советы по эвакуации, координировали перемещение промышленности и населения, а комитеты по снабжению обеспечивали тыловую поддержку армии. Механизмы реализации сочетали репрессивные меры (уголовная ответственность за саботаж или невыполнение планов) с позитивными стимулами, включая награды, почетные звания и моральную поддержку для работников тыла [Микрюков и др. 2020]. Этот подход позволил СССР не только выстоять в первые месяцы войны, но и создать основу для контрнаступления. Эффективность советской модели подтверждается статистикой: к 1943 году производство танков увеличилось в четыре раза по сравнению с довоенным уровнем, а выпуск самолетов вырос на 60% [The Economics of World War II 1998]. Таким образом, стратегический ответ СССР опирался на комплексное использование ресурсов и инструментов, что обеспечило устойчивость государства перед лицом беспрецедентной угрозы.

Мобилизационное управление: применимость термина и его границы

Концепция мобилизационного управления предполагает концентрацию всех доступных ресурсов для достижения стратегической цели в условиях кризиса, что делает ее применимой к анализу действий СССР в годы войны [Викторова 2024]. Военная мобилизация обеспечила быстрое наращивание вооруженных сил: создание новых дивизий и переподготовка резервистов позволили компенсировать катастрофические потери первых месяцев войны [Мельтюхов 2001]. Например, уже к осени 1941 года было сформировано более 200 новых стрелковых дивизий, что стало возможным благодаря массовому призыву и ускоренной подготовке добровольцев. Экономическая мобилизация выразилась в переводе промышленности на военные нужды: к середине 1942 года более 80% производственных мощностей были переориентированы на выпуск военной продукции, включая танки Т-34 и самолеты Ил-2 [The Economics of World War II 1998]. Этот процесс сопровождался жестким нормированием рабочего времени и ресурсов, что позволило достичь пиковых показателей производства в условиях дефицита сырья и рабочей силы. Идеологическая мобилизация, поддерживаемая партийной пропагандой, усилила социальную сплоченность: кампании, такие как сбор средств на военную технику, привлекли миллионы граждан к участию в общем деле [Стожко 2023]. Эти элементы соответствуют теоретическим принципам мобилизационного управления, подчеркивающим сознательное участие общества и приоритет стратегических задач над долгосрочным развитием.

Однако длительное применение мобилизационных методов выявило их ограничения. К 1943 году истощение трудовых ресурсов и снижение производительности труда стали заметными: нормы выработки на эвакуированных заводах упали на 15–20% из-за физической усталости рабочих и нехватки квалифицированных кадров [Хлевнюк 2017]. Сельское хозяйство также столкнулось

с кризисом: сокращение посевных площадей и рабочей силы привело к падению урожайности, что усугубило продовольственный дефицит в тылу. Это указывает на дискретный характер мобилизационного управления, эффективного в краткосрочной перспективе, но требующего адаптации для поддержания устойчивости системы на протяжении длительного времени. Советский опыт демонстрирует, как мобилизационные стратегии могут обеспечивать выживание государства в условиях войны, но их успех зависит от способности властей своевременно переходить к более гибким подходам на поздних стадиях кризиса [Davies 1998]. Для современной России этот урок подчеркивает важность сочетания экстренных мер с долгосрочным планированием в условиях таких угроз, как санкционное давление или региональные конфликты, где требуется не только мобилизация ресурсов, но и их эффективное и своевременное распределение.

Роль чрезвычайных органов в системе управления

Чрезвычайные органы стали основой управления в условиях Великой Отечественной войны, обеспечивая координацию усилий на всех уровнях государственной системы и играя решающую роль в обеспечении устойчивости Советского Союза перед лицом внешней агрессии. ГКО, созданный 30 июня 1941 года, объединил военную, экономическую и политическую власть, что позволило оперативно реагировать на изменения на фронте и в тылу [Мулукаев, Малыгин 2023]. Его постановления, такие как приказ об увеличении производства артиллерии или переброске ресурсов на восток, исполнялись без обсуждения, что минимизировало бюрократические задержки и обеспечивало единство действий в условиях острого дефицита времени. Дополнительные структуры, например советы по эвакуации, руководили перемещением промышленности и населения: в 1941 году было эвакуировано более 10 миллионов человек и сотни предприятий, что стало ключевым фактором сохранения экономического потенциала и позволило продолжить производство вооружений в безопасных регионах [Микрюков 2020]. Комитеты по снабжению армии координировали поставки продовольствия, топлива и техники на фронт, обеспечивая бесперебойную подготовку и проведение военных операций, в то время как городские комитеты обороны организовывали строительство укреплений и мобилизацию граждан в осажденном Ленинграде, где их деятельность способствовала выживанию населения в условиях блокады [Хлевнюк 2017].

Эффективность чрезвычайных органов определялась их способностью преодолевать ведомственную разобщенность и инерцию, характерные для мирного времени. ГКО напрямую контролировал работу наркоматов, таких как Наркомат обороны и Наркомат путей сообщения, что исключало конфликты между гражданскими и военными структурами и ускоряло реализацию стратегических решений [Микрюков и др. 2020]. Советы по эвакуации, подчиняясь ГКО, координировали сложнейшую логистическую операцию по перемещению заводов, что позволило в кратчайшие сроки восстановить производство на новом месте: так, Сталинградский тракторный завод был эвакуирован и запущен в Челябинске менее чем за три месяца [Микрюков 2020]. Городские комитеты обороны, например комитеты в Киеве и Одессе, не только организовывали оборонительные работы, но и управляли распределением продовольствия и медицинских ресурсов, что минимизировало хаос в условиях отступления [Исаев 2004]. Однако чрезмерная централизация приводила к ошибкам: игнорирование местных условий иногда вызывало перебои в снабжении или неэффективное использование ресурсов, как это было в случае с распределением продовольствия в 1942 году, когда регионы Урала получили избыточные поставки, а центральные области испытывали значительный дефицит [Стожко 2023].

Полученный опыт подчеркивает значение оперативных структур в кризисных ситуациях, но также указывает на необходимость их адаптации к специфике каждого региона и уровня

управления. Чрезвычайные органы обеспечили СССР возможность мобилизовать ресурсы и скоординировать усилия на национальном уровне, что стало примером для других стран, столкнувшихся с масштабными вызовами. Например, эвакуация промышленности, организованная Советами, позже изучалась союзниками как модель управления в условиях войны [The Economics of World War II 1998].

Для современной России чрезвычайные органы могут служить моделью управления в условиях геополитических кризисов, таких как конфликт на постсоветском пространстве или экономическая блокада, при условии учета уроков прошлого. Баланс между централизацией и делегированием полномочий, а также использование современных технологий для координации усилий могут повысить эффективность таких структур в XXI веке. Кроме того, опыт работы городских комитетов обороны подчеркивает важность вовлечения местных властей в кризисное управление, что может быть применено для повышения устойчивости регионов России к внешним угрозам.

Уникальность опыта Государственного комитета обороны и его стратегические механизмы

ГКО представляет собой уникальный пример чрезвычайного органа, не имеющий прямых аналогов в истории Второй мировой войны, что подчеркивает его исключительное значение в контексте государственного управления и международной безопасности. Его полномочия охватывали все аспекты управления — от военного командования до экономического планирования и идеологического контроля, что резко отличало его от подходов союзников: так, в США или Великобритании функции распределялись между министерствами и комитетами, такими как Военно-промышленный совет или Кабинет войны [The Economics of World War II 1998]. ГКО, возглавляемый Иосифом Сталиным, обеспечивал абсолютную концентрацию решений, что позволяло принимать постановления в кратчайшие сроки: например, решение об увеличении производства танков Т-34 в 1942 году было реализовано за несколько недель благодаря прямому контролю над заводами, обеспечению материальными средствами и четкому распределению задач [Мулукаев, Малыгин 2023]. Стратегические механизмы включали оперативное реагирование на фронтовые нужды, делегирование полномочий уполномоченным на местах и использование партийного аппарата для контроля исполнения. Уполномоченные ГКО (Георгий Маленков, Николай Вознесенский или Лаврентий Берия) направлялись на ключевые предприятия и в регионы для устранения узких мест в производстве, что обеспечивало гибкость системы и позволяло оперативно устранять наметившиеся сбои [Микрюков 2020]. Например, в 1942 году Маленков лично курировал восстановление производства на танковых заводах Урала, что позволило увеличить выпуск техники на 30% за три месяца.

Уникальность ГКО заключалась не только в его широких полномочиях, но и в интеграции военных и гражданских структур в единую систему управления, что было особенно важно в условиях тотальной войны. В своей статье «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим», анализируя управленческий опыт Великой Отечественной войны, Президент России В.В. Путин писал: «Тяжелейшие военные поражения 1941 года поставили страну на грань катастрофы. Восстанавливать боеспособность, управляемость пришлось чрезвычайными методами, всеобщей мобилизацией, напряжением всех сил государства и народа. Уже летом 41-го под огнем врага началась эвакуация на восток страны миллионов граждан, сотен заводов и производств. В кратчайшие сроки в тылу был налажен выпуск оружия и боеприпасов, которые стали поступать на фронт в первую же военную зиму, а к 1943 году были превышены показатели военного производства Германии и ее союзников. За полтора года советские люди совершили то, что казалось

невозможным, и на фронте, и в тылу. И до сих пор трудно осознать, понять, представить, каких невероятных усилий, мужества, самоотверженности потребовали эти величайшие достижения»¹.

В отличие от США, где военное производство координировалось через Военно-промышленный совет с активным участием частного сектора, ГКО обладал прямой властью над всеми секторами экономики и общества, минуя посредников и рыночные механизмы [The Economics of World War II 1998]. Эта модель позволяла мгновенно перераспределять ресурсы между фронтом и тылом: так, в 1943 году ГКО принял решение о переброске металлургических мощностей с гражданских нужд на выпуск снарядов, что обеспечило успех наступательных операций Красной армии. Партийный аппарат, включая парторгов на заводах и местных секретарей, служил инструментом контроля и мобилизации населения, обеспечивая выполнение директив даже в условиях хаоса первых лет войны [Мулукаев, Малыгин 2023]. Такой подход контрастировал с более децентрализованными системами союзников, где решения принимались медленнее из-за необходимости согласования между ведомствами и частными компаниями.

Полученный опыт имел глобальное значение, укрепив позиции антигитлеровской коалиции и определив исход войны на Восточном фронте, который стал решающим для разгрома нацистской Германии. Для современной России ГКО предлагает модель управления в условиях новых вызовов и угроз, где оперативность и координация остаются критически важными факторами успеха. Таким примером в современной России стал Национальный антитеррористический комитет. Кроме того, опыт ГКО подчеркивает важность идеологической сплоченности, которая в XXI веке может быть достигнута через цифровые коммуникации и национальные проекты, направленные на консолидацию общества перед лицом внешних вызовов.

Современные механизмы управления в чрезвычайных условиях: примеры из Европы

Современные кризисы потребовали от европейских государств мобилизационных подходов, адаптированных к демократическим системам и рыночным условиям. Во Франции режим чрезвычайного положения во время пандемии COVID-19, введенный в марте 2020 года, позволил правительству оперативно вводить локдауны и реквизировать медицинские ресурсы, но ошибки в управлении снизили эффективность мер. Нехватка масок и средств защиты в начале пандемии была обусловлена недостаточной подготовкой складов и отсутствием стратегических запасов, что вызвало общественное недовольство². Централизованные ограничения, примененные без учета региональных различий, привели к экономическому спаду в менее пострадавших районах, таких как Бретань, где уровень заболеваемости был ниже среднего. Национальный кризисный штаб при президенте Э. Макроне ускорил кампанию вакцинации в 2021 году, но слабая коммуникация с обществом и недостаточная прозрачность решений подорвали доверие к властям³.

В Германии федеративная система борьбы с пандемией привела к значительной несогласованности действий между землями. Например, Бавария ввела строгие ограничения уже в марте 2020 года, тогда как Саксония откладывала меры, что вызвало неравномерную нагрузку на систему здравоохранения и увеличило смертность на ранних стадиях⁴. Институт Роберта Коха обеспечивал аналитическую поддержку, предоставляя ежедневные данные о заболеваемости, но отсутствие единого национального плана затруднило контроль над распространением вируса.

¹ 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63527> (дата обращения: 23.03.2025).

² COVID-19 Response in France: Lessons Learned // World Health Organization [Электронный ресурс]. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/368049/WHO-EURO-2023-7419-47185-69126-eng.pdf?sequence=1> (дата обращения: 01.04.2025).

³ Latest assessment on COVID-19 from the European Centre for Disease Prevention and Control (ECDC) // PubMed Central [Электронный ресурс]. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC7055041/> (дата обращения: 01.04.2025).

⁴ Germany Coronavirus Disease 2019 (COVID-19) Daily Situation Report RKI 2020–2022 // Robert Koch Institute. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rki.de/DE/Themen/Infektionskrankheiten/Infektionskrankheiten-A-Z/COVID-19-Pandemie/Situationsberichte/Okt_2022/2022-10-11-en.pdf?__blob=publicationFile&v=1 (дата обращения: 01.04.2025).

Производство тестов и медицинского оборудования стало успехом благодаря сильной промышленной базе, однако координационные ошибки снизили общую эффективность управления кризисом [Белов 2021].

Польша в 2022 году столкнулась с миграционным кризисом из-за конфликта на Украине, приняв около 3 миллионов человек за несколько месяцев. Координационный центр при правительстве обеспечил оперативный прием беженцев, однако перегрузка приграничных зон, таких как Подкарпатское воеводство, и недостаток долгосрочного планирования равномерного распределения беженцев по стране вызвали социальную напряженность и перебои в снабжении⁵. Эффективность мер была достаточно высокой на начальном этапе благодаря мобилизации волонтеров и общественных организаций, но существенно снизилась в силу ограниченности финансовых ресурсов и отсутствия единой стратегии.

Эти примеры подчеркивают уязвимости демократических систем в условиях кризиса в силу таких факторов, как бюрократия, слабая координация и недостаточная подготовка, что разительно контрастирует с более жесткой советской моделью.

Заключение

Советский опыт Великой Отечественной войны демонстрирует выдающуюся эффективность мобилизационного управления и чрезвычайных органов в условиях экзистенциальных внешних угроз. Использование человеческих, промышленных и идеологических ресурсов, подкрепленное инструментами централизации и механизмами оперативного контроля, позволило СССР не только выстоять перед лицом агрессии, но и внести решающий вклад в победу во Второй мировой войне. Анализ показывает, что успех советской модели базировался на способности мобилизовать все доступные силы в краткосрочной перспективе, однако его ограничения проявились в истощении ресурсов и необходимости перехода к адаптивным стратегиям на более поздних этапах. Роль ГКО как уникального органа управления подчеркивает значение концентрации власти в кризисных условиях, что обеспечило оперативность и единство действий, недостижимые в менее централизованных системах. Этот исторический опыт остается актуальным для современной России, сталкивающейся с такими вызовами, как экономические санкции, региональные конфликты и технологические угрозы, где требуется сочетание жестких мер с гибкостью управления.

Сравнение с современными европейскими практиками выявляет как сильные, так и слабые стороны демократических подходов к управлению кризисами. Во Франции, Германии и Польше мобилизационные усилия сопровождались значительными ошибками, связанными с недостаточной подготовкой, бюрократической инерцией и слабой координацией между уровнями власти. Эти кейсы демонстрируют, что демократические системы, несмотря на их способность привлекать общественные ресурсы и поддерживать легитимность, уступают в скорости реакции и концентрации усилий по сравнению с советской моделью. Однако они обладают преимуществом в долгосрочной устойчивости благодаря большей вовлеченности общества и гибкости в адаптации к изменяющимся условиям. Для России этот контраст подчеркивает необходимость разработки гибридного (смешанного) подхода, который бы сочетал оперативность чрезвычайных органов с элементами прозрачности и региональной адаптации, характерными для европейских систем.

Аналитические выводы по ключевым вопросам исследования позволяют сделать следующие заключения. Ресурсы и механизмы СССР обеспечили выживание государства благодаря их тотальной мобилизации, что подтверждает применимость термина «мобилизационное управление» к военной и экономической сферам, но требует уточнения в отношении долгосрочных процессов восстановления.

⁵ Ukraine Refugee Situation/Poland // UNHCR [Электронный ресурс]. URL: <https://data.unhcr.org/en/situations/ukraine/location/10781> (дата обращения: 01.04.2025).

Чрезвычайные органы, особенно ГКО, сыграли решающую роль в обеспечении единства и оперативности, что делает их уникальным примером для изучения в контексте международной безопасности. Современные европейские механизмы, несмотря на ошибки, предлагают уроки в области координации и общественной поддержки, которые при необходимости могут быть интегрированы в российскую практику.

В условиях глобализации и новых типов угроз, Россия может использовать исторический опыт для создания адаптивных стратегий, сочетая централизованное управление с современными технологиями. Таким образом, исследование не только обогащает теоретическую базу международных отношений, но и предоставляет практические ориентиры для укрепления национальной безопасности в условиях нестабильного мира.

Список литературы:

Айрапетов О.Р. История внешней политики Советского государства в 1918–1941 годы: в 2 томах. Том 2. М.: Кучково поле Музеон, 2023.

Безбородов А.Б. Оборонно-промышленный комплекс России: история и современное развитие. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2024.

Белов В.Б. Коронакризис versus социальное рыночное хозяйство и экономическое пространство Германии // Современная Европа. 2021. № 4(104). С. 58–70. DOI: [10.15211/soveurope420215870](https://doi.org/10.15211/soveurope420215870)

Викторова Л.К. Эвакуация населения и промышленности в годы Великой Отечественной войны // Труды студенческого научного общества: сборник научных статей. Санкт-Петербург: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2024. С. 138–143.

Исаев А.В. От Дубно до Ростова. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004.

Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М.: Вече, 2000.

Микрюков Н.Ю., Мирязов Т.Р., Безвербный В.А., Фомин М.В. Промышленность и социальная инфраструктура в годы Великой Отечественной войны // Великая Победа советского народа: социально-политические и демографические аспекты. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Экон-Информ», 2020. С. 337–349.

Мулукаев Р.С., Малыгин А.Я. Государственный Комитет Оборона и органы внутренних дел в годы Великой Отечественной войны. М.: Академия управления МВД России, 2023.

Никонов В.А. От Второй мировой к холодной войне. Немыслимое. М.: АСТ, 2024.

Стожко К.П. Советская Россия: опыт новейшей истории. Екатеринбург: ИД Стягъ, 2023.

Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя. М.: Corpus (АСТ), 2017.

Davies R.W. Soviet Economic Development from Lenin to Khrushchev. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

The Economics of World War II: Six Great Powers in International Comparison / ed. by M. Harrison. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

References:

Ayrapetov O.R. (2023) *Istoriya vneshney politiki Sovetskogo gosudarstva v 1918–1941 gody: v 2 tomakh. Tom 2* [The history of the Soviet State foreign policy in 1918–1941: in 2 vol. Vol. 2]. Moscow: Kuchkovo pole Muzeon.

Belov V.B. (2021) The Coronavirus Crisis versus Social and Market Economy of Germany. *Sovremennaya Evropa*. No. 4(104). P. 58–70. DOI: [10.15211/soveurope420215870](https://doi.org/10.15211/soveurope420215870)

- Bezborodov A.B. (2024) *Oboronno-promyshlennyy kompleks Rossii: istoriya i sovremennoye razvitiye* [The Russian military-industrial complex: History and modern development]. Moscow: Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet.
- Davies R.W. (1998) *Soviet Economic Development from Lenin to Khrushchev*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Harrison M. (ed.) (1998) *The Economics of World War II: Six Great Powers in International Comparison*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hlevnyuk O.V. (2004) *Stalin. Zhizn' odnogo vozhdya* [Stalin: The life of a leader]. Moscow: Corpus (AST).
- Meltyukhov M.I. (2000) *Upushchennyy shans Stalina. Sovetskiy Soyuz i bor'ba za Evropu: 1939–1941* [Stalin's missed chance. The Soviet Union and the struggle for Europe: 1939–1941]. Moscow: Veche.
- Mikryukov N.Yu., Miryazov T.R., Bezverbnyy V.A., Fomin M.V. (2020) Promyshlennost' i sotsial'naya infrastruktura v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Industry and social infrastructure during the Great Patriotic War]. In: *Velikaya Pobeda sovetskogo naroda: sotsial'no-politicheskiye i demograficheskiye aspekty*. Moscow: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu "Izdatel'stvo "Ekon-Inform".
- Mulukaev R.S., Malygin A.Ya. (2024) *Gosudarstvennyy Komitet Oborony i organy vnutrennikh del v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The State Defense Committee and the internal affairs bodies during the Great Patriotic War]. Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii.
- Nikonov V.A. (2023) *Ot Vtoroy mirovoy k kholodnoy voyne. Nemyslimoye* [From World War II to the Cold War. The Unthinkable]. Moscow: AST.
- Stozhko K.P. (2023) *Sovetskaya Rossiya: opyt noveyshey istorii* [Soviet Russia: The experience of modern history]. Ekaterinburg: ID Styag.
- Viktorova L.K. (2024) Evacuation of Population and Industry during the Great Patriotic War. *Trudy studencheskogo nauchnogo obshchestva: sbornik nauchnykh statey*. Saint Petersburg: Vserossiyskiy gosudarstvennyy universitet yustitsii (RPA Minyusta Rossii). P. 138–143.

Историческая политика на постсоветском пространстве (на примере памяти о Великой Отечественной войне) в контексте современных геополитических трансформаций

Левченков Александр Станиславович

Кандидат исторических наук, доцент, SPIN-код РИНЦ: [1509-8709](#), ORCID: [0000-0002-0058-9391](#), bohem2001@mail.ru

Институт евразийских и восточных исследований, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, РФ.

Аннотация

Современный исторический ревизионизм на постсоветском пространстве стал прямым следствием геополитических изменений и сопровождавшего их исторического ревизионизма и реваншизма, характерного для недружественных государств коллективного Запада. По мере изменений экономического и военно-политического баланса в мире, выхода на лидирующие позиции новой группы динамично развивающихся государств неизбежной стала трансформация западнцентричного мирового порядка, установленного после окончания холодной войны. На фоне роста геополитической конкуренции между Россией с одной стороны и США и их союзниками в НАТО и Европейском союзе с другой последние активно предпринимали попытки расколоть историческую память народов бывшего Советского Союза, цементирующим элементом которой выступала общая Победа в Великой Отечественной войне. Данная тенденция становилась все более очевидной по мере расширения НАТО и ЕС на восток. Анализ причин и характера, а также инструментария влияния Запада на историческую политику на постсоветском пространстве доказывает прямую связь войн памяти с международной обстановкой и геополитическими целями внешних игроков. Все западные образовательные и научные проекты, связанные с историко-культурной и другой гуманитарной проблематикой, так или иначе базируются на нарративах декоммунизации и так называемой деколонизации постсоветского пространства, демонизируя в конечном счете образы СССР и современной России и историческую роль российской цивилизации, включая период Второй мировой войны. Переписывание истории посредством продвижения исторических фальсификаций играет на руку агрессивным реваншистским кругам недружественных государств Запада, стремящимся сохранить свое доминирование и разорвать культурно-цивилизационное единство пространства российской цивилизации и ее ближайших соседей.

Ключевые слова

Великая Отечественная война, Вторая мировая война, войны памяти, исторический ревизионизм, историческая политика, постсоветское пространство.

Для цитирования

Левченков А.С. Историческая политика на постсоветском пространстве (на примере памяти о Великой Отечественной войне) в контексте современных геополитических трансформаций // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 113(S). С. 54–65. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-113(S)-2025-54-65

Historical Policy in the Post-Soviet Space (on the Example of the Memory of the Great Patriotic War) in the Context of Modern Geopolitical Transformations

Alexander S. Levchenkov

PhD, Associate Professor, ORCID: [0000-0002-0058-9391](#), bohem2001@mail.ru

Institute of Eurasian and Oriental Studies, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation.

Abstract

Modern historical revisionism in the post-Soviet space has become a direct consequence of the geopolitical changes and the accompanying historical revisionism and revanchism which are typical to the unfriendly states of the collective West. As the economic and military-political balance in the world changed, and a new group of dynamically developing countries took the leading positions, the transformation of the Western-centric world order established after the end of the Cold War became inevitable. Against the background of growing geopolitical competition between Russia on the one hand and the United States and its allies in NATO and the European Union on the other the latter actively supported attempts to split the historical memory of the peoples of the former Soviet Union, the cementing element of which was the common Victory in the Great Patriotic War. This trend became more and more evident as NATO and the EU expanded eastward. An analysis of the causes and nature, as well as the tools of Western influence on historical politics in the post-Soviet space, proves a direct link between the memory wars and the international situation and the geopolitical goals of external players. All Western educational and scientific projects related to historical, cultural and other humanitarian issues are based in one way or another on the narratives of decommunization and the so-called decolonization of the post-Soviet space, ultimately demonizing the images of the USSR and modern Russia and the historical role of Russian civilization, including the period of the World War II. The rewriting of history through the promotion of historical falsifications plays into the hands of aggressive revanchist circles of unfriendly Western states seeking to maintain their dominance and sever the cultural and civilizational unity of the space of Russian civilization and its closest neighbours.

Keywords

Great Patriotic War, World War II, memory wars, historical revisionism, historical policy, post-Soviet space.

For citation

Levchenkov A.S. (2025) Historical Policy in the Post-Soviet Space (on the Example of the Memory of the Great Patriotic War) in the Context of Modern Geopolitical Transformations. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 113(S). P. 54–65. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-113(S)-2025-54-65

Дата поступления/Received: 10.10.2025

Введение

Проблема исторической политики и так называемых войн памяти, несмотря на то, что данные термины появились сравнительно недавно, была актуальной для России на всем протяжении существования российской цивилизации. Геополитические противники в разные периоды стремились в своих интересах умалить историческую роль и значение для общемирового развития Московской Руси и Российской империи, Советского Союза и современной России.

Однако наиболее острые формы войны памяти приобрели в результате распада СССР. Формирование новых независимых государств на постсоветском пространстве во многих случаях сопровождалось попытками сконструировать новые концепции истории национальной государственности, базирующиеся на этноцентристских моделях.

Одновременно пространство ближнего зарубежья оказалось открыто для влияния различных геополитических игроков, в частности недружественных государств Запада, которые использовали сложившуюся ситуацию, потворствуя разрушению историко-культурного единства народов постсоветского пространства, тесно связанных общим прошлым, в котором особенно значимое место занимает память о Победе в Великой Отечественной войне.

В год 80-летия Великой Победы Россия и ее соседи столкнулись с беспрецедентной кампанией по очернению роли и образа Советского Союза, внесшего решающий вклад в общую победу над нацизмом. К сожалению, в официальной идеологии части стран постсоветского пространства утвердились концепции, ставшие результатом исторического ревизионизма и реваншизма. Многие основополагающие концепты, направленные на фальсификацию общего исторического прошлого народов ближнего зарубежья, были сформулированы и продвигаются геополитическими противниками России из числа стран коллективного Запада. Для распространения данных концептов используется разнообразный инструментарий.

Актуальная задача России в этих условиях — выработать и реализовать эффективную программу контрмер для отстаивания исторической правды. Для этого необходим анализ механизмов управления процессами исторического ревизионизма и реваншизма, применяемых нашими геополитическими противниками на постсоветском пространстве, чему, в частности, посвящена данная статья.

Оформление концептуальных основ исторического ревизионизма на Западе

Концептуальные основы для распространения исторического ревизионизма применительно к событиям Второй мировой войны в целом и Великой Отечественной войны в частности сложились на Западе еще в период холодной войны. Они заключались прежде всего в умалении роли СССР в общей победе. Не только западная сфера массовой культуры, но и западная, особенно англоязычная, историография оказалась в плену идеологических штампов холодной войны, направленных на формирование негативного образа и исторической роли СССР. Уже вскоре после окончания Второй мировой войны характерным для англо-американской литературы стало умаление роли Советского Союза в общей победе [Глухарев 2015, 60]. Большую роль сыграл также подбор источников о войне на фронтах Великой Отечественной войны, основу которых для англоязычной историографии во второй половине 1940–1980-х годах составляли документы и мемуарная литература немецкого происхождения, в результате чего «немецкие трактовки войны на Восточном фронте являлись доминирующими» [Glantz 1986, 2]. Даже специалисты, которые предметно изучали операции Великой Отечественной войны, продвигали тезис о второстепенном значении войны на Востоке, пытаясь обосновывать это, например, тем, что война преимущественно имела сухопутный характер, хотя и признавали, что в абсолютных цифрах именно Восточный фронт являлся наиболее крупным [Ziemke 1968].

Совпадение двух составляющих — политического стремления геополитических противников СССР очертить историческую роль Советского Союза и влияния побежденных, то есть бывших нацистов, генералитета и офицеров вермахта, сотрудничающих с бывшими западными союзниками СССР, — создало условия для распространения на Западе нарративов о «героической» борьбе с большевиками «честных» немецких солдат, тотальном непрофессионализме советского военного руководства, заваливании трупами со стороны Красной армии, образах советских военнослужащих как варваров-оборванцев в тельняшках и т. д., успешно эксплуатируемых в американском кинематографе, посвященном событиям Второй мировой войны.

Окончание холодной войны и открытие широкого массива советских документов для западных ученых в большинстве случаев не привели к переоценке устоявшихся подходов [Глухарев 2015, 62]. Хотя отдельные западные исследователи, погруженные в изучение военных действий на фронтах Великой Отечественной войны, указывали на их масштабность и решающее значение для исхода Второй мировой войны в целом [Davies 2006], это не меняло традиционного западноцентричного подхода к освещению конфликта, а по мере обострения противоречий между Россией и евроатлантическим блоком в массовой культуре на Западе возобладали негативные оценки роли СССР.

Второй, еще более опасной составляющей западного исторического ревизионизма стало утверждение нарратива о двух тоталитаризмах. Еще в годы холодной войны начался процесс трансформации доминирующего в странах Западной и Центральной Европы (не входящих в социалистический лагерь) исторического нарратива о Второй мировой войне, в центре которого стоял Холокост, и его замены концепцией двух тоталитаризмов [Миллер 2019, 88]. Данная концепция окончательно оформилась в 1980–1990-х годах, став основой современной западной пропаганды, пытающейся возложить равную вину за начало Второй мировой войны на Германию и СССР.

Окончание холодной войны и распад СССР, воспринятые на Западе как поражение Советского Союза, открыли возможности для продвижения на базе концепции двух тоталитаризмов идеи о необходимости принятия Россией вины и ответственности за якобы совершенные ошибки и преступления по образцу Германии. Эта идея стала активно распространяться в постсоветский период. Успех реализации данного плана, фактически сводящегося к отрицанию роли СССР в войне как безусловно героической и справедливой, должен был закрепить подчиненное положение Москвы в отношениях с коллективным Западом и лишить российское общество, а также общества других постсоветских стран одной из ключевых основ историко-культурного единства. В исследованиях западных специалистов, пытающихся анализировать процессы исторической памяти в Советском Союзе и постсоветской России, доминировал взгляд на формирование в СССР искусственного образа войны и победы прежде всего как на средство легитимизации власти коммунистической партии и лояльности советского населения [Wolfe et al. 2006, 260].

Несколько десятилетий целенаправленной работы европейских и американских сторонников реваншизма и исторического ревизионизма, особенно активизировавшейся в последние годы на фоне обострения украинского кризиса и Специальной военной операции, привели к тому, что общественное сознание многих европейцев навесило «ярлык агрессора на жертву» [Демуринов 2025].

Исторический ревизионизм как инструмент продвижения евроатлантизма

В постсоветский период на пространстве ближнего зарубежья, как, впрочем, и в России, перечисленные западные нарративы стали активно распространяться. Они шли рука об руку с продвижением западноцентричной модели реформирования сферы образования и науки с их стандартами, направленными на «деколонизацию и декоммунизацию» постсоветского пространства.

В целом в условиях восприятия Западом России как проигравшей стороны в холодной войне и по мере роста геополитических противоречий декоммунизационный и деколонизационный дискурсы наряду с концепцией двух тоталитаризмов стали использоваться как идеологическое орудие в борьбе с политическим и культурно-историческим влиянием России.

Продвижение исторического ревизионизма стало причиной развязывания на постсоветском пространстве войн исторической памяти, активными участниками которых наряду с ведущими игроками — США и государствами старой Европы — стали страны Восточной Европы — бывшие члены социалистического лагеря, интегрирующиеся в Евросоюз и НАТО. В середине 1990-х годов можно было наблюдать продвижение нарративов, связанных с ожиданиями новых политических элит в бывших странах соцлагеря не только ослабления связей России с государствами постсоветского зарубежья, но и дезинтеграции самой Российской Федерации [Průčková 1997, 95]. Тесная взаимосвязь между внешнеполитическими планами ряда стран Евросоюза и проводимой ими исторической политики особенно четко прослеживается на примере Польши — активного игрока на западном фланге постсоветского пространства. Польские политические элиты воспринимают современный западный исторический ревизионизм (то есть утверждение равной вины гитлеровского режима и СССР за развязывание Второй мировой войны) как стратегически выгодный для Варшавы, заинтересованной в очернении своего геополитического противника [Неменский 2024, 183].

Важно подчеркнуть, что в странах ближнего зарубежья на протяжении всего постсоветского периода мы наблюдаем тесную связь между продвижением НАТО и ЕС на восток и исторической политикой, включая память о Великой Отечественной войне. Именно в государствах, где к власти пришли евроатлантисты — в прибалтийских странах и на Украине, исторический ревизионизм принял наиболее жесткие антисоветские и антироссийские формы [Левченков 2021].

Политика памяти в целом и исторический ревизионизм в отношении Великой Отечественной войны стали инструментом легитимизации тех постсоветских политических систем и режимов, которые формировали новую государственность на основе этноцентризма [Козлов 2014]. В странах Балтии утвердился нарратив о советской оккупации, что поддерживалось многочисленными документами Европарламента, Еврокомиссии и Совета Евросоюза [Бойков 2021]. Наряду с решением задачи по очернению общего прошлого с Россией переписывание истории в этих странах служит также инструментом обоснования историко-культурной общности с европейской (западной) цивилизацией [Белов 2022].

В отдельных случаях (прибалтийские государства, Украина с 2014 года) наблюдалась тотальная ценностная инверсия, в рамках которой героями становились те, кто до этого безусловно являлся олицетворением абсолютного зла [Ларионов 2021, 176]. В Прибалтике утвердился официальный взгляд на коллаборационизм как результат исключительно репрессивной политики Советского Союза, в то время как влияние идей местного радикального национализма, имеющих общие черты с германским нацизмом и итальянским фашизмом, отрицаются [Симиндей 2014, 295]. При этом навязывание новых исторических нарративов в реальности привело не к консолидации общества, а к росту конфликтности, расколу по линии исторической памяти, часто дополняющему этноязыковой раскол [Зверев 2024, 169].

Для недружественных государств постсоветского пространства стал характерным процесс так называемой «секьюритизации» России, когда власти целенаправленно конструировали «российскую угрозу», обосновывая ее существованием шагов по борьбе с российским влиянием [Сихарулидзе 2022, 65-66]. Характерным элементом тотальной борьбы против всего, что интерпретировалось как проявление культурно-исторического влияния Москвы, стала политика запрета символики Великой Победы, получившей распространение в России [Бобровский 2021].

В то же время в Беларуси, поддерживающей тесные союзнические отношения с Россией и вместе с ней противостоящей агрессивному евроатлантизму, мы наблюдаем последовательную государственную политику, направленную на сохранение памяти о войне, ее оборонительном характере и решающей роли СССР в победе и освобождении поработанных гитлеровцами стран Восточной Европы. Это дополняется формированием культурно-исторического нарратива, в целом препятствующего возникновению конфликтности в национальной и языковой политике [Иоффе 2020].

В странах Южного Кавказа и Центральной Азии наблюдаются противоречивые тенденции. С одной стороны, там имеет место активное продвижение распространяемых и поддерживаемых Западом нарративов деколонизации и освобождения от советского тоталитарного прошлого, имеющих антироссийский характер и подрывающих основы общей исторической памяти.

С другой стороны, значительная часть общества и политических элит этих стран сохраняет память о жертвах, подвигах и самоотверженном труде своих предков в годы Великой Отечественной войны [Грозин 2025]. Отражением этого является, в частности, регулярное участие лидеров большинства государств — участников СНГ в празднованиях Дня Победы в Москве, поддержка резолюций по борьбе с героизацией нацизма, ежегодно принимаемых Генеральной ассамблеей ООН по инициативе России. Соавторами данных резолюций традиционно выступает большая группа государств, включая страны СНГ (соавторами резолюции, принятой 17 декабря 2024 года в Нью-Йорке в ходе 79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, были в числе других Армения, Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан)¹.

Результаты голосования по резолюциям о борьбе с героизацией нацизма являются наглядным подтверждением теснейшей связи между геополитической ориентацией и исторической политикой стран ближнего зарубежья. Так, против резолюции 2024 года из числа постсоветских государств проголосовали Грузия, Латвия, Литва, Молдова, Эстония и Украина.

Западный инструментарий управления процессами продвижения исторического ревизионизма

Базовый инструментарий, применяемый Западом в продвижении политики исторического ревизионизма и фальсификаций, достаточно разнообразен. Идеологические нарративы, основанные на концепции двух тоталитаризмов и связанной с ней декоммунизации, а также деколонизации, подразумевают избавление как от ностальгии по общему советскому прошлому, так и от российского историко-культурного влияния в целом. Управление распространением западнцентричного подхода к Второй мировой войне и Великой Отечественной войне происходит с использованием различных механизмов как в политической, так и в гуманитарной плоскостях.

Роль политического локомотива исторического ревизионизма с 2000-х годов взял на себя Европейский союз. С 2004 года число государств — членов ЕС выросло с 15 до 27, вобрав в себя страны, в которых после распада социалистического лагеря стали пользоваться популярностью и поддерживаться со стороны Запада откровенно реваншистские взгляды на историю Второй мировой войны и роль в ней Советского Союза. Отечественные историки и политики справедливо отмечают, что «в ЕС практически не осталось ни одной страны, которая не была бы участницей нацистской оси, либо не союзничала с фашистской Германией, либо не была ею захвачена» перед нападением на СССР, и, соответственно, все они участвовали или помогали Гитлеру в войне².

¹ О принятии Генеральной Ассамблеей ООН резолюции о борьбе с героизацией нацизма // МИД РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1988097/ (дата обращения: 18.05.2025).

² Вячеслав Никонов. Нас судят те, кто был вместе с Гитлером // Деловая газета «Взгляд» [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/opinions/2020/1/28/1020681.html> (дата обращения: 18.05.2025).

За последние два десятилетия органы ЕС и отдельные группы европейских государств выпустили десятки резолюций и деклараций, прямо направленных на дискредитацию роли Советского Союза в войне, включая Резолюцию Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 1481³, Декларацию Европарламента о провозглашении 23 августа европейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма (2008 год)⁴, Резолюцию Европарламента о европейской совести и тоталитаризме (2009 год)⁵, Варшавскую декларацию представителей правительств стран ЕС (2011 год)⁶, Резолюцию Европарламента «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» (2019 год), согласно которой СССР и Германия «поделили Европу и территории независимых государств между двумя тоталитарными режимами, что проложило дорогу к началу Второй Мировой войны»⁷. 23 января 2025 года была принята Резолюция Европарламента «О российской дезинформации и фальсификации истории в целях оправдания агрессивной войны России против Украины», прямо направленная против Российской Федерации: согласно мнению европейских парламентариев, «Россия не только не признала непростительную первоначальную роль Советского Союза на ранних этапах Второй мировой войны... но нынешний российский режим также использовал историю как инструмент и создал культ “победы” во Второй мировой войне, чтобы идеологически мобилизовать граждан и манипулировать ими, заставляя поддерживать незаконную агрессивную войну»⁸. Важную роль в составлении текстов данных документов играют представители стран Восточной Европы и постсоветского пространства, включая Литву, Латвию и Эстонию.

В этих же государствах раньше всего стали создаваться специальные структуры, занимающиеся коррекцией исторической памяти. К ним относится сеть институтов национальной памяти (польский Институт национальной памяти, румынский Институт по расследованию коммунистических преступлений, чешский Институт по изучению тоталитарных режимов, словацкий Институт памяти нации). В прибалтийских государствах была создана сеть музеев так называемой оккупации (литовский Музей оккупации и борьбы за свободу, латвийский Музей оккупации, эстонский Музей оккупаций и свободы).

По мере расширения НАТО на восток, а также оформления новой политики соседства Европейского союза, завершением которой стала программа «Восточное партнерство», стартовавшая в 2009 году и вовлекшая в свою орбиту Азербайджан, Армению, Беларусь (приостановила участие в 2021 году), Грузию, Молдову и Украину, постсоветское пространство все больше охватывалось сетью различных структур, работающих в интересах продвижения реваншистских трактовок по образцам, обкатанным в странах Восточной Европы и в Прибалтике. На Украине при Викторе Ющенко в 2006 году был создан Украинский институт национальной памяти. Именно этот институт принимал непосредственное участие в подготовке и реализации пакета декоммунизационных законов, принятых в 2015 году, ставя одной из своих задач дискредитацию традиционного празднования Дня Победы 9 мая, которое, по мнению сотрудников института, привело к «доминированию исторических

³ Резолюция 1481 «О необходимости осуждения международным сообществом преступлений тоталитарных коммунистических режимов» // Совет Европы [Электронный ресурс]. URL: https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5BRussian_documents%5D/%5B2006%5D/%5BJan2006%5D/Res1481_rus.asp#P3_76 (дата обращения: 08.05.2025).

⁴ Declaration of the European Parliament on the proclamation of 23 August as European Day of Remembrance for Victims of Stalinism and Nazism // European Parliament [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2008-0439_EN.html?redirect (дата обращения: 18.05.2025).

⁵ European Parliament resolution of 2 April 2009 on European conscience and totalitarianism // European Parliament [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2009-0213_EN.html?redirect (дата обращения: 18.05.2025).

⁶ Варшавская Декларация ЕС по случаю Европейского дня памяти жертв тоталитарных режимов // Регнум [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1439061.html> (дата обращения: 18.05.2025).

⁷ European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe // European Parliament [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 18.05.2025).

⁸ European Parliament resolution on “Russia’s disinformation and historical falsification to justify its war of aggression against Ukraine” // European Parliament [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-10-2025-0006_EN.html (дата обращения: 18.05.2025).

мифов, перманентному противостоянию в обществе и усилению влияния Российской Федерации на общественную и политическую жизнь в Украине»⁹. В Кишиневе был открыт Музей национальной памяти, созданный при поддержке Ассоциации жертв коммунистического оккупационного режима и ветеранов румынской армии¹⁰.

На проблему продвижения исторического ревизионизма и реваншизма на постсоветском пространстве необходимо смотреть широко и комплексно, не ограничиваясь исключительно особенностями ситуации, развивающейся только в области исторической политики. Важнейшую роль играют процессы, связанные с позициями русского языка и русскоязычного образования в странах ближнего зарубежья.

Ситуация в странах, интегрированных в европейские или евроатлантические структуры или находящихся под их контролем (Латвия, Литва, Эстония, Украина), крайне тяжелая по причине проводимой в этих государствах политики вытеснения русского языка из всех сфер жизнедеятельности, что закреплено местными законами.

В других странах, включая государства — члены СНГ, положение русского языка и русскоязычного образования, за исключением Беларуси, также вызывает озабоченность у специалистов. Авторы исследования образования с русскоязычным компонентом, проведенного под эгидой МАПРЯЛ в 2024 году, констатировали, что в особенно рискованном положении по политическим причинам в последнее время русскоязычное образование находилось в Молдове (из-за позиции евроатлантической команды Майи Санду), в то время как в Армении и странах Центральной Азии оно сталкивается с наиболее жесткой конкуренцией со стороны англоязычного, турецкого и китайского образовательных сегментов [Образование с русскоязычным компонентом за рубежом 2024, 26]. Националистически настроенные политические силы периодически предпринимают попытки лишить русский язык имеющегося официального статуса, например, в Кыргызстане¹¹. На позициях русскоязычного сегмента образования в Азербайджане негативным образом может сказаться приостановка по требованию азербайджанской стороны деятельности Русского дома в Баку в начале 2025 года¹².

Ограничение возможностей получения образования на русском языке и его изучения неизбежно будет сужать для граждан стран ближнего зарубежья и возможности получения достоверной информации об историческом прошлом, что позволит оппонентам России вне конкуренции транслировать свои нарративы через англоязычный и другие иноязычные сегменты.

Запад вкладывал и продолжает вкладывать серьезные финансовые средства в развитие различных программ, направленных на трансформацию обществ в странах ближнего зарубежья и сокращение российского языкового и историко-культурного влияния. Большой активностью на протяжении практически всего постсоветского периода отличались запрещенные в России соросовские структуры (фонд «Открытое общество»¹³ и аффилированные с ним структуры). К примеру, по линии Сороса, только согласно данным из открытых источников, в Армении было потрачено порядка \$60 млн с 1997 по 2021 годы¹⁴, в Казахстане — более \$100 млн с 1995 по 2023

⁹ 2 Українська Друга світова війна. Методичні матеріали // Правительство Украины [Электронный ресурс]. URL: <https://ww2.uinp.gov.ua/metodychni-materialy/> (дата обращения: 18.05.2025).

¹⁰ Ассоциация жертв коммунистического оккупационного режима и ветеранов румынской армии требует ликвидации последствий пакта Молотова-Риббентропа // Press Обзорение [Электронный ресурс]. URL: <https://press.try.md/item.php?id=1696> (дата обращения: 18.05.2025).

¹¹ В Киргизии предложили лишить русский язык статуса официального // Interfax.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/world/738769> (дата обращения: 28.03.2025); «Русского становится меньше»: Киргизия готовит реформу языка // Газета.ru [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/11/25_a_14245255.shtml (дата обращения: 18.05.2025).

¹² Русский дом в Баку приостанавливает свою деятельность // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/23108771> (дата обращения: 18.05.2025).

¹³ Признан нежелательной организацией в РФ.

¹⁴ Айк Бабухьян: По линии фонда Сороса в Армении с 1997г. было роздано грантов на сумму в \$60 млн. // NEWS.am [Электронный ресурс]. URL: <https://news.am/rus/news/634576.html> (дата обращения: 18.05.2025)

годы¹⁵, в Кыргызстане — около \$115 млн с 1993 по 2024 годы¹⁶, в Молдове — около \$130 млн только за период с 1992 по 2020 годы (до прихода к власти Майи Санду, в последние годы суммы продолжали расти)¹⁷, Узбекистане — \$22 млн с 1996 по 2004 годы¹⁸. Формальное закрытие филиалов или представительств фонда в различных странах в последние годы не означало отказа Сороса от работы, она принимала иные формы с упором на дистанционное взаимодействие, о чем неоднократно заявляли сами представители соросовских структур¹⁹.

Внушительные суммы шли на переформатирование научно-образовательных систем и организацию работы (в том числе антиправительственного характера) общественных объединений в странах СНГ по линии Агентства США по международному развитию (USAID), признанного нежелательной организацией в России в 2012 году. Финансирование USAID на постсоветском направлении в целом резко увеличивалось в периоды обострения российско-американских отношений. Так, на «поддержку демократии» (включая гранты на образовательные и просветительские цели) в странах СНГ по линии USAID за 2021 было выделено \$243 млн, а только за половину 2022 года финансирование составило порядка \$248 млн²⁰. Крупнейшими получателями грантов стали Армения, Грузия и Молдова.

С приходом к власти в США президента Дональда Трампа наблюдалось ужесточение аудита расходов на зарубежные программы по так называемому продвижению демократии, в результате чего была приостановлена деятельность USAID, с соросовскими структурами у новой американской администрации также изначально сложились сложные отношения. Однако, вероятнее всего, речь идет не об отказе Вашингтона от механизмов мягкосилового влияния, а скорее о переформатировании финансовых потоков в пользу ставленников новой президентской команды.

Крупным центром мягкосилового влияния Запада в Центральной Азии в настоящее время является Американский университет в Центральной Азии (АУЦА), основанный в 1993 году и расположенный в Бишкеке. Его официально декларируемая миссия — демократизация посредством избавления региона от «привычных авторитарных форм управления»²¹. АУЦА оперативно реагирует на изменения геополитической обстановки, следуя инструкциям из Вашингтона при выборе тематики и подходов в образовательной деятельности²². В числе основных доноров АУЦА по настоящее время значится Институт «Открытое Общество»²³.

Большой активностью, прежде всего в Центральной Азии, отличается Фонд Ага Хана, который работает под эгидой сети организаций Aga Khan Development Network (AKDN) — интернациональной религиозной структуры с главным офисом в Лиссабоне (Португалия), руководимой имамами шиитов-исмаилитов. Значительная часть финансирования AKDN — гранты западных фондов и организаций. Наиболее значимый образовательный проект AKDN — [Университет Центральной Азии](#) (УЦА), основанный в 2000 году совместно с правительствами Таджикистана, Кыргызстана и Казахстана и

¹⁵ Фонд Сороса в Казахстане перестал существовать // Forbes [Электронный ресурс]. URL: https://forbes.kz/articles/fond_sorosa_v_kazahstane_preobrazovali_v_issledovatel'skiy_tsentr (дата обращения: 18.05.2025).

¹⁶ Фонд Сороса в Киргизии прекратил работу из-за закона о некоммерческих организациях // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20556737> (дата обращения: 18.05.2025).

¹⁷ Каковы точные цифры финансирования НПО Молдовы Западом // NOI.md [Электронный ресурс]. URL: <https://noi.md/ru/obshhestvo/kakovy-tochnye-cifry-finansirovaniya-npo-moldovy-zapadom> (дата обращения: 18.05.2025).

¹⁸ Джордж Сорос в Центральной Азии // СА&С Press AB [Электронный ресурс]. URL: https://ca-c.org.ru/journal/2004/journal_rus/cac-04/03.abdrus.shtml (дата обращения: 18.05.2025).

¹⁹ Фонд Сороса в Казахстане перестал существовать // Forbes.ru [Электронный ресурс]. URL: https://forbes.kz/articles/fond_sorosa_v_kazahstane_preobrazovali_v_issledovatel'skiy_tsentr (дата обращения: 18.05.2025).

²⁰ Атттракцион невиданной щедрости в странах: сколько и на что USAID тратит в СНГ // SPUTNIK Армения [Электронный ресурс]. URL: <https://am.sputniknews.ru/20221129/usaid-ustroilo-attraksion-nevidannoy-schedrosti-v-stranakh-sng-51953774.html> (дата обращения: 18.05.2025).

²¹ Миссия, ценности, идеи // Американский университет в Центральной Азии // АУЦА [Электронный ресурс]. URL: <https://www.auca.kg/ru/mission/> (дата обращения: 18.05.2025).

²² Внеучебная деятельность и мероприятия // АУЦА [Электронный ресурс]. URL: https://www.auca.kg/ru/icp_extracurricular_activities/ (дата обращения: 18.05.2025).

²³ Стипендиальные программы // АУЦА [Электронный ресурс]. URL: https://www.auca.kg/ru/donor_scholarships/ (дата обращения: 18.05.2025).

имеющий филиалы в этих странах. В УЦА и партнерских организациях прошли обучение, включая программы дополнительного образования, более 230 тысяч человек.

На Южном Кавказе наиболее значимые центры мягкосилового влияния США и ЕС представлены в Армении. Это Американский [университет](#) Армении, Французский [университет](#) Армении, Европейский [университет](#) Армении (ЕУА). В этих вузах обучаются в том числе дети представителей армянской политической и бизнес-элиты, выпадающие из россиецентричного цивилизационного пространства.

Евросоюз в странах СНГ активно развивает целый ряд других образовательных проектов, финансируемых в рамках программ [Erasmus+](#), [Horizon Europe](#) и ряда других, которыми в совокупности охвачены десятки тысяч граждан стран СНГ, преимущественно молодежь.

Определенную роль в продвижении исторического ревизионизма играет такая профильная европейская структура, как [ЕвроКлио](#) (EuroClio) — Европейская ассоциация преподавателей истории, созданная в 1992 году по инициативе Совета Европы для налаживания связей между педагогами - историками в государствах — членах ЕС, а также прилегающих регионах. ЕвроКлио работает по принципу зонтичной организации, объединяя в настоящее время более 80 ассоциаций — полноправных и ассоциированных членов, представляющих около полусотни государств, включая страны СНГ. Анализ деятельности ЕвроКлио убедительно демонстрирует ее фокус на продвижение в странах ближнего зарубежья европоцентричных трактовок истории и современных международных процессов, включая доминирование концепции двух тоталитаризмов, толерантное отношение к войне с памятниками в Восточной Европе и на постсоветском пространстве, активное участие в переработке образовательных стандартов в области преподавания истории в пользу так называемой деколонизации [Курбатова 2024].

Все западные образовательные и научные проекты, связанные с историко-культурной и другой гуманитарной проблематикой, так или иначе базируются на нарративах декоммунизации и деколонизации постсоветского пространства, демонизируя в конечном счете образы СССР и современной России и историческую роль российской цивилизации, включая период Второй мировой войны.

Заключение

Современная политика недружественных стран коллективного Запада и его сателлитов на постсоветском пространстве по фальсификации истории Второй мировой войны в целом и Великой Отечественной войны в частности преследует вполне конкретные задачи.

Расчеловечивание образа СССР, правопреемником которого является современная Россия, и Красной армии — основа попыток очернить в глазах мировой общественности образ нашей страны как великой державы — ключевого участника антигитлеровской коалиции, внесшего решающий вклад в Победу во Второй Мировой войне.

Пропаганда тезиса о возложении на Советский Союз равной с гитлеровским режимом вины за начало Второй мировой войны подталкивает недружественные государства коллективного Запада и их сателлитов к использованию данного тезиса в качестве одного из аргументов для дальнейшего пересмотра итогов войны с опасными последствиями — от попыток потребовать от России репарации (юридическую основу для которых неустанно прорабатывают в ряде стран, прежде всего в государствах Балтии и в Польше, сторонники репараций от России как правопреемницы СССР имеются и среди политических элит Румынии, Финляндии, Чехии и др.) и подорвать позиции России в Организации Объединенных Наций до потакания территориальным претензиям отдельных реваншистски настроенных политиков, прежде всего в Прибалтике, Польше,

на Украине, в Японии. Власти прибалтийских республик и Польши весь постсоветский период активно работают над обоснованием якобы несправедливо проведенных границ с Россией, претензии на некоторые российские территории, в частности Карелию, высказывают отдельные действующие финские политики.

Хотя планы по репарациям и территориальным претензиям к России выглядят утопичными, само их наличие будет обеспечивать геополитическим противникам Москвы главное — поддержание напряжения в отношениях нашей страны с соседними государствами. По сути, продвижение исторических фальсификаций играет на руку агрессивным реваншистским кругам недружественных государств Запада, стремящимся любой ценой сохранить свое доминирование и разорвать культурно-цивилизационное единство пространства российской цивилизации и ее ближайших соседей.

Список литературы:

Белов С.И. Государственная политика памяти на Украине после Евромайдана // Международная жизнь. 2022. № 3. С. 28–35.

Бобровский А.С. Историческая память и Георгиевская лента в современной политике на постсоветском пространстве // Вестник МНЭПУ. 2021. № 2. С. 277–279.

Бойков С. Влияние исторической политики стран Балтии на отношения России и Евросоюза // Международная жизнь. 2021. № 9. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2562>

Глухарев Н.Н. К вопросу о месте советско-германского фронта Второй мировой войны в англо-американской историографии // Локус: люди, общество, культуры и смыслы. 2015. № 4. С. 59–73.

Грозин А.В. Великая отечественная война 1941–1945 гг. в исторической политике центральноазиатских республик. Часть I // Постсоветский материк. 2025. № 1(45). С. 31–49. DOI: [10.48137/23116412_2025_1_31](https://doi.org/10.48137/23116412_2025_1_31)

Демулин Д.М. И вновь продолжается бой! Исторический ревизионизм Запада и подготовка к новой войне // Международная жизнь. 2025. № 5. С. 14–21.

Зверев К.А. Праздничные и памятные даты как инструмент исторической политики стран Балтии // Петербургский исторический журнал. 2024. № 3(43). С. 164–174. DOI: [10.51255/2311-603X_2024_3_164](https://doi.org/10.51255/2311-603X_2024_3_164)

Июфе Г.В. О национальной памяти белорусов // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С. 438–482.

Козлов С.В. Политика памяти как инструмент легитимации постсоветской украинской государственности // Вестник Российской нации. 2014. № 1(33). С. 122–132.

Курбатова А.Г. Мемориальные символы исторического наследия в образовательных проектах Европейской ассоциации преподавателей истории (ЕвроКлио) // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 5. С. 104–118. DOI: [10.7256/2454-0609.2024.5.71916](https://doi.org/10.7256/2454-0609.2024.5.71916)

Ларионов А.Э. Власть и память: советское прошлое в исторической политике постсоветских режимов // Власть. 2021. № 6. С. 173–177. DOI: [10.31171/vlast.v29i6.8710](https://doi.org/10.31171/vlast.v29i6.8710)

Левченков А.С. Исторический ревизионизм и память о Великой Отечественной войне в геополитическом противостоянии на западном фланге постсоветского пространства // Постсоветские исследования. 2021. № 7. С. 581–590.

Миллер А.И. Рост значимости институционального фактора в политике памяти — причины и последствия // Полития. 2019. № 3(94). С. 87–102. DOI: [10.30570/2078-5089-2019-94-3-87-102](https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-94-3-87-102)

Неменский О.Б. Историческая политика партии «Право и справедливость» в 2015–2019 гг. // Проблемы национальной стратегии. 2024. № 1(82). С. 180–205. DOI: [10.52311/2079-3359_2024_1_180](https://doi.org/10.52311/2079-3359_2024_1_180)

Образование с русскоязычным компонентом за рубежом: состояние и возможности для развития / под ред. А.В. Коротышева, Н.В. Бруновой, Ю.А. Горячева, Е.А. Омельченко, А.А. Шевцовой. М.: Этносфера, 2024.

Симиндей В.В. Огнем, штыком и лестью. Мировые войны и их националистическая интерпретация в Прибалтике. М.: Фонд «Историческая память», 2015.

Сихарулидзе А.Т. От «противодействия» к «конструированию» российских угроз в Грузии при Михаиле Саакашвили // Международная аналитика. 2022. Т. 13. № 2. С. 59–78. DOI: [10.46272/2587-8476-2022-13-2-59-78](https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-2-59-78)

Davies N. *Europe at War 1939–1945: No Simple Victory*. New York: Macmillan, 2006.

Glantz D. *American Perspectives on Eastern Front Operations in World War*. Fort Leavenworth: DTIC, 1986.

Průčková F. Historical-Political Reflection on the Movement in the Post-Soviet Space // Czech Journal of International Relations. 1997. Vol. 32. Is. 1. P. 89–95. DOI: [10.32422/cjir.1268](https://doi.org/10.32422/cjir.1268)

Wolfe T.C. Past as Present, Myth, or History? Discourses of Time and the Great Fatherland War // The Politics of Memory in Postwar Europe / ed. by R.N. Lebow, W. Kansteiner, C. Fogu. Durham, London: Duke University Press, 2006. P. 249–283.

Ziemke E. *Stalingrad to Berlin. The German Defeat in the East*. Washington: Office of the Chief of Military History, U.S. Army, 1968.

References:

Belov S.I. (2022) State Politics of Memory in Ukraine After the Euromaidan. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No. 3. P. 28–35.

Bobrovsky A.S. (2021) Historical Memory and the St. George Ribbon in Modern Politics in the Post-Soviet Space. *Vestnik MNEPU*. No. 2. P. 277–279.

Boikov S. (2021) Vliyaniye istoricheskoy politiki stran Baltii na otnosheniya Rossii i Evrosoyuza [The influence of the historical policy of the Baltic States on relations between Russia and the European Union]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No. 9. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2562>

Davies N. (2006) *Europe at War 1939–1945: No Simple Victory*. New York: Macmillan.

Demurin D.M. (2025) I vnov' prodolzhayetsya boy! Istoricheskiy revizionizm Zapada i podgotovka k novoy voyne [And the battle continues again! Historical revisionism of the West and preparations for a new war]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No. 5. P. 14–21.

Glantz D. (1986) *American Perspectives on Eastern Front Operations in World War*. Fort Leavenworth: DTIC.

Glukharev N.N. (2015) To the Issue of the Place of the Soviet-German Front of the Second World War in the British and American Historiography. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury i smysly*. No. 4. P. 59–73.

Grozin A.V. (2025) The Great Patriotic War of 1941–1945 in the Historical Politics of the Central Asian Republics. Part I. *Postsovetitskiy materik*. No. 1(45). P. 31–49. DOI: [10.48137/23116412_2025_1_31](https://doi.org/10.48137/23116412_2025_1_31)

Ioffe G.V. (2020) O natsional'noy pamyati belorusov [On the national memory of Belarusians]. In: *Politika pamyati v sovremennoy Rossii i stranakh Vostochnoy Evropy*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge. P. 438–482.

Korotyshev A.V., Brunova N.V., Goryachev Yu.A., Omelchenko E.A., Shevtsova A.A. (eds.) (2024) *Obrazovaniye s russkoyazychnym komponentom za rubezhom: sostoyaniye i vozmozhnosti dlya razvitiya* [Education with a Russian-speaking component abroad: The state and opportunities for development]. Moscow: Etnosfera.

Kozlov S.V. (2014) Politika pamyati kak instrument legitimatsii postsovetitskoy ukrainskoy gosudarstvennosti [Politics of memory as a tool for legitimizing post-Soviet Ukrainian statehood]. *Vestnik Rossiyskoy natsii*. No. 1(33). P. 122–132.

- Kurbatova A.G. (2024) Memorial Symbols of Historical Heritage in Educational Projects of the European Association of History Teachers (EuroClio). *Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya*. No. 5. P. 104–118. DOI: [10.7256/2454-0609.2024.5.71916](https://doi.org/10.7256/2454-0609.2024.5.71916)
- Larionov A.E. (2021) Power and Memory: Soviet Past in the Historical Politics of the Post-Soviet Regimes. *Vlast'*. No. 6. P. 173–177. DOI: [10.31171/vlast.v29i6.8710](https://doi.org/10.31171/vlast.v29i6.8710)
- Levchenkov A.S. (2021) Historical Revisionism and the Memory of the Great Patriotic War in the Geopolitical Confrontation on the Western Flank of the Post-Soviet Space. *Postsovetskie issledovaniya*. No. 7. P. 581–590.
- Miller A.I. (2019) Growth of the Significance of Institutional Factor in Politics of Memory — Causes and Implications. *Politiya*. No. 3(94). P. 87–102. DOI: [10.30570/2078-5089-2019-94-3-87-102](https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-94-3-87-102)
- Nemensky O.B. (2024) The Law and Justice Party's "History Policy" during 2015–2019. *Problemy natsional'noy strategii*. No. 1(82). P. 180–205. DOI: [10.52311/2079-3359_2024_1_180](https://doi.org/10.52311/2079-3359_2024_1_180)
- Průčková F. (1997) Historical-Political Reflection on the Movement in the Post-Soviet Space. *Czech Journal of International Relations*. Vol. 32. Is. 1. P. 89–95. DOI: [10.32422/cjir.1268](https://doi.org/10.32422/cjir.1268)
- Sikharulidze A.T. (2022) From "Countering" to "Constructing" Russian Threats in Mikheil Saakashvili's Georgia. *Mezhdunarodnaya analitika*. Vol. 13. No. 2. P. 59–78. DOI: [10.46272/2587-8476-2022-13-2-59-78](https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-2-59-78)
- Siminday V.V. (2015) *Ognem, shtykom i lest'yu. Mirovyeye voyny i ikh natsionalisticheskaya interpretatsiya v Pribaltike* [With fire, bayonet and flattery. World Wars and their nationalist interpretation in the Baltic States]. Moscow: Fond "Istoricheskaya pamyat".
- Wolfe T.C. (2006) Past as Present, Myth, or History? Discourses of Time and the Great Fatherland War. In: Lebow R.N., Kansteiner W., Fogu C. (eds.) *The Politics of Memory in Postwar Europe*. Durham, London: Duke University Press. P. 249–283.
- Ziemke E. (1968) *Stalingrad to Berlin. The German Defeat in the East*. Washington: Office of the Chief of Military History, U.S. Army.
- Zverev K.A. (2024) Holidays and Memorable Dates as an Instrument of the Historical Policy of the Baltic States. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. No. 3(43). P. 164–174. DOI: [10.51255/2311-603X_2024_3_164](https://doi.org/10.51255/2311-603X_2024_3_164)

**Роль внешней разведки в принятии решений в годы Великой Отечественной войны:
новые документальные материалы из архива Службы внешней разведки
Российской Федерации**

Ломагин Никита Андреевич

Доктор исторических наук, профессор, начальник отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда»,
SPIN-код РИНЦ: [4384-5805](#), ORCID: [0000-0002-9476-6159](#), lomagin@eu.spb.ru

Европейский университет в Санкт-Петербурге; Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда, Санкт-Петербург, РФ.

Аннотация

К 80-летию Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне Служба внешней разведки РФ опубликовала на своем сайте 6-томное издание документов за период с 1939 по 1945 годы, многие из которых впервые введены в научный оборот. В общей сложности опубликовано более 800 источников. Около четверти материалов являются специальными сообщениями или информационными справками внешней разведки НКВД-НКГБ, адресованными в Государственный комитет обороны. Значительная часть документов пересылалась для использования в Генеральный штаб, Наркомат иностранных дел или в Совинформбюро. На основании уже опубликованных документов и обширной литературы по вопросам истории СССР, международных отношений, военного планирования, работы Генерального штаба в статье ряд материалов многотомного издания представлены в широком историческом контексте, что позволяет по-новому взглянуть на роль внешней разведки в информационно-аналитическом обеспечении управленческих решений по вопросам внешней политики и безопасности. Наиболее ценные сведения разведка получала от агентуры в Лондоне, и это позволило решить ряд важных задач. Во-первых, происходило качественное и своевременное информирование руководства страны о планах Германии и ее ближайших союзников. В статье приведен пример выявления разведорганами сущности замыслов руководства вермахта на лето 1943 года при проведении операции «Цитадель». Во-вторых, разведка предоставляла детальные сведения о политической ситуации в стане союзников, прежде всего Великобритании. Это создавало благоприятные предпосылки для ведения переговоров не только с Лондоном, но и Вашингтоном по вопросам сотрудничества по всему спектру вопросов — от давления на Финляндию и предоставления материально-технической и военной помощи до открытия второго фронта и обсуждения послевоенного устройства, в частности в регионе Балтийского моря. Наконец, приведены примеры работы разведки по информированию руководства страны об оккупационном режиме и преступлениях нацистов в отношении гражданского населения и военнопленных.

Ключевые слова

Вторая мировая война, советская внешняя разведка, Германия, Англия, США, Финляндия, второй фронт, операция «Цитадель».

Для цитирования

Ломагин Н.А. Роль внешней разведки в принятии решений в годы Великой Отечественной войны: новые документальные материалы из архива Службы внешней разведки Российской Федерации // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 113(S). С. 66–77. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-113(S)-2025-66-77

**The Role of Foreign Intelligence in Decision-Making during the Great Patriotic War:
New Documentary Materials from the SVR Archive**

Nikita A. Lomagin

DSc (History), Professor, Head of the Institute for the History of the Defense and Siege of Leningrad Department,
ORCID: [0000-0002-9476-6159](#), lomagin@eu.spb.ru

European University at St. Petersburg; Northwestern Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; State Memorial Museum of the Defense and Siege of Leningrad, Saint Petersburg, Russian Federation.

Abstract

To mark the 80th anniversary of the Soviet Union's victory in the Great Patriotic War, the Russian Foreign Intelligence Service has published a six-volume collection of documents from 1939 to 1945, many of which are being introduced into scholarly circulation for the first time. In total, over 800 sources have been published. About a quarter of the materials are special reports or informational reports from the NKVD-NKGB foreign intelligence service, addressed to the State Defense Committee. A significant portion of the documents were forwarded for use by the General Staff, the People's Commissariat of Foreign Affairs, or the Sovinformburo. Drawing on previously published documents and extensive literature on the history of the USSR, international relations, military planning, and the work of the General Staff, this article presents a selection of materials from the multi-volume publication in a broad historical context, allowing for a fresh look at the role of foreign intelligence in providing information and analytical support for management decisions on foreign policy and security matters. Intelligence received the most valuable information from agents in London, which enabled the accomplishment of several important objectives. First, it ensured high-quality and timely information for the country's leadership on the plans of Germany and its closest allies. The article provides an example of how intelligence agencies uncovered the essence of the Wehrmacht leadership's plans for the summer of 1943 during Operation Citadel. Second, intelligence provided detailed information on the political situation in the Allied camp, primarily Great Britain. This created favourable conditions for negotiations not only with London but also with Washington on cooperation across a wide range of issues — from pressuring

Finland and providing logistical and military assistance to opening the second front and discussing post-war developments, particularly in the Baltic Sea region. Finally, examples are given of intelligence work to inform the country's leadership about the occupation regime and Nazi crimes against civilians and prisoners of war.

Keywords

World War II, Soviet foreign intelligence, Germany, England, USA, Finland, second front, Operation Citadel.

For citation

Lomagin N.A. (2025) The Role of Foreign Intelligence in Decision-Making during the Great Patriotic War: New Documentary Materials from the SVR Archive. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 113(S). P. 66–77. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-113(S)-2025-66-77

Дата поступления/Received: 10.09.2025

Введение

Публикация 6-томного издания документов Управления разведки НКВД-НКГБ СССР периода Второй мировой войны, подготовленного Службой внешней разведки Российской Федерации к 80-летию Победы, — большой подарок историкам, специалистам-международникам и всем, кто занимается изучением деятельности спецслужб. Это, пожалуй, первое систематическое представление деятельности органов разведки за весь период Второй мировой войны, высвечивающее важнейшие ее этапы — вторжение нацистской Германии в Польшу и втягивание в войну большинства стран Европы; подготовка гитлеровским режимом агрессии против СССР и ее реализация с 1941 по 1945 годы; складывание на основе объединяющей угрозы антигитлеровской коалиции во главе с СССР, США и Великобританией с целью разгрома агрессоров в Европе, Азии и Африке; наконец, формирование нового мирового порядка на основе Организации Объединенных Наций.

Данное издание является логическим завершением большой работы по подготовке и публикации источников по истории деятельности советских спецслужб в период, который стал моментом истины для всей системы государственного управления. Издание доступно на сайте Российского исторического общества¹.

Обзор литературы и публикаций документов

В последние годы появился ряд важных публикаций документов, иллюстрирующих работу советской разведки в период Второй мировой войны. Они посвящены ее начальному этапу², советско-финляндским отношениям накануне и в период зимней войны³, а также работе «Кембриджской пятерки», в состав которой входили выпускники британского Тринити-колледжа в Кембридже, сотрудничавшие в 1930–1950-е годы с советской разведкой. Члены группы занимали высокие посты в спецслужбах и внешнеполитическом ведомстве Великобритании. От участников «Кембриджской пятерки» в предвоенные и военные годы СССР получил наиболее ценную информацию по основным международным проблемам, включая планы Гитлера по нападению на СССР, о битвах под Москвой и на Курской дуге, перспективах открытия второго фронта, секретных переговорах США и Англии с Германией, замыслах милитаристской Японии⁴ [Лаврентьев 2024]. Эти материалы существенно дополнили публикации начала 1990-х годов, когда в научный оборот были введены сотни важнейших материалов, раскрывающих работу разведорганов накануне и в годы Великой Отечественной войны⁵.

¹ Документальные материалы (1939–1945) из архива Службы внешней разведки Российской Федерации // РИО [Электронный ресурс]. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/dokumentalnye-materialy-1939-1945-iz-arkhiva-sluzhby-vneshnej-razvedki-rossijskoj-federatsii.html> (дата обращения: 15.05.2025). Далее при ссылках на данный источник мы указываем год и лист источника, как он представлен на сайте Российского исторического общества.

² Агрессия. Рассекреченные документы службы внешней разведки Российской Федерации 1939–1941 / сост. Л.Ф. Соцков. М.: РИПОЛ классик, 2011.

³ Зимняя война 1939–1940 гг. в рассекреченных документах Центрального архива ФСБ России и архивов Финляндии: Исслед., док., коммент / Отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров, Т. Вихавайнен. М.: ИКЦ «Академкнига», 2009; Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации по Советско-финской войне // СВР [Электронный ресурс]. URL: <http://svr.gov.ru/upload/iblock/0a2/10122024.pdf> (дата обращения: 15.05.2025).

⁴ Опубликованы новые уникальные рассекреченные документы СВР о «Кембриджской пятерке» // СВР [Электронный ресурс]. URL: <http://svr.gov.ru/smi/2024/10/opublikovany-novye-unikalnye-rassekrechennye-dokumenty-svr-o-kembridzhskoy-pyaterke.htm> (дата обращения: 15.05.2025).

⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Том 1. Накануне. Книга первая. Книга вторая. М.: «Книга и бизнес», 1995.

Составители сборника тридцатилетней давности отмечали, что советской разведке, несмотря на репрессии 1937–1938 годов, наряду с сообщениями контрразведки и пограничных войск, удалось собрать информацию, которая убедительно свидетельствовала о неизбежности близкой войны с Германией. Накануне войны, по мнению авторов вводной статьи к сборнику, внешняя разведка выполняла в основном информационные функции, а аналитическая работа, являющаяся необходимой частью разведывательной деятельности, не велась. «Правом окончательной оценки информации и принятия по ней решения обладал только один человек — И.В. Сталин, мнение которого было непререкаемо, даже если он и неверно оценивал обстановку»⁶. В итоге он подчас верил официальным заверениям фашистского руководства больше, чем своей разведке, полагая, что на территории бывшей Польши и в Восточной Пруссии Германия осуществляла от мобилизацию, боевую подготовку и отдых войск для генерального вторжения на британские острова⁷.

До недавнего времени в литературе из-за весьма ограниченного объема источников о деятельности разведки в период войны о ее вкладе в Победу в работах историков упоминалось лишь в самом общем виде или же не говорилось вовсе [Сорокин 2022, 172–180].

Документы внешней разведки периода Великой Отечественной войны и их роль при принятии решений

В многотомном издании СВР непосредственно Великой Отечественной войне посвящены четыре из шести томов издания. События этого периода представлены более чем в 600 документах, отражающих широкий круг военно-политических и экономических вопросов, общим объемом свыше 2000 листов — факсимильных копий шифртелеграмм, спецсообщений, аналитических справок. Аутентичность опубликованных документов сама по себе вызовет большой интерес у историков.

Около четверти материалов, которые содержатся в многотомнике, были адресованы И.В. Сталину, В.М. Молотову, Л.П. Берии и В.Н. Меркулову. Сведения, касающиеся военных приготовлений противника, по указанию руководства НКВД-НКГБ передавались в Главное разведуправление Красной армии. Данные разведки о преступлениях нацистов на оккупированной советской территории поступали в ЦК ВКП(б) и Совинформбюро, а также использовались Наркоматом иностранных дел с целью информирования международной общественности о злодеяниях захватчиков и их пособников в отношении мирного населения и советских военнопленных. Начиная с 1942 года, когда в международной повестке активно начинается обсуждение вопросов, связанных с послевоенным мироустройством, все больший объем развединформации направляется в Наркомат иностранных дел.

Более половины материалов — это шифртелеграммы в Центр из Лондона, Вашингтона, Нью-Йорка, Стокгольма, Токио, Шанхая, Харбина, Стамбула, Анкары, а также Афганистана, Ирана и Швейцарии. Эти материалы использовались аналитиками Разведуправления в текущей работе и впоследствии учитывались при подготовке донесений обобщающего характера для руководства страны.

В период Великой Отечественной войны механизм принятия решений существенным образом изменился, о чем свидетельствуют мемуары советских военачальников Г.К. Жукова, А.М. Василевского, С.М. Штеменко, некоторых руководителей правительства, включая А.И. Микояна⁸, а также глубокие исследования по вопросам советской внешней политики⁹.

⁶ Органы государственной безопасности СССР. Книга первая, с. VIII.

⁷ Органы государственной безопасности. Книга вторая, с. II.

⁸ Василевский А.М. Дело всей жизни: воспоминания начальника Генштаба. М.: Родина, 2019; Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Военное изд-во МО СССР, 1969.

⁹ Переписка Сталина с Рузвельтом и Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование. В 2 т. М.: Просвещение, 2017; The Kremlin Letters. Stalin's Wartime Correspondence with Churchill and Roosevelt / ed. by D. Reynolds and V. Pechatnov with the assistance of E. Magadeyev and O. Kucherenko. New Haven, London: Yale University Press, 2018; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Т. 1. М.: Политиздат, 1983; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Т. 1. М.: Политиздат, 1984.

И.В. Сталин, находясь во главе Государственного комитета обороны и будучи Верховным главнокомандующим и наркомом обороны, очевидно, извлек уроки из ошибок предвоенного периода и, в силу крайне неблагоприятных обстоятельств на фронте, а также большого объема задач, которые необходимо было решать в кратчайшие сроки, вынужден был пересмотреть свое отношение к вопросам управления, в том числе сбору и анализу информации. Это относилось и к деятельности разведки, которая в новых условиях решала ряд задач. Важнейшей из них был сбор и анализ сведений стратегического характера о долгосрочных и краткосрочных планах Германии и ее сателлитов; политических течениях в рядах потенциальных противников (прежде всего Японии и Турции); нейтральных странах, среди которых особое место занимала Швеция; развитии ситуации в соседних с Советским Союзом Иране и Афганистане и, конечно, отношениях с главными союзниками по антигитлеровской коалиции — Англией и Соединенными Штатами по всему спектру проблем, начиная с военной и экономической помощи, их стратегических планов и кончая перспективами открытия второго фронта в Европе и послевоенного мироустройства. Наконец, разведка проводила большую работу научно-технического характера в целях укрепления военной и экономической мощи СССР. Документы, раскрывающие работу советской разведки по атомному проекту, представлены в отдельном издании¹⁰. Таким образом, разведка, своевременно выявляя замыслы противника, позволяла советскому руководству более рационально использовать ограниченные ресурсы, а также помогала мобилизовать политическую и материальную поддержку со стороны тех, кто боролся с нацистскими агрессорами и их союзниками.

В начале войны в составе 1-го Управления НКГБ было 10 отделов и две группы. Территориальная структура Разведуправления была схожа с территориальной структурой Наркомата иностранных дел. За рубежом в годы войны работало более 90 легальных и нелегальных резидентур и других разведаппаратов. В отдельных из них одновременно имелось несколько резидентур (США, Китай, Иран, Великобритания и др.). В связи с тем, что внешней разведке не удалось наладить работу в Германии и оккупированных ею странах, центр тяжести ее работы был сосредоточен в Лондоне, где еще в 1930-е годы резидентуре удалось завербовать ряд ценных агентов, среди которых, как уже отмечалось, особо выделялась «Кембриджская пятерка», привлеченная к секретному сотрудничеству на идейно-политической основе выдающимся разведчиком-нелегалом А. Дейчем. Ким Филби занимал в годы войны высокий пост в британской разведке и информировал Центр о ее работе, а также деятельности контрразведки. Другие члены «пятерки» — Г. Берджес, Д. Маклин, А. Блант и Д. Кэрнхросс — обеспечивали доступ внешней разведки к секретным документам военного кабинета, а также к переписке Черчилля с Рузвельтом и другими главами государств и правительств, министра иностранных дел А. Идена с послами в Москве, Вашингтоне, Стокгольме, Мадриде, Анкаре и других странах. Кроме того, советская резидентура привлекла ценных агентов из эмигрантских правительств, в том числе польского, югославского, чехословацкого и других. Всего за годы войны из Лондона в Центр поступило около 20 тысяч разведывательных материалов, 90 процентов из которых были подлинными документами. Информация лондонской резидентуры имела особо важное значение в начальный период войны, когда советское руководство ощущало колоссальный дефицит сведений по Германии. В своем дневнике, рассекреченном в 2002 г., руководитель контрразведывательного подразделения британской службы МИ-5 Гай Линделл признал: «Нет сомнения, что в вопросах шпионажа русские разбираются лучше кого-либо в мире» [Цит. по: Бертон, Поттс 2024, 31].

¹⁰ Рассекреченные документы по атомному проекту СССР из архива Службы внешней разведки Российской Федерации // СВР [Электронный ресурс]. URL: <http://svr.gov.ru/upload/iblock/0a2/%D0%A0%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%B5%D0%BA%D1%80%D0%B5%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B%20%D0%AD%D0%BD%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%BE%D0%B7.pdf> (дата обращения: 15.05.2025); Гуськов С.А., Долгушин Е.Б. Операция «Энормоз». Документы внешней разведки. М.: Вече, 2024.

Таким образом, в контексте вопросов государственного управления и внешней политики СССР в период Великой Отечественной войны значение рассматриваемого издания сложно переоценить не только потому, что впервые введен в научный оборот столь значительный объем архивных материалов службы внешней разведки, но и по причине его исключительно высокого качества, которое определялось прежде всего уникальной агентурой в Великобритании, Соединенных Штатах и ряде других стран.

Как известно, формулой успеха государства в условиях войны является наличие ресурсов (людских, материальных, территории и т. д.), помноженное на стратегию и волю тех, кто их использует. Формирование антигитлеровской коалиции само по себе было чрезвычайно сложной задачей, но еще труднее было добиться от союзников максимально возможной помощи, подчас за счет ресурсов, которые в случае Великобритании изначально предназначались для ее собственных нужд. Советскому руководству в ходе переговоров, прежде всего с Лондоном, нужно было найти ту тональность и аргументацию, которые бы позволили в ходе переговоров получить от союзников как материальную (вооружения, стратегические материалы, транспортные средства и средства связи, продовольствие), так и политическую поддержку (давление на Финляндию и других реальных и потенциальных союзников Германии). Для этого исключительное значение имела инсайдерская информация о противоречиях в правительственных кругах, наличие тех, кто симпатизировал борьбе Советского Союза и настаивал на его более существенной поддержке. С этой задачей блестяще справилась советская разведка. В материалах многотомного сборника представлены многочисленные примеры того, как Черчилль и члены его кабинета, находясь под давлением советской стороны, вынуждены были занимать более активную позицию по ряду весьма чувствительных вопросов и, в свою очередь, настаивать на более решительных действиях американской администрации.

Опубликованные документы разведуправления НКВД-НКГБ дают возможность по-новому взглянуть на важные вопросы управления страной, в том числе на место развединформации при подготовке и принятии решений политического и военного характера. Знание «внутренней кухни» в Лондоне и Вашингтоне позволяло советскому руководству более эффективно вести переговоры с союзниками. Очевидно, что Сталин благодаря получаемым от разведки сведениям имел определенные преимущества при подготовке и ведении переговоров. Тем не менее эти источники надо оценивать с учетом всей совокупности имеющихся в распоряжении историков источников и литературы.

В целом Разведуправление информировало руководство страны о ходе событий и их потенциальном развитии через призму оценок, сделанных в Великобритании и Соединенных Штатах. Причем степень и глубина погружения британских спецслужб и внешнеполитического ведомства в представлявшие для Британии интерес страны и регионы была на порядок выше, чем у их американских коллег, которые стали строить свои специальные службы достаточно поздно. Особенно остро недостаток надежной информации в Вашингтоне ощущали применительно к СССР, единственным источником о котором было посольство в Москве.

Для администрации Рузвельта именно Британия выступала источником сведений о промышленном потенциале территорий, включая Ленинград, которые могли быть утрачены в первые месяцы войны. Создание специального отдела, занимающегося Советским Союзом, было инициировано лишь в сентябре 1941 г. с целью получения достоверной информации о способности Красной армии сдержать натиск вермахта, рвавшегося к Ленинграду и Москве [Katz 1989, 138]. В частности, об этом свидетельствует спецсообщение разведки в ГКО от 3 сентября 1941 года, в котором сообщалось, что по сведениям, полученным агентурным путем из Лондона, 20 августа сын президента США Джеймс Рузвельт пытался выяснить от имени отца у британского посла

в США лорда Галифакса «какую-либо информацию о производственных возможностях Советского Союза». Среди прочего его интересовало, в какой степени будет затронута промышленность Советского Союза в связи с продвижением немцев к Днепру, какая промышленность расположена около Ленинграда и Москвы и что в этих пунктах подвергается опасности. Рузвельт-младший также задал вопрос о производственных возможностях промышленности в районе Урала в отношении выпуска военных материалов. Очевидно, в американском руководстве пытались оценить масштаб понесенных и потенциальных потерь Советского Союза к середине августа 1941 г.¹¹ Таким образом, «золотой жилой» для советской разведки была ее агентура в Лондоне, хотя и в США у СССР были информированные и влиятельные сторонники [Steil 2013a, Steil 2013b]. Часть информации — результат работы дешифровальщиков, которые оперативно доводили до сведения руководства содержание перехваченных донесений дипломатов.

Жанр краткого обзора источников предполагает известную селективность в выборе иллюстративного материала о многоотомнике. В начальный период войны особенно остро стоял вопрос о побуждении Лондона и Вашингтона к активной помощи Советскому Союзу, выяснении истинных намерений и возможностей англичан и американцев, получении достоверной информации о настроениях в правительственных кругах Великобритании и США. Благодаря разведке советское руководство накануне московской конференции получило инструкции о ведении переговоров с СССР, которые 19 сентября 1941 года были рассмотрены и утверждены комитетом обороны под председательством Черчилля. С ними был ознакомлен Гарриман. Из этих инструкций следовало, что только при двух условиях Лондон намеревался открыть второй фронт в Европе и высадить десант, включая бронетехнику, в нескольких захваченных немцами странах. Первым из них было вовлечение США в войну, «декларируемую или не декларируемую». Вторым условием являлось существенное ослабление немецкой армии («если мораль немцев и их единство будет серьезно нарушено»). Тогда, говорилось в инструкциях, «мы можем надеяться на генеральное наступление против Германии в 1943 году»¹². На вопрос советского руководства, каким же образом Британия намерена выиграть войну, членам делегации рекомендовалось дать следующий ответ: «Продолжая сражаться до тех пор, пока национал-социалистическая система не развалится, так же как это случилось с кайзеровской системой в прошлую войну»¹³, то есть, по сути, речь шла о войне на истощение, в которой основной удар на себя должен был принять Советский Союз. Что же касается арсенала средств борьбы с военной машиной Германии, то в инструкциях без тени сомнения отмечались следующие весьма щадящие способы: «...мы будем сражаться с врагами везде, где мы только сможем встретить его в благоприятных условиях. Мы будем подрывать их пропаганду, душить блокадой, неустанно и беспощадно бомбить».

Таким образом, еще в середине сентября 1941 года советское руководство было осведомлено о том, что Британия при благоприятных для себя условиях готова будет открыть второй фронт в Европе в лучшем случае в 1943 году¹⁴. Наличие этой информации позволяло не только знать общий настрой британского правительства по важнейшему вопросу о втором фронте, о необходимости открытия которого Сталин говорил еще в июле¹⁵, но и представлять себе тот исчерпывающий набор средств ведения борьбы с Германией, который для себя определил Лондон. Советский посол в Лондоне И.М. Майский информировал Сталина о том, что позиция Британии во многом определялась доминировавшими в правительственных и военных кругах представлениями о непобедимости вермахта на суше, о неготовности к десантным операциям крупного масштаба,

¹¹ Документальные материалы (1939–1945) ... 1941. Л. 124.

¹² Там же. 1941. Л. 195.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. 1941. Л. 196.

¹⁵ Переписка Сталина с Рузвельтом... с. 55.

боязни нового Дюнкерка, что могло спровоцировать правительственный кризис и отразиться на престиже Британии в США и, наконец, чувстве самоуспокоенности в связи с тем, что основные силы Германии брошены против Советского Союза и у Британии есть время для подготовки к решающим битвам в будущем. Среди членов Консервативной партии также присутствовало желание ослабить СССР¹⁶. Попытки Сталина побудить своего визави открыть второй фронт, чтобы облегчить положение Красной армии, как известно, не увенчались успехом. Не оказало должного эффекта и обращение 25 октября 1941 года в британский МИД Криппса, который сообщал о растущем недовольстве в советском правительстве, среди военных и населения в связи с отсутствием вооруженной помощи со стороны Великобритании. Это привело к тому, что отношения между странами «не только не улучшаются, но становятся хуже». Единственный выход рассеять убеждение советского руководства в том, что «мы спокойно сидим и ничего не делаем», Криппс видел в конкретных действиях по ослаблению давления на русском фронте, в противном случае британский посол не исключал возможности того, что «России придется совсем выйти из войны»¹⁷. Эта телеграмма Криппса в Лондон была получена агентурным путем и 7 ноября 1941 г. была передана в ГКО, что, несомненно, было использовано при ведении дальнейших переговоров и оказании еще большего давления на Черчилля. Своего рода квинтэссенцией мнения британского премьера был ответ послу в Москве Криппсу, также доведенный разведкой до сведения руководства страны: «[...] Все, что мы делали или могли бы сделать, не может иметь какого-либо эффекта на колоссальнейшее сражение, происходящее на русском фронте. Однако, мы пока еще можем принять соответствующие меры к подготовке кампании 1942 года [...] Я полностью симпатизирую Вашим чувствам, ибо Вам в непосредственной близости приходится наблюдать агонию России, однако, ни симпатии, ни эмоции не могут преодолеть стоящие перед нами факты»¹⁸. Упоминая в том же документе о 440 истребителях, переданных СССР, Черчилль замечает, что это, «несомненно, мелочь по сравнению с потерями, понесенными русскими военно-воздушными силами». В итоге никаких серьезных предложений военного характера со стороны Черчилля не поступило, не считая неприемлемых для СССР намерений «высвободить» советские войска, охранявшие нефтяные месторождения на Кавказе и Каспии, а также находившиеся в Иране, заменив их британскими. Вместе с тем детальное знание о противоречиях внутри британского руководства по вопросу оказания помощи СССР в конце концов подтолкнули Лондон предпринять шаги по оказанию помощи СССР, которые он изначально не планировал. Советскому руководству в тяжелейших условиях осени 1941 года удалось добиться некоторого улучшения поставок, пусть сперва незначительных, британской военной продукции, включая тяжелые танки, самолеты, противотанковые ружья и пушки, а также пулеметы.

Сталин в максимальной степени использовал полученную от разведки и дипломатов информацию о политической ситуации в Лондоне и оказывал постоянное давление на Черчилля, а через него и на Соединенные Штаты. Переговоры с лидерами Великобритании и США велись не вслепую, а со знанием их реакции, особенно в Лондоне, на запросы Москвы. Безусловно, важную роль в информировании играли советские дипломаты — главы миссий в Лондоне и Вашингтоне, которые непосредственно общались с руководством стран пребывания, однако разведка предоставляла исключительную инсайдерскую информацию о внутренних дискуссиях на основании донесений первоклассной агентуры.

Разведка также давала ценную информацию о настроениях американских дипломатов, которые работали в Москве. Прежде, чем Сталину удалось установить непосредственный личный контакт с Рузвельтом, советской стороне приходилось иметь дело с посольством США и сотрудниками

¹⁶ Там же. С. 56.

¹⁷ Документальные материалы (1939–1945) ... 1941. Л. 245.

¹⁸ Там же. 1941. Л. 148.

Государственного департамента. На основании расшифрованных донесений посла США в Москве Л. Штенгардта выяснилось, что в самый сложный для Советского Союза период войны посол Соединенных Штатов не верил в способность СССР продолжать борьбу с Германией и по этой причине не видел смысла в оказании ему помощи, о чем и информировал Вашингтон. Сталин на встрече с Гарриманом назвал его пораженцем в ходе Московской конференции в начале октября 1941 года. В госдепартаменте также доминировали политические предрассудки в отношении СССР, за что президент Рузвельт называл его сотрудников «твердокаменными бюрократами»¹⁹. В Кремле, в том числе на основании полученной от разведки информации о настроениях посла США, пришли к выводу о необходимости установления прямых контактов с Белым домом. Аналогичной позиции придерживался и Гопкинс, который после возвращения из Москвы подсказал Рузвельту идею установления прямого общения с советским лидером. Заметим, что в свое время нежелание США вмешиваться в начавшуюся в Европе войну и, главное, неверие американского посла в Великобритании Дж. Кеннеди, англофоба с ирландскими корнями, в способность британской империи выдержать натиск Германии и соответствующие депеши в Вашингтон, перехваченные английской разведкой в 1940 г., сумевшей взломать американские дипломатические шифры²⁰, побудили Черчилля напрямую общаться с Рузвельтом с целью изменить его отношение к помощи оказавшейся в тяжелейшем положении Британии [Charmley 1995, 8–9, 17–18].

Важной частью работы разведки по ведению разведывательно-диверсионных операций было информирование руководства страны о ситуации на захваченной врагом территории.

Потребность в сборе материалов о политике врага на захваченной советской территории была связана не только с необходимостью разоблачать пропаганду противника, но и для мобилизации международного общественного мнения на борьбу с нацистской Германией. Сведения о злодеяниях захватчиков, добытые разведкой, направлялись в ЦК ВКП(б), а затем через сводки Совинформбюро доводились как до населения СССР, так и до международной общественности через соответствующие ноты Наркомата иностранных дел²¹. В разведсводках речь шла об истреблении евреев и коммунистов, ограблении населения на захваченной советской территории, голоде и массовой смертности в лагерях для военнопленных. Первые донесения разведки секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову и в Совинформбюро С.А. Лозовскому были направлены 26 и 27 августа 1941 года.

Предоставление информации о человеконенавистнической сущности нацизма, разоблачение пропаганды противника о «превентивной» войне Германии против СССР также входили в круг задач, решаемых армейскими политорганами. 11 июля 1941 г. Главное управление политической пропаганды потребовало от политработников систематически сообщать обо всех известных фактах зверств и издевательствах врага над населением и попавшими в плен красноармейцами с указанием конкретных населенных пунктов, где эти факты имели место с подробным изложением сути дела²².

12 ноября 1941 г. начальник Главного политического управления Красной армии Л.З. Мехлис в своей директиве еще раз напоминал политработникам о необходимости предоставления в центр материалов, обличавших фашизм, подчеркивая, что недооценка такого рода работы сужает возможности в области контрпропаганды и воспитания смертельной ненависти к врагу у личного состава Красной армии и у населения СССР, что недостаток материала затрудняет выпуск иллюстрированных журналов и листовок, а также специального сборника документов о зверствах оккупантов²³. Таким образом, разведка и политорганы обеспечивали Совинформбюро обширными сведениями о преступлениях нацистов на оккупированной советской территории, создавая возможности для ведения наступательной пропаганды

¹⁹ Переписка Сталина с Рузвельтом... С. 77.

²⁰ Там же. С. 73.

²¹ Документальные материалы (1939–1945) ... 1941. Лл. 97–99; 172–175; 243; 300–306; 322–326.

²² Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 217. Оп. 1217. Ед. хр. 3. Л. 76.

²³ ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1217. Ед. хр. 3. Л. 138.

Особое место в широком перечне успехов советской разведки по выявлению военных планов противника занимает обширная информация о подготовке наступательной операции «Цитадель» в районе Курска летом 1943 года. В общей сложности разведка передала в Центр восемь сообщений об этой операции, три из которых представлены в многотомнике. В частности, 27 мая 1943 г. в спецсообщении о военных планах Германии на ближайшее время говорилось, что «из всех сведений наиболее серьезным является сообщение, полученное 30 апреля из Лондона от заслуживающего доверия источника о подготовке германским командованием крупных операций с целью прорыва фронта в районе Курск — Белгород. Это сообщение подтверждается перехваченной телеграммой, отправленной 25 апреля с.г. из Южной группы германских войск за подписью генерал-фельдмаршала фон Вейхса в адрес оперативного отдела верховного командования германской армии, в которой указывается, что в настоящее время трудно предугадать, попытается или нет противник избежать угрозы окружения с помощью отхода на восток, которое последует за прорывом основных участков на линии фронта “Курск — Белгород — Малоархангельск”, но ему не удастся предупредить выполнения нами плана “Цитадель”. Как указывает источник, план “Цитадель” означает операции по прорыву нашего фронта в районе Курск-Белгород»²⁴. На спецсообщении П.М. Фитина заместитель наркома НКВД А.З. Кобулов поставил резолюцию: «т. Фитин. Сообщены ли эти данные в НКО т. Голикову? Кобулов. 27.5.43». Ниже в документе есть пометка Фитина: «Сообщить т. Голикову»²⁵.

Как отмечал один из вдохновителей и ключевых участников наступления вермахта летом 1943 года фельдмаршал Э. фон Манштейн, операция «Цитадель» была последней попыткой Германии сохранить инициативу на Востоке. «С ее неудачей, равнозначной провалу, — писал после войны фельдмаршал, — инициатива окончательно перешла к советской стороне»²⁶ [Замулин 2018].

Данные о намерениях противника, как отмечал в своих мемуарах Г.К. Жуков, подтверждались «всеми видами разведки». «Обработывая полученные сведения, Генштаб должен был глубоко проанализировать их, сделать надлежащие выводы из всех многочисленных сообщений, среди которых могли быть и дезинформационные, и ошибочные. Ведь такую многогранную работу, как известно, выполняют тысячи людей в органах агентурной и войсковой разведки, партизаны и сочувствующие нашей борьбе люди. Противник, готовясь к действиям, проводил систему мероприятий, чтобы скрыть свои намерения <...> В этом высшие штабы должны были суметь разобраться и отличить настоящее от фальшивого»²⁷. В целом это удалось сделать и подготовиться должным образом к отражению немецкого наступления, однако, по признанию заместителя Верховного главнокомандующего, все детали операции «Цитадель» стали известны, конечно, лишь позднее из немецких трофейных документов²⁸.

В мемуарах С.М. Штеменко, который с 1943 г. и до конца войны возглавлял Оперативное управление Генштаба, отмечалось, что в конце марта и в начале апреля 1943 года и разведчики, и работники оперативных отделов фронтов обращали внимание на наличие в районе Орла, Белгорода и Харькова авиационно-танковых ударных группировок, мощь которых все время наращивалась. «Это обстоятельство, — отмечал Штеменко, — расценивалось как прямое доказательство наступательных намерений врага<...> Вопрос “где” не являлся слишком трудным. Ответ на него мог быть только один — на Курской дуге. Ведь именно в этом районе находились главные ударные силы противника, таившие две опасные для нас возможности: глубокий обход Москвы или поворот на юг»²⁹.

²⁴ Документальные материалы (1939–1945) ... 1943. Л. 181.

²⁵ Там же. 1943. Л. 180.

²⁶ Манштейн Э. Утерянные победы. Смоленск: Русич, 1999. С. 509.

²⁷ Жуков Г.К. Воспоминания. С. 36.

²⁸ Там же. С. 7-8.

²⁹ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1989. С. 150.

Начальник Генштаба А.М. Василевский в своих воспоминаниях обращал внимание на то, что весной – летом 1943 г. советское командование предъявляло особые требования к органам военной разведки. «В первые два года войны мы, руководители, Генштаба, не раз выслушивали справедливые упреки Верховного главнокомандующего в адрес Разведывательного управления. В 1943 году таких замечаний почти не было. Как ни стремился враг держать в тайне планы своего наступления, как ни старался отвлечь внимание советской разведки от районов сосредоточения своих ударных группировок, нашей разведке удалось определить не только общий замысел врага на летний период 1943 года, направление ударов, состав ударных группировок и резервов, но установить время начало фашистского наступления», — писал Василевский. При этом по инициативе Генштаба фронты курского направления дважды предупреждались о возможном наступлении врага в ближайшие дни, которого не последовало, но это произошло не из-за ошибок разведки, а вследствие попыток противника еще более усилить сосредоточенные под Курском и Борисовкой войска³⁰. Важно отметить, что в принятии решения Ставкой ВГК относительно подготовки к отражению немецкого наступления летом 1943 г. принималась во внимания вся совокупность информации о летних планах Германии, в том числе и многократно повторявшиеся из различных источников донесения по линии Разведуправления НКВД.

Отдельного внимания заслуживают материалы разведки, посвященные обеспечению интересов Советского Союза на Балтике и его отношениям с Финляндией. В литературе, к сожалению, немного сказано о внешнеполитической составляющей попыток обеспечить безопасность Ленинграда с северного (финского) направления. Известно о нескольких просьбах Сталина, адресованных Черчиллю и Рузвельту, добиться прекращения Финляндией наступательных операций в 1941 г., однако широкий контекст, за исключением двух-трех писем, адресованных из Лондона и Вашингтона в посольства своих стран в Хельсинки с призывом оказать давление на финское руководство, до сих пор был скрыт. Материалы разведки проливают свет на позицию Лондона на ряд значимых, на наш взгляд, сюжетов, связанных с этим важным регионом. Напомним, что именно стремление обеспечить безопасность Ленинграда с севера Сталин назвал важнейшей причиной, побудившей Советский Союз «отодвигать» границу от Ленинграда с помощью силы³¹.

Ранней весной 1942 г. из Лондона в Центр была направлена шифртелеграмма, в которой содержались сведения, имевшие отношение к перспективам военных действий вокруг Ленинграда. В документе, в котором приводились выдержки из резюме материалов английской контрразведки о положении дел в Германии и Финляндии³², сообщалось, что финские войска предполагалось отвести с фронта для выполнения сельхозработ. Немцы согласились послать свои войска на Свирь с условием, что в марте финны организуют наступление для обеспечения выхода к Белому морю, а после этого могут отвести свои войска. 25 апреля 1942 г. из Стокгольма поступила еще одна шифртелеграмма, в которой содержалась подробная информация о положении и настроениях в армии Финляндии³³. В ней говорилось о том, что Финляндия испытывает острый недостаток в людях: «мобилизовано 16% населения... Потери в этой войне составляют 60 тыс.»³⁴

Финская тема присутствует в последующих сообщениях разведки: 4 мая сообщалось о нежелании Маннергейма проявлять активность на фронте; источник из Стокгольма также предлагал отказаться от травли финского главнокомандующего, с которым «можно договориться, когда ему придется выбирать: мир с СССР или окончание оккупации Финляндии немцами»³⁵.

³⁰ Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1978. С. 310–311.

³¹ «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель-май 1940 г.). Материалы комиссий Главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании. М.; СПб: Летний сад, 2004. С. 32.

³² Документальные материалы (1939–1945) ... 1942. Л. 117–120.

³³ Там же. 1942. Л. 147–148.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. 1942. Л. 166.

Отметим, что впоследствии Сталин вывел Маннергейма из-под удара, а следовательно, и Финляндию как союзницу Германии в реализации блокады Ленинграда.

Вскоре Фитин информировал ГКО об агентурном сообщении из Лондона с текстом телеграммы английского посла в США Галифакса в адрес МИД Англии (№ 2155 от 13.04.1942). В нем говорилось о том, что инициатива мирных переговоров с финнами должна исходить от советской стороны: «Представители Англии и Америки не должны предпринимать каких-либо шагов или выступать с заявлениями, которые могли бы дать советскому правительству повод заподозрить Америку и Англию в заключении сделки с финнами за счет Советов. В то же время (государственный) департамент считает необходимым принять меры к тому, чтобы ослабить зависимость Финляндии от Германии в области снабжения. Однако департамент еще не приступил к разрешению этого вопроса...» Таким образом, речь шла о весьма дружественных в отношении СССР шагах, включая создание материальных предпосылок для менее болезненного и поэтому более скорого выхода Финляндии из войны³⁶.

В пространном Меморандуме министра иностранных дел Англии Идена «Политика в отношении России», полученном агентурным путем 27 февраля 1942 г., были затронуты вопросы, касающиеся будущего прибалтийских республик и обеспечения безопасности СССР на Балтике после войны. В частности, Иден отмечал, что «с чисто стратегической точки зрения как раз в наших интересах, чтобы Россия снова обосновалась в Прибалтике с тем, чтобы иметь возможность лучше оспаривать у Германии господство на Балтийском море, чем она могла это делать с 1918 г., когда для доступа к Балтийскому морю имеется только Кронштадт»³⁷. Однако, по мнению Идена, Британия была вправе потребовать от Советского Союза что-то взамен. «Конечно, нельзя, — полагал Иден, — делать эту или другую уступку Сталину без того, чтобы не потребовать *quid pro quo* (соответствующей услуги за услугу). По своей восточной манере мыслить, он (Сталин) истолковал бы как проявление слабости, если бы мы этого не потребовали. Кроме того, настаивая на этом, мы устанавливаем правила, что взаимные уступки нам являются необходимым условием, что затруднит советскому правительству возможность производить на нас нажим с требованием дальнейших уступок»³⁸. Подводя итог своим размышлениям о будущих границах, Иден резонно отметил, что «...наше согласие или наш отказ не могут так или иначе отразиться на русских послевоенных границах: ни мы, ни Америка не сможем заставить СССР уйти с занятой им в конце войны территории»³⁹.

Итоговая формула для переговоров со Сталиным, предложенная Иденом кабинету, звучала весьма взвешенно и по вопросу границ с Финляндией радикально отличалась от того, на что была готова пойти советская сторона в августе – сентябре 1941 года: «...Мы желаем и намерены работать вместе с Вами после и считаем, что тесное сотрудничество существенно для обеих сторон и для поддержания мира в Европе. Мы понимаем важность, которую Вы придаете границам июня 1941 года, исходя из соображений Вашей собственной безопасности. Мы не возражаем против этой границы, которую Вы установили с Финляндией, потому что финны позволили Гитлеру использовать себя как орудие в его руках...»⁴⁰

Заключение

Опубликованные Службой внешней разведки документы дают исследователям механизма принятия решений в период Великой Отечественной много пищи для размышлений. Мы попытались обратить внимание читателя лишь на некоторые сюжеты, представление о которых значительно расширилось в связи с доступом к новым архивным материалам.

³⁶ Там же. 1942. Л. 169–170.

³⁷ Там же. 1942. Л. 67.

³⁸ Там же. 1942. Л. 68.

³⁹ Там же. 1942. Л. 69.

⁴⁰ Там же. 1942. Л. 72.

Список литературы:

- Бертон С., Поттс Дж. Верховные главнокомандующие Второй мировой войны. Сражения Сталина, Черчилля, Рузвельта и Гитлера. М.: Литтера, 2024.
- Замулин В.Н. Курск-43. Как готовилась битва «титанов». Книга 1. М.: Эксмо: Яуза, 2018.
- Лаврентьев А. Ким Филби и «Кембриджская пятёрка». Главные документы и свидетельства. М.: Комсомольская Правда, 2024.
- Сорокин А.К. В штабах Победы. Очерки истории государственного управления в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2022.
- Charmley J. Churchill's Grand Alliance: The Anglo-American Special Relationship 1940–57. New York: Harcourt Brace & Company, 1995.
- Katz B.M. Foreign Intelligence. Research and Analyses in the Office of Strategic Services 1942–1945. Cambridge MA: Harvard University Press, 1989.
- Steil B. Red White: Why a Founding Father of Postwar Capitalism Spied for the Soviets // Foreign Affairs. 2013a. Vol. 92. Is. 2. P. 115–122, 124–129.
- Steil B. The Battle of Bretton Woods: John Maynard Keynes, Harry Dexter White, and the Making of a New World Order. Princeton: Princeton University Press, 2013b.

References:

- Berthon S., Potts J. (2024) *Warlords: An Extraordinary Re-creation of World War II through the Eyes and Minds of Hitler, Churchill, Roosevelt, and Stalin*. Moscow: Littera.
- Charmley J. (1995) *Churchill's Grand Alliance: The Anglo-American Special Relationship 1940–57*. New York: Harcourt Brace & Company.
- Katz B.M. (1989) *Foreign Intelligence. Research and Analyses in the Office of Strategic Services 1942–1945*. Cambridge MA: Harvard University Press.
- Lavrent'yev A. (2024) *Kim Filbi i "Kembridzhskaya pyatyorka". Glavnye dokumenty i svidetel'stva* [Philby and the "Cambridge Five". Key documents and testimonies] Moscow: Komsomol'skaya Pravda.
- Sorokin A.K. (2022) *V shtabakh Pobedy. Ocherki istorii gosudarstvennogo upravleniya v SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.* [At the Victory headquarters. Essays on the history of public administration in the USSR during the Great Patriotic War of 1941–1945] Moscow: Politicheskaya ehnciklopediya.
- Steil B. (2013a) Red White: Why a Founding Father of Postwar Capitalism Spied for the Soviets. *Foreign Affairs*. Vol. 92. Is. 2. P. 115–122, 124–129.
- Steil B. (2013b) *The Battle of Bretton Woods: John Maynard Keynes, Harry Dexter White, and the Making of a New World Order*. Princeton: Princeton University Press.
- Zamulin V.N. (2018) *Kursk-43. Kak gotovilas' bitva "titanov". Kniga 1* [Kursk-43. How the battle of the "titans" was prepared. Book 1] Moscow: Ehksmo: Yauza.

От коммуникативной памяти к культурной: межпоколенческая трансформация представлений о Великой Отечественной войне

Федоров Валерий Валерьевич

Кандидат политических наук, генеральный директор АЦ ВЦИОМ, декан факультета социальных наук и массовых коммуникаций, SPIN-код РИНЦ: [8419-3106](#), ORCID: [0000-0002-0749-4475](#), fedorov@wciom.com

Аналитический центр ВЦИОМ; Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ.

Львов Степан Васильевич

Кандидат социологических наук, председатель Научного совета, доцент, SPIN-код РИНЦ: [5114-8255](#), ORCID: [0000-0003-0482-099X](#), lvov@wciom.com

Аналитический центр ВЦИОМ; Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ.

Аннотация

Статья посвящена анализу межпоколенческой трансформации исторической памяти о Великой Отечественной войне в контексте смены поколений. Актуальность исследования обусловлена конституционным закреплением нормы о защите исторической памяти и необходимостью лучше понимать механизмы ее передачи в условиях естественного ухода свидетелей событий, продолжения социализации миллениалов и вступления во взрослую жизнь поколения цифры, создания новой коммуникационной среды, в которой особую роль играют цифровые технологии. На основе вторичного анализа данных всероссийских опросов ВЦИОМ (2001–2025 гг.) с использованием поколенческой классификации, предложенной В.В. Радаевым, исследуется динамика представлений шести поколений россиян о войне и Победе. Применяется фасетная, многоаспектная классификация для анализа открытых вопросов, позволяющая выявить семантические аспекты исторической памяти. Установлен переход от коммуникативной памяти старших поколений, основанной на личном опыте и семейных историях, к культурной памяти младших когорт, преимущественно формируемой институционально. Выявлены доминирование эмоциональных ассоциаций у миллениалов и пока необъяснимая рационализация памяти у поколения цифры. Установлен высокий уровень осведомленности поколений застоя и реформенного поколения. Обнаружены парадоксальные характеристики младших миллениалов, демонстрирующих критический потенциал к официальной политике памяти. Несмотря на высокий уровень консенсуса по поводу значимости Победы в обществе, зафиксированы скрытые межпоколенческие различия в интерпретации ключевых аспектов войны, требующие учета при проектировании социальных процессов.

Ключевые слова

Историческая память, Великая Отечественная война, межпоколенческая трансмиссия, коллективная память, политика памяти, коммеморативные практики, поколенческий анализ, социальное знание.

Для цитирования

Федоров В.В., Львов С.В. От коммуникативной памяти к культурной: межпоколенческая трансформация представлений о Великой Отечественной войне // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 113(S). С. 78–93. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-113(S)-2025-78-93

From Communicative to Cultural Memory: Intergenerational Transformation of Perceptions of the Great Patriotic War

Valery V. Fedorov

PhD, VCIOM General Director, Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications,
ORCID: [0000-0002-0749-4475](#), fedorov@wciom.com

VCIOM Analytical Center, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

Stepan V. Lvov

PhD, Chairman of the Scientific Council, Associate Professor, ORCID: [0000-0003-0482-099X](#), lvov@wciom.com

VCIOM Analytical Center, Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation.

Abstract

This article analyzes the intergenerational transformation of the historical memory of the Great Patriotic War in the context of cross-generational change. The relevance of the study is determined by fixation of the norm for protecting historical memory in the new version of Russian Constitution and the need to understand the mechanisms of its transmission in the context of the natural death of witnesses to the events, the continued socialization of millennials, the entry of a new generation of zoomers into adulthood, and the creation of a new digital communication environment. Based on a secondary analysis of data from VCIOM (Russian Center of the Public Opinion Research) surveys (2001–2025) and using the generational classification proposed by prof. Vadim Radaev, the dynamics of six generations' perceptions of the war and Victory are examined. A faceted multidimensional classification is used to analyze open-ended questions, allowing us to identify the semantic aspects of historical memory. A shift is established from the communicative memory of older generations, based on personal experience and family histories, to the cultural memory of younger cohorts, primarily shaped institutionally. The study revealed a predominance of emotional associations among millennials and (not yet) unexplained rationalization of memory among the digital generation. High levels of awareness were found

among the generations of stagnation and the reform generation. Paradoxical characteristics of younger millennials were discovered, demonstrating a critical potential for official memory policy. Despite a high consensus regarding the significance of Victory in society, hidden intergenerational differences in the interpretation of key aspects of the war were identified, requiring consideration when designing social processes.

Keywords

Historical memory, Great Patriotic War, intergenerational transmission, collective memory, memory policy, commemorative practices, generational analysis, social knowledge.

For citation

Fedorov V.V., Lvov S.V. (2025) From Communicative to Cultural Memory: Intergenerational Transformation of Perceptions of the Great Patriotic War. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 113(S). P. 78–93. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-113(S)-2025-78-93

Дата поступления/Received: 02.11.2025

Введение

В 2020 году наряду с другими правками в Конституции РФ была закреплена норма о защите исторической памяти. Ее практическая реализация требует взвешивающего социального проектирования и углубленного изучения исторической памяти. Определение направления политики памяти — это проектирование будущего вектора развития страны. Как отмечает А.Н. Малинкин, «внимание нужно направлять. Когда это делаем не мы, это делают другие, но по-своему» [Малинкин 2020, 31]. Для того, чтобы сформировать у молодых людей интерес к истории страны, соответствующие ценности и поведение, одной лишь воли недостаточно. Без понимания способов передачи исторического знания и опыта от поколения к поколению такие проекты обречены на провал.

Обновление поколений — это объективный непрерывный процесс. В этом году страна отметила 80-летний юбилей Победы практически уже без ветеранов. В 2020 году празднование 75-летия Победы, в «котором могли принять сколько-нибудь заметное участие ветераны», оказалось смазанным из-за пандемии коронавируса [Бешкинская, Миллер 2020, 60]. Тогда страна осталась без ритуала, который мог бы повлиять на формирование исторической памяти будущих поколений по-другому, не так, как это случилось.

Немецкий историк Ян Ассман на материалах классической эпохи установил ограниченность памяти современников, «основанной на собственном опыте и слышанных рассказах», 80-ю годами [Ассман 2004, 51]. Он также ссылается на опыт Л. Нитхаммера, исследователя «устной истории», который отводил «живой памяти» в письменных обществах срок в 80 лет [Там же, 54]. Данные описания могли быть применимы к Древней Греции или Германии 2-й половины XX века. Генерализовать этот вывод и применить к интерпретации коллективной памяти в российском обществе невозможно. Тем не менее это наблюдение указывает на неизбежность фазового перехода в характере коллективной и культурной памяти, обусловленного сменой поколений и изменением коллективных статусов в обществе.

Цифровая революция — еще одна причина важности изучения межпоколенческой трансформации исторической памяти. Цифровые альтернативы коммеморативных практик (например, онлайн-акция «Бессмертный полк»), интерактивные и виртуальные музеи, акции и концерты, фильмы и сериалы о Великой Отечественной войне (ВОВ) в онлайн-кинотеатрах стали органичной частью ритуальных практик, доступных прежде всего для молодежи. Вместе с тем возникают риски, связанные с одиночными инцидентами в цифровом пространстве¹, или происходит противопоставление образов и памяти о событиях войны официальным нарративам о ВОВ, когда в социальных сетях критика коммеморативных мероприятий используется как способ донесения обеспокоенности социально-экономическими проблемами. Используя современные методы, молодые

¹ Оскорбление памяти о Великой Отечественной войне // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/oskorblenie-pamyati-o-velikoj-otechestvennoj-vojne> (дата обращения 07.10.2025).

ученые из разных регионов обнаружили «тенденции поляризации и фрагментации массового исторического сознания в региональном интернет-пространстве» [Линченко и др. 2025, 47–48].

Исторический и теоретический контекст. Поколение застоя, а также пореформенное поколение, которое успело получить позднесоветский коммеморативный опыт в детстве, стали носителями позитивного мифа и в то же время остаются наиболее осведомленными в вопросах истории войны. В 1965 году День Победы объявляется выходным днем, и с этого момента он выполняет специфические функции годовщины. Алейда Ассман выделяет среди них три функции. Первая — совместное участие: повторение реактивирует прошлое и создает новый совместный опыт, формируя публичный хронотоп для организованного возвращения к нему. Вторая функция — так называемое «мы-инсценирование», когда годовщины дают «воображаемым сообществам» (по Б. Андерсону) и организациям (ветеранам и ветеранским организациям, комсомолу и пионерской организации) периодическую публичную арену для демонстрации и восприятия коллективной идентичности. Третья функция — это импульс к рефлексии: регулярные ритуалы переводят историю в миф, тогда как нерегулярность и спорность трактовок (как это было в первый описываемый нами период), напротив, демифологизируют прошлое и снова делают его историей [Ассман 2014, 253–255].

После развала СССР, вплоть до 2010-х годов активизировались попытки по дискредитации героического прошлого. В это время появляется пласт научно-популярной литературы, слепо или намеренно копирующей западные нарративы альтернативной памяти. Стал громко слышен голос тех, кто утверждал, что Победа в ВОВ — единственный предмет гордости обанкротившегося российского общества, якобы приватизированный авторитарным государством².

Западная политика памяти о Второй мировой войне (ВМВ) в описываемый период находится в поиске нарратива, которым будут обеспечены новые поколения. Н.Ю. Кулешова полагает, что важнейшую роль в пересмотре истории сыграла концепция тоталитаризма, призванная «отделить понятие свободы от социализма, а роль единственного освободителя и “истинного” победителя передать США и его западным союзникам» [Кулешова 2021, 428]. Это определение надо признать несколько прямолинейным, поскольку интерес западных элит состоял в том, чтобы обеспечить переход от коллективной памяти свидетелей эпохи к универсальной культурной памяти.

Нарратив в массовом сознании, в котором в течение нескольких десятилетий основная роль в победе безусловно отдавалась Советскому Союзу, оказался невыгоден западному обществу. На вопрос Французского института общественного мнения (IFOP) «Какая страна, по вашему мнению, внесла наибольший вклад в разгром Германии в 1945 году?» 54% опрошенных в 2015 году ответили «Соединенные Штаты». Однако в мае 1945 года 57% отдавали предпочтение СССР, а американцев назвали лишь 20% французов. Французские исследователи назвали событие, которое предопределило историческое сознание нового поколения, — организованные Ф. Миттераном в 1984 году памятные мероприятия в честь высадки союзников в Нормандии³. Поколение, которое столкнулось с этим событием в период формирования своих представлений об истории, по разным причинам восприняло это как полезное знание, отбросив как неподходящую картину, в которой ключевую роль в победе над фашизмом играл СССР. У Запада не было возможности переориентировать исторический дискурс с трагического на триумфальный, и там решили продлить трагическую линию, в которой моральная ответственность лежит на всех европейских странах, включая СССР/Россию. Чтобы в покаянии приняли участие все, в том числе вчерашние триумфаторы, была поднята тема Холокоста, более чем на два десятилетия ставшая рефреном политик памяти в Европе.

² Гудков Л.Д.* «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Журнальный зал [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/pamyat-o-vojne-i-massovaya-identichnost-rossiyan.html> (дата обращения: 07.10.2025).

³ Л.Д. Гудков внесен Минюстом РФ в реестр иноагентов 14 февраля 2025 г.

³ La nation qui a le plus contribué à la défaite de l'Allemagne // Ifop [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ifop.com/article/la-nation-qui-a-le-plus-contribue-a-la-defaite-de-lallemagne/> (дата обращения: 07.10.2025).

Этот пример показывает, что политика памяти может быть сконструирована как гибрид рациональных оснований — знаний, распространяемых через систему образования, и негативных эмоций — чувства вины и раскаяния, для которых была разработана соответствующая коммеморация. Руководитель проекта «The Europeanisation of the Holocaust memory in Eastern Europe» открыто признается в том, что «европеизация» памяти о Холокосте была определена как процесс «конструирования, институционализации и распространения убеждений, формальных и неформальных норм и правил, а также образования». Они были сначала определены и консолидированы на европейском уровне, а затем включены в практику восточноевропейских стран⁴. Этот общеевропейский опыт отразился и на российских миллениалах. В период открытости нивелирование предмета коллективной гордости становится моральной нормой, а моральным достижением — участие в покаянии. «Европеизация» памяти коснулась не только стран Восточной Европы, но и бывших советских республик: на самостоятельный вектор исторической памяти позже смогли выйти только в России и Беларуси.

С начала 2000-х гг., когда Великой Отечественной войне системно возвращается сакральный статус, нормативно очерчиваются границы того, что можно и что нельзя делать в отношении памяти о ней. Россия включается в процесс, когда современные политические сообщества, организованные по принципу нации, видят в политике памяти инструмент, обеспечивающий «долгую преемственность во времени». История становится не простой последовательностью событий, а способом организации и понимания социального порядка. Коллективная память подкрепляет «нормативные и причинные утверждения “эмпирическим” опытом многих поколений» [Малинова 2015, 128].

Р. Брубейкер выдвинул компактную концепцию социальной памяти (он позиционирует ее как альтернативу конструктивизму и группизму), включив в нее следующие тезисы:

- каждое поколение создает собственную версию истории, исходя из актуальных задач и ценностей, что означает непрерывный процесс (ре-)интерпретации исторических событий;
- даже личные воспоминания формируются под влиянием социокультурного контекста, что делает память коллективным, а не личным феноменом;
- процесс формирования коллективной памяти включает не только отбор «полезных» и «рациональных» элементов прошлого, но и сознательное исключение неподходящих фактов, а в исключительных случаях даже откровенное «изобретение» [Брубейкер 2012, 290–291].

Тезисы Брубейкера должны быть дополнены еще одним положением: ни одно поколение, даже глубоко заинтересованное в передаче исторической памяти, не может сделать это в неискаженном виде. Поколения находятся под воздействием разных дискурсов, актуальных и релевантных социальным нормам своего времени, поскольку «разнообразные передаваемые из поколения в поколение нарративы, описывая “общую судьбу” определенной социальной группы, как правило, неизбежно упрощают и искажают картину прошлого» [Прошлое для настоящего 2020, 17].

Исследование, проведенное Г. Шуманом и Ж. Скотт в 1985 году в США, убедительно показало, что коллективная память формируется под сильным влиянием возраста, в котором человек эти события переживает. Они установили, что: а) память структурируется по возрасту; б) события, происходившие в юности, оказывают максимальное влияние на память; в) смысл, который люди вкладывают в воспоминания, зависит от поколенческой принадлежности [Schuman, Scott 1989].

⁴ Final Report Summary — EURHOLMEM (The Europeanisation of the Holocaust memory in Eastern Europe) // Cordis [Электронный ресурс]. URL: <https://cordis.europa.eu/project/id/330424/reporting> (дата обращения: 07.10.2025).

Вопросы и гипотезы. Российское массовое сознание стоит на пороге больших изменений, связанных с выбытием социально-персональных ассоциаций с войной, снижением влияния традиционной коммуникативной памяти и усилением элементов культурной памяти. По мере смены поколений произойдет переход от коммуникативной памяти (основанной на непосредственном опыте и контакте с очевидцами) к памяти культурной (институционально поддерживаемой через образование, медиа и ритуалы). То, что было памятно в силу того, что опиралось «на солидную инфраструктуру и/или подкреплено опытом еще живых поколений» [Малинова и др. 2022, 125], уходит в прошлое. Данная прогнозная рамка требует подтверждения или опровержения ряда частных гипотез:

- характер исторической памяти о ВОВ отличается у поколений россиян в зависимости от периода их социализации и особенностей коммуникации существенно — сильнее, чем кажется на первый взгляд;
- сохранить историческую память в начале XXI века во многом удалось благодаря высокому уровню фактологических знаний поколений застоя и реформенного поколения, чья социализация пришлась на период активного формирования коммуникативной культуры;
- несмотря на высокий уровень общественного консенсуса о важности сохранения памяти о войне, существуют скрытые межпоколенческие расхождения в интерпретации ключевых аспектов войны, которые могут стать триггером идеологических споров в будущем;
- поколения, социализация которых происходила в период открытости всему западному, до сих пор подвержены альтернативным нарративам о войне;
- поколение цифры, не обладая высоким уровнем фактологических знаний, отличается интуитивным чувством отделения идеологического мейнстрима (помимо лояльности к нему) от маргинальных идеологий.

Материалы и методы

Проверка выдвинутых гипотез осуществлена на основе вторичного анализа количественных данных — результатов нескольких инициативных всероссийских опросов «ВЦИОМ-Спутник», которые ведутся с 2017 г. по единой методике.

С полными результатами исследований, использованными в данной статье, включающими текст аналитического обзора, кросс-таблицы, массивы данных в формате SPSS и описание методики (объем выборки, принципы отбора, ошибка выборки, метод сбора, информация о результативности телефонных опросов), можно ознакомиться по приведенным ниже ссылкам:

- 1) ВЦИОМ. «Чтобы помнили!». Аналитический [обзор](#) от 19 апреля 2023 г., дата проведения опроса — 14.04.2023;
- 2) ВЦИОМ. «День Победы — 2023». Аналитический [обзор](#) от 4 мая 2023 г., дата проведения опроса — 23.04.2023;
- 3) ВЦИОМ. «9 мая и память о Великой войне». Аналитический [обзор](#) от 7 мая 2024 г., дата проведения опроса — 27.04.2024;
- 4) ВЦИОМ. «Великой Победе — 80 лет!». Аналитический [обзор](#) от 28 апреля 2025 г., дата проведения опроса — 04.04.2025.

Ограничения анализа вторичных данных. В литературе описаны ограничения, связанные с анализом вторичных данных в разных отраслях науки [Cheng, Phillips 2014]. Большая часть ограничений преодолевается наличием всех необходимых данных в базе ВЦИОМ, другие —

гарантиями авторов, принимавших участие в проведении перечисленных исследований в разных качествах.

Подход к сегментации поколений. При анализе данных мы отказались от использования традиционных возрастных интервалов, отдавая предпочтение классификации поколений, предложенной В.В. Радаевым (Таблица 1). При вторичном анализе были составлены необходимые для поколенческого анализа таблицы.

Таблица 1. Классификация российских поколений⁵

Поколение	Период рождения	Период взросления
Мобилизационное поколение	1938 г. и ранее	1941–1955 гг.
Поколение оттепели	1939–1946 гг.	1956–1963 гг.
Поколение застоя	1947–1967 гг.	1964–1984 гг.
Реформенное поколение	1968–1981 гг.	1985–1999 гг.
Поколение миллениалов ⁶	1982–2000 гг.	2000–2016 гг.
Поколение зумеров ⁷	2001 г. и позднее	2017 г. и позднее

Фасетная (многоаспектная) классификация. При анализе ответов на открытый вопрос о событиях и фактах, связанных с историей ВОВ, предпринята попытка использовать фасетную (многоаспектную) классификацию созданных кодов. Такое решение вызвано тем, что некоторые кодированные переменные могут быть отнесены к разным типам. Допустим, код «Блокада Ленинграда» может иметь разный семантический аспект (как минимум топологический — «привязка к месту», и эмоциональный — «трагедия, жертвы»), который не может быть однозначно определен в ходе интервью (опроса).

Преимуществом метода является гибкость, способность описывать большое количество объектов предметной области и включать новые объекты. В основе метода лежит относительно экономичный, заранее определенный набор фасетов. При этом «фасеты не обязательно должны быть упорядочены или принадлежать к одному типу, хотя они должны быть четко определены и взаимоисключающими» [Herring 2007].

Данный метод редко применяется в социологии, где преобладает ориентация на таксономию на основе жесткой иерархической классификации. Фасетная классификация лежит в основе библиотечных каталогов, используется в исследованиях пользовательского опыта (UX)⁸, в машинном обучении, в последнее время к нему стали чаще обращаться при изучении культурных предпочтений [Park, Nan 2024].

Результаты

Вопрос трактовки консенсуса по вопросу о значении Победы. В отношении памяти о ВОВ в российском обществе сформирован всеобщий консенсус, и он близок к абсолютному значению. Но если принять за маркер консенсусного поведения выбор варианта «определенно важно», то логично предположить, что, выбирая ответ «скорее важно» (в 2023 — 16%, в 2025 — 12% от всех опрошенных), респондент допускает возможность некоторых отступлений. В 2023 году консенсусный тип демонстрировали 77% представителей поколения цифры и 72% младших миллениалов, то есть примерно четверть молодежи оказалась вне консенсусной группы. За два года произошли качественные изменения внутри этих двух сегментов: поколение цифры развернулось

⁵ Источник: [Радаев 2019, 49].

⁶ В. Радаев аналитически устанавливает необходимость разделения поколения миллениалов на «старших» (1982–1991 гг.) и «младших» (1992–2000 гг.), это деление применено и в данном исследовании [Радаев 2019, 156].

⁷ В исследованиях ВЦИОМ используется название «поколение цифры».

⁸ Sirovich J. Categories, Facets — and Browseable Facets? // UX matters [Электронный ресурс]. URL: <https://www.uxmatters.com/mt/archives/2011/08/categories-facetsand-browseable-facets.php> (дата обращения: 07.10.2025).

в сторону консенсусного типа поведения (рост + 13 пп.), тогда как та же четверть младших миллениалов остается за пределами этого поля, гораздо чаще других отказываясь от установки на безусловную поддержку (Таблица 2).

Таблица 2. Распределение ответов на закрытый вопрос «На Ваш взгляд, в наши дни важно или не важно сохранять память о Великой Отечественной войне?». Представлена доля ответов «определенно важно», в % от всех опрошенных, 2023 г., 2025 г.⁹

	2023	2025	Изменение
Поколение цифры (2001 г. и позднее)	77	90	+13
Младшие миллениалы (1992–2000)	72	75	+3
Старшие миллениалы (1982–1991)	81	88	+7
Реформенное поколение (1968–1981)	86	86	0
Поколение застоя (1948–1967)	83	87	+4
Поколение оттепели (до 1947)	81	90	+9
Все опрошенные	82	87	+5

На Западе считают очень важной передачу памяти через главный институциональный канал — систему общего образования. Что, с одной стороны, опровергает утверждения, что в России проводится авторитарная коммуникационная политика, эксплуатирующая память о событиях ВОВ, с другой — нивелирует позицию тех, кто считает, что на Западе забыли историю ВМВ (Таблица 3). Но это не означает, что цели политики памяти и ее реализация на Западе комплементарны представлениям большинства россиян — приоритеты политики памяти сильно разошлись за последние десятилетия.

Таблица 3. Распределение ответов на закрытый вопрос «Насколько, по Вашему мнению, важно изучать в школе Вторую мировую войну и события, предшествовавшие ей?»¹⁰

	Очень/скорее важно	Не очень/скорее не важно
Великобритания	90	6
Франция	89	7
Германия	82	14
Италия	88	9
Испания	88	8
США	88	6

Обоснованность предыдущего наблюдения, согласно которому представители поколения цифры в значительной степени примкнули к консенсусу по вопросу о значимости Победы, подтверждается саморефлексией самих молодых людей — значительная часть (40%) в данной группе не согласны с утверждением, что современная молодежь придает Победе в ВОВ меньшее значение, чем предыдущие поколения (см. Таблицу 4). В это же время младшие миллениалы в большей степени согласны с таким утверждением, что дает повод допустить, что они считают его справедливым по отношению к своему поколению. Это наблюдение также позволяет допустить, что в поколении младших миллениалов существуют очаги критического отношения к политике памяти, проводимой в России.

Таким образом, наблюдаемый фоновый консенсус при пристальном взгляде сквозь призму поколенческой структуры общества содержит в себе скрытые факторы реализации нестандартных

⁹ Составлено авторами на основе данных, представленных в исследованиях ВЦИОМ.

¹⁰ VE Day 80: European and American attitudes towards World War 2 // YouGov [Электронный ресурс]. URL: <https://yougov.co.uk/international/articles/52114-ve-day-80-european-and-american-attitudes-towards-world-war-2> (дата обращения: 07.10.2025). Объем выборки: 1622 взрослых в Великобритании, 1081 взрослых во Франции, 2318 взрослых в Германии, 1023 взрослых в Италии, 1051 взрослых в Испании, 1152 взрослых граждан в США; сбор данных: 3–16 апреля 2025 г.

сценариев формирования культурной памяти. Мы в этом вопросе далеки от алармизма, но обязаны обозначить социологический исследовательский интерес к тонкостям формирования общественного консенсуса в молодежной среде, включая и вопрос непохожести двух младших поколений нашего общества.

Таблица 4. Распределение ответов на закрытый вопрос «Есть мнение, что современная молодежь придает Победе в Великой Отечественной войне меньшее значение, чем предыдущие поколения. А Вы согласны с этим мнением о молодежи или нет?» Один ответ, % от всех опрошенных, 2025 г.¹¹

	Все опрошенные	Поколение цифры (2001 г. и позднее)	Младшие миллениалы (1992–2000)	Старшие миллениалы (1982–1991)	Реформенное поколение (1968–1981)	Поколение застоя (1948–1967)	Поколение оттепели (до 1947)
Скорее согласен	68	53	69	68	72	72	63
Скорее не согласен	24	40	26	25	22	19	23
Затрудняюсь ответить	8	7	5	7	6	9	14

Разум или чувства? Доминирование эмоциональных факторов при формировании коллективной памяти не является неожиданным результатом нашего исследования. Влияние гордости и чувства единства на институционализацию национальной идентичности хорошо описано в социологии эмоций. Данная отрасль социологического знания рассматривает гордость не только как индивидуальное, но и как коллективное переживание — как «социетальные эмоции, которые создают общие переживания и настроения у населения» [Симонова 2016, 18]. Они формируют поколенческую идентичность, в некоторой степени — социальную иерархию, а также выстраивают общие нарративы.

Распространенность эмоций, связанных с национальной гордостью и единством, выше (66–67%) в поколениях, рожденных между 1968 и 2000 годом, то есть среди тех, кто в меньшей степени обладает личной (событийной) или социальной (точнее — социально-контактной) памятью о войне и Победе. Поколение оттепели, рожденное до или во время войны, испытывает гордость и другие позитивные чувства гораздо реже. Промежуточное положение между ним и более молодыми поколениями занимает поколение застоя. Историческая память этих двух поколений восходит к персональным ассоциациям и личным переживаниям.

Неожиданным результатом оказалась зафиксированная относительная эмоциональная бедность представителей поколения цифры, испытывающих рассматриваемые чувства примерно на уровне поколения застоя. При этом их отличает значительное превалирование рациональных ассоциаций, связанных с фактологией (память и история) и освобождением от угрозы (Таблица 5).

Таким образом, мы наблюдаем значительную дифференциацию между поколениями россиян в ценностно-эмоциональной и рационально-эпистемологической (историко-культурной) привязке к проявлениям культурной, политической и коллективной памяти. Эмоциональные нормы — в данном случае у нас нет сомнений в нормативном характере фиксируемых эмоций гордости и единства — следует рассматривать как расширение понятия «социальные нормы» [Троцук 2021, 614], а гордость — не только как символическую эмоцию, но и имеющую явно массовый характер [Sullivan 2018].

¹¹ Источник: Великой Победе — 80 лет! // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/velikoi-pobede-80-let> (дата обращения: 07.10.2025).

Таблица 5. Распределение ответов на открытый вопрос «А что лично для Вас означает Победа в Великой Отечественной войне? Вы можете назвать все, что приходит на ум, дайте несколько ответов». До пяти ответов, % от всех опрошенных, сумма ответов в категориях может превышать 100%¹²

	Все опрошенные	Поколение цифры (2001 г. и позднее)	Младшие миллениалы (1992–2000)	Старшие миллениалы (1982– 1991)	Реформенное поколение (1968– 1981)	Поколение застоя (1948–1967)	Поколение оттепели (до 1947)
Ценностно-эмоциональные ассоциации, в т. ч.	100	90	114	114	106	89	68
Национальная гордость и единство	58	54	66	67	66	50	36
Чувства (позитивные эмоции)	35	33	42	37	35	32	21
Праздник	7	3	6	10	5	7	11
Социально-персональные ассоциации, в т. ч.	24	7	12	20	21	34	43
Люди: родные, ветераны	24	7	12	20	21	34	43
Историко-культурные ассоциации, в т. ч.	42	62	40	44	47	30	38
Память и история	24	32	20	26	25	19	28
Освобождение	18	30	20	18	22	11	10
Другое	15	7	9	13	13	15	26
Затрудняюсь ответить	6	7	13	5	4	5	3

Событийный ряд и информированность. В отличие от рассмотренных выше ценностно-эмоциональных привязок к коллективной памяти, рациональные историко-культурные ассоциации и мотивы имеет смысл трактовать как проявления социального знания через осведомленность об исторических событиях. Среди главных событий, фактов, связанных историей ВОВ, наиболее часто называются Сталинградская битва (33% опрошенных), блокада Ленинграда (28%), Курская дуга (24%), битва за Москву (16%) и взятие Берлина (13%). Спектр ответов респондентов достаточно широкий, и обращает на себя внимание то, что каждый год войны представлен в коллективной памяти — хронологический порядок событий имеет большое значение в конструировании памяти, но необязательно выражается в датах, а определяется через место — город, регион, страну, где происходили основные сражения (Таблица 6).

Географические маркеры привязки к местам сражений (события ВОВ не являются исключением) — важнейший способ сохранения исторической памяти. Они наиболее эффективно воздействуют на память, в том числе историческую: «исконнейшее средство всякой мнемотехники — размещение в пространстве» [Асман 2004, 63].

Интерес к местам памяти возникает в особом историческом контексте — в момент, когда происходит осознание разрыва с прошлым и распад традиционной коллективной памяти. Места памяти играют ключевую роль в (ре-)конструкции памяти, поскольку они буквально заставляют сохранять и воплощать память в тот момент, когда социальные носители памяти

¹² Составлено авторами. В таблице представлены агрегированные результаты. Более подробно см.: Великой Победе — 80 лет! // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikoi-pobede-80-let> (дата обращения: 07.10.2025).

(среды памяти) начинают ослабевать: «чувство непрерывности находит свое убежище в местах памяти. Многочисленные места памяти существуют потому, что больше нет памяти социальных групп» [Франция-память 1999, 17].

Таблица 6. Результаты фасетной классификации ответов на открытый вопрос «Назовите, пожалуйста, главные, на Ваш взгляд, события, факты, связанные с историей Великой Отечественной войны, о которых важно помнить. Вы можете дать до 5 ответов», % от числа опрошенных, 2023 г.¹³

Фасеты	Все опрошенные	Поколение цифры (2001 г. и позднее)	Младшие миллениалы (1992-2000)	Старшие миллениалы (1982-1991)	Реформенное поколение (1968-1981)	Поколение застоя (1948-1967)	Поколение оттепели (до 1947)
Привязка к месту сражений ВОВ	134	117	102	92	142	140	112
Хронологические маркеры войны	113	76	88	83	129	132	105
Травма и жертвы	52	52	60	54	56	44	34
Ритуалы и символы коллективной памяти	26	28	31	25	27	25	28
Международный и освободительный контекст	24	13	21	22	26	26	13
Героизм советских людей на фронте и в тылу	14	10	23	12	16	9	21
Итоги и интерпретации	14	5	15	19	14	11	10
Метапамять: нормы и семейная память	9	5	5	11	8	11	7
Отношения с союзниками	2	0	4	2	1	2	0

Триумф или трагедия? Альтернативы для молодежи. Сравнивая результаты исследований с более чем двадцатилетним интервалом, можно наблюдать эволюцию общественного мнения по некоторым ценностным альтернативам. Например, вопрос о причинах больших потерь Советского Союза в войне, значительно превышающих потери Германии. Лидирующий ответ за все время не менялся: «внезапность нападения» (34%), и это ответ, не вызывающий эмоций. Он в полтора раза более популярен среди поколения оттепели. На втором месте — «военное и техническое превосходство Германии» (18%), а также «жестокость гитлеровцев» (18%). Последний вариант за последние два десятилетия стал популярнее более чем вдвое — причем за счет нового знания поколения цифры. Почему среди них проявился этот нарратив, не настолько популярный у старших поколений, сказать сложно.

Ответственность сталинского руководства, которое действовало не считаясь с собственными жертвами, в 2001 году был вторым по популярности (25%), а сегодня даже не входит в тройку наиболее упоминаемых (12%). И здесь вызывает вопросы позиция младших миллениалов, среди которых в полтора – два раза чаще встречаются сторонники версии «вины Сталина и его окружения». Это является результатом политики «сумерек памяти». На последнем месте ответ «слабость, неумелость советского командования» (12% в 2001 году, а сегодня только 4%) (Таблица 7). Итак, мы видим, что идет переоценка. Эта переоценка не первая и, может быть, не последняя.

¹³ Составлено авторами. В таблице представлены агрегированные результаты. Более подробно см.: Чтобы помнили! // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chtoby-pomnili> (дата обращения: 07.10.2025).

Таблица 7. Распределение ответов на закрытый вопрос «9 мая наша страна отмечает День Победы в Великой Отечественной войне. Потери Советского Союза в этой войне значительно превышают потери Германии. Чем, на Ваш взгляд, это в первую очередь вызвано?», % от всех опрошенных, 2001–2023 гг.¹⁴

Причины больших потерь	2001	2004	2016	2023, в т. ч.	Поколение цифры (2001 г. и позднее)	Младшие миллениалы (1992–2000)	Старшие миллениалы (1982–1991)	Реформенное поколение (1968–1981)	Поколение застоя (1948–1967)	Поколение оттепели (до 1947)
Внезапность нападения	37	31	34	34	35	32	31	30	37	48
Военное и техническое превосходство Германии	18	18	15	18	16	22	19	21	17	4
Жестокость гитлеровцев	8	8	12	18	23	15	19	20	16	10
Сталинское руководство действовало не считаясь с жертвами	25	29	20	12	12	19	10	13	11	10
Слабость, неумелость советского командования	12	9	7	4	1	3	4	5	6	3
Затрудняюсь ответить	0	4	11	14	13	9	17	11	14	26

Не менее тревожный сдвиг — это высокие оценки вклада союзников в Победу младшими поколениями (Таблица 10). И если мы в целом установили причины распространения космополитических нарративов в поколении миллениалов, то аналогичная позиция поколения цифры вызывает недоумение, поскольку это противоречит той лояльности, которую они проявляют в ответах на общие вопросы.

Таблица 8. Как Вы думаете, мог бы Советский Союз победить в этой войне без помощи союзников или нет? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных), 2001–2023 гг.¹⁵

	2001	2009	2016	2023, в т. ч.	Поколение цифры (2001 г. и позднее)	Младшие миллениалы (1992–2000)	Старшие миллениалы (1982–1991)	Реформенное поколение (1968–1981)	Поколение застоя (1948–1967)	Поколение оттепели (до 1947)
Думаю, что да	76	63	67	66	43	47	60	71	78	68
Думаю, что нет	24	23	27	25	47	43	30	21	15	22
Затрудняюсь ответить	0	14	5	9	10	11	11	8	7	10

Содержательное отступление от консенсусного дискурса по поводу празднования Дня Победы — это еще одно подтверждение особенной позиции младших поколений, среди которых конформистское поведение уживается с представлениями, которые не могут считаться частью не только официального, но и общего гражданского нарратива о Победе. В 2024 году соотношение тех, кто считал, что «9 Мая — это самый важный праздник», и тех, кто считает, что «9 Мая должно

¹⁴ Составлено авторами на основе: Чтобы помнили! // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chto-by-pomnili> (дата обращения: 07.10.2025).

¹⁵ Источник: День Победы — 2023 ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-pobedy-2023> (дата обращения: 07.10.2025).

быть днем памяти и скорби», среди старших поколений составляет 4:1 или даже 5:1, а среди младших миллениалов и поколения цифры соотношение является почти паритетным¹⁶.

Чем заместить личную и коллективную память? Практически у каждого ныне живущего россиянина есть среди родственников участники Великой Отечественной войны: об этом говорят 90% опрошенных. Если старшие поколения многое знают о том, как их родственники прошли войну из рассказов своих близких, из семейных архивов, писем, фото, то молодые поколения уже чаще говорят, что знают, что их родственники участвовали в войне, но как именно и где уже не знают — только 27% поколения цифры имеют опыт личной коммуникации и знакомства с семейной историей¹⁷. При этом большинство россиян все чаще отмечают, что в их семейном кругу происходят разговоры о событиях войны (89% в 2024 г., 81% в 2018 г.).

Таким образом, личная память постепенно замещается коллективными представлениями, которые формируются институционально, через литературу, кинематограф, интернет-контент [Покида, Зыбуновская 2016, 101].

Все это помогает сохранять интерес к военной истории, и он действительно достаточно высок среди всех возрастных групп. Был момент в начале нулевых, когда мы фиксировали его снижение. Сегодня интерес вернулся, и государственная политика здесь играет большую роль, хотя он поддерживается и на низовом уровне. То есть его природа не искусственная, а вполне органичная — и это важно в контексте дальнейшего сохранения коллективной памяти о ВОВ. Но при этом сильно страдает уровень фактических знаний, господствуют мифологизация и поверхностность, особенно в массовой культуре, это все тоже надо иметь в виду. Особенно остро вопросы деформации исторического сознания стоят перед молодыми поколениями, которые постепенно утрачивают прямую коммуникацию не только с ветеранами, но и теми, кого сегодня называют детьми войны [Савченко 2021, 168].

Ответы на открытый вопрос «Что, по-вашему, нужно делать, какие меры предпринимать для сохранения памяти о Великой Отечественной войне?» обнаруживают, что наиболее консенсусной мерой по сохранению памяти о ВОВ является образовательный блок: совокупно 71% респондентов предлагают действия в сфере образования и воспитания молодежи, включая усиление школьного компонента (37%). Второй по масштабу кластер — информационная политика и пропаганда (41% суммарно), где выделяются кинопроизводство и ретроспективные показы (12%), а также идеологическая рамка: пропаганда (12%) + не искажать историю (3%), что отражает запрос как на контент, так и на его интерпретационный контроль. Инфраструктурно-мемориальные меры (сохранение памяти) занимают среднюю позицию (24%), что свидетельствует о достаточно высокой поддержке материальных и документальных опор памяти. Персонализированная память о ветеранах получает 18%, что указывает на существенную, но более нишевую ориентацию на межпоколенческое общение и практики живой памяти, особенно актуальные в контексте сокращения числа непосредственных свидетелей. Празднично-ритуальный компонент фиксируется у 15% совокупно, это подчеркивает важность ритуалов, но их относительную вторичность по сравнению с повседневными образовательными и медийными практиками. Очевидно, что этот компонент находит существенно более высокую поддержку у поколения цифры (30%) и младших миллениалов (27%)¹⁸.

¹⁶ Там же.

¹⁷ 9 мая и память о Великой войне ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/9-maja-i-pamjat-o-velikoi-voine> (дата обращения: 07.10.2025).

¹⁸ Великой Победе — 80 лет! // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikoi-pobede-80-let> (дата обращения: 07.10.2025).

Заключение

Для понимания структуры распространения социальных знаний, подпитывающих историческую память, необходимо рассмотреть структуру информированности поколений. Это можно сделать с использованием подхода А. Шютца — идеальных типов, отражающих позицию членов «мы-группы» по их участию в социальном распределении знания, но с переносом анализа с индивидуально-ролевого уровня на групповой (поколенческий) [Шютц 2003].

Поколение оттепели в представленной системе, скорее всего, занимает позицию «экспертов»: большая часть знаний, которыми они обладают, можно считать подразумеваемыми, органичными, в этом поколении самый низкий показатель ценностно-эмоциональных и самый высокий социально-персональных ассоциаций (Таблица 5), реже остальных заявляют о травме как элементе исторической памяти (Таблица 6). Их знание «ограничено замкнутой предельной сферой, в которой оно ясно и определено» [Там же, 224].

Шютц характеризует знание «людей с улицы» как знание «простых рецептов», то есть как «в типических ситуациях добиваться типических результатов типическими средствами» [Там же, 224]. В контексте нашего исследования в качестве рецептов можно рассматривать готовность участвовать в коммеморативных ритуалах без глубокой рефлексии и в то же время доверять простым объяснениям западных нарративов. Это миллениалы — младшие и старшие. Тезис о том, что «в вопросах, не связанных с практическими целями ... человек с улицы руководствуется своими чувствами и страстями», подтверждается высокой долей формирующих ценностно-эмоциональные ассоциации (Таблица 5), низкий уровень информированности о топологических и хронологических характеристиках событий военных лет, но при этом повышенная чувствительность к интерпретациям итогов войны — это проявление потребности в простых рецептах (Таблица 6).

К «хорошо информированным гражданам» в данной типологии мы бы отнесли представителей поколений застоя и реформенного поколения. Они не стремятся обладать знаниями эксперта, но, с другой стороны, они не согласны с упрощенными рецептами и противятся иррациональным страстям и чувствам. Это подтверждается крайне высокой степенью знаний фактологии войны (Таблица 7). Их действия нельзя определить как целенаправленные, но по меньшей мере интерес они проявляют, у них есть понимание того, как реализуется идентичность — через топологию и хронологию событий ВОВ.

Поколение цифры, на первый взгляд, выпадает из этой типологии. Они проявляют лояльность официальной политике памяти и консенсусу по поводу значения Победы; не были подвержены влиянию западных нарративов о чувстве вины и травмы; больше других связывает историческую память с историко-культурными ассоциациями; проявляют высокий запрос и высокую готовность к участию в массовых коммеморативных практиках. При этом среди них низкий уровень топологических и хронологических представлений (знаний) о войне; определенная доля сопротивляющихся интервенциям с целью навязать сконструированные образы.

Характеристики поколения цифры, которое, с одной стороны, вобрало в себя черты разных поколений, с другой — выражает свою обособленную позицию, невозможно интерпретировать с эволюционной или органической позиции. Здесь мы вынуждены встать на зыбкую почву гипотез и выдвинуть следующие предположения:

- процесс социализации (массовой) поколения цифры не завершен;
- при определенном стечении обстоятельств есть шансы, что это поколение будет ближе к идеальному типу «хорошо информированного гражданина»;

- для того, чтобы обеспечить устойчивую передачу социальных рамок при смене поколений необходимо усилить пространственную фиксацию памяти (музеи, мемориалы, топография);
- принимать во внимание необходимость «воспитания — передачи следующим поколениям через коммуникацию, циркуляцию — говорить о них повсеместно и постоянно» [Ассман 2004, 237].

Общественный консенсус о целях и средствах инфраструктуры памяти можно систематизировать следующим образом: ядро консенсуса — школа, институты воспитания и массовый медиаконтент; поддерживающий слой — инфраструктура памяти: памятники, музеи и архивы, обеспечивающие длительную материальную память; усилители, но не драйверы — персонализированная и ритуальная память, дополняющие картину. Для практической политики эффективна такая связка: уроки/внеклассные практики + качественная экранизация/документалистика + поддержка локальных мемориалов. Поколенческое таргетирование может строиться на следующих принципах: больше медиа для младших поколений; глубокие институционально-образовательные форматы для старших; интеграция семейной истории для повышения вовлечения.

Проведенный нами анализ достаточен для того, чтобы представить альтернативу критическим, но поверхностным интерпретациям, связывающим «поколенческую аритмию социальной памяти» с «проявлением клипового знания и сознания, сумерками исторической/социальной памяти, трансформацией идентичности, особенностями антропогенеза нового поколения, сокращением территории исторической памяти» [Широкалова 2020, 35].

Исследуя историческую память о Великой Отечественной войне, мы должны принимать во внимание и возникновение сильного нарратива Специальной военной операции на Украине. Мы пока не понимаем, какое влияние это событие после своего завершения будет оказывать на представления о героизме, интерпретацию причин и итогов, сохранение памяти о павших бойцах; не можем пока определить преимущества и недостатки эмоционального или рационального восприятия этих событий; будут ли эти нарративы конкурирующими или комплементарными. В любом случае опыт сохранения памяти о ВОВ и Победе будет оказывать сильное влияние на приоритеты политики памяти по отношению и к событиям современности.

Список литературы:

- Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛЮ, 2014.
- Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Бешкинская В.С., Миллер А.И. Страдания, подвиг тыла и общая ответственность за войну // Россия в глобальной политике. 2020. № 5. С. 60–88. DOI: [10.31278/1810-6374-2020-18-3-200-232](https://doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-3-200-232)
- Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
- Кулешова Н.Ю. Концептуальное обеспечение Западом пересмотра истории Второй мировой войны и роли в Победе СССР // Война в человеческом измерении: идеология, психология, повседневность, историческая память. Материалы Международной научной конференции. Сер. «II: Исторические исследования, 129. Труды исторического факультета МГУ. Выпуск 194». СПб.: Алетейя, 2021. С. 428–436.
- Линченко А.А., Головашина О.В., Аникин Д.А., Сысоев А.С., Калитвин В.А. Память о Великой Отечественной войне в комментариях к региональным интернет-СМИ: опыт комбинации машинного обучения и критического дискурс-анализа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 2. С. 45–65. DOI: [10.14515/monitoring.2025.2.2552](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2552)

- Малинкин А.Н. Историческая память о Великой Отечественной войне: эпистемологические и генеалогические аспекты // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 23–34. DOI: [10.31857/S013216250009409-2](https://doi.org/10.31857/S013216250009409-2)
- Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2015.
- Малинова О.Ю., Миллер А.И., Пахалюк К.А. Региональный аспект политики памяти в России // Новое прошлое. 2022. № 2. С. 112–136. DOI: [10.18522/2500-3224-2022-2-112-136](https://doi.org/10.18522/2500-3224-2022-2-112-136)
- Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Динамика исторической памяти в российском обществе (по результатам социологического мониторинга) // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 98–107.
- Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности / под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020.
- Радаев В.В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
- Савченко И.А. «Сумерки памяти» неизбежны? // Социологические исследования. 2021. № 2. С. 166–171. DOI: [10.31857/S013216250011508-1](https://doi.org/10.31857/S013216250011508-1)
- Симонова О.А. Базовые принципы социологии эмоций // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2016. № 4. С. 12–27. DOI: [10.21638/11701/spbu12.2016.401](https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.401)
- Троцук И.В. Как возможна социология эмоций, и что она дает для понимания счастья и справедливости // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. №. 3. С. 610–622. DOI: [10.22363/2313-2272-2021-21-3-610-622](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-3-610-622)
- Франция-память / под ред. П. Нора. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1999.
- Широкалова Г.С. Историческая память молодежи: село vs город // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 28–37. DOI: [10.31857/S013216250010005-8](https://doi.org/10.31857/S013216250010005-8)
- Шютц А. Хорошо информированный гражданин. // Ведомости. 2003. № 23. С. 241–262.
- Cheng H., Phillips M. Secondary Analysis of Existing Data: Opportunities and Implementation // Shanghai Archives of Psychiatry. 2014. Vol. 26. Is. 6. P. 371–375. DOI: [10.11919/j.issn.1002-0829.214171](https://doi.org/10.11919/j.issn.1002-0829.214171)
- Herring S.A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse // Language@Internet. 2007. Vol. 4. URL: <https://scholarworks.iu.edu/journals/index.php/li/article/view/37562>
- Park H., Han J. Beyond Taste Hierarchy?: Inclusionism vs. Cynicism in Korean Cultural Valuation Scheme // Journal of Asian Sociology. 2024. Vol. 53. Is. 3. P. 309–342. DOI: [10.21588/dns.2024.53.3.005](https://doi.org/10.21588/dns.2024.53.3.005)
- Schuman H., Scott J. Generations and Collective Memories // American Sociological Review. 1989. Vol. 54. Is. 3. P. 359–381. DOI: [10.2307/2095611](https://doi.org/10.2307/2095611)
- Sullivan G.B. Collective Pride, Happiness, and Celebratory Emotions: Aggregative, Network, and Cultural Models // Collective Emotions: Perspectives from Psychology, Philosophy, and Sociology / ed. by C. von Scheve, M. Salmela. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 266–280. DOI: [10.1093/acprof:oso/9780199659180.003.0018](https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199659180.003.0018)

References:

- Assmann A. (2014) *Der Lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. Moscow: NLO.
- Assmann J. (2004) *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Beshkinskaya V.S., Miller A.I. (2020) Suffering, Feat of The Home Front and Shared Responsibility for the War. *Rossiya v global'noy politike*. Vol. 18. No. 3. P. 200–222. DOI: [10.31278/1810-6374-2020-18-3-200-232](https://doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-3-200-232)

- Brubaker R. (2012) Ethnicity without Groups. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- Cheng H., Phillips M. (2014) Secondary Analysis of Existing Data: Opportunities and Implementation. *Shanghai Archives of Psychiatry*. Vol. 26. Is. 6. P. 371–375. DOI: [10.11919/j.issn.1002-0829.214171](https://doi.org/10.11919/j.issn.1002-0829.214171)
- Herring S. (2007) A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse. *Language@Internet*. Vol. 4. Available at: <https://scholarworks.iu.edu/journals/index.php/li/article/view/37562>
- Kuleshova N.Yu. (2021) Western Conceptual Revision of the History of World War II and the Role of the USSR in the Victory. *Voina v chelovecheskom izmerenii: ideologiya, psikhologiya, povsednevnost', istoricheskaya pamyat'. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Ser. «II: Istoricheskiye issledovaniya, 129. Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU. Vypusk 194»*. Saint Petersburg: Aleteya. P. 428–436.
- Linchenko A.A., Golovashina O.V., Anikin D.A., Sysoev A.S., Kalitvin V.A. (2025) Memory of the Great Patriotic War in Comments to Regional Media: An Experience of Combining Machine Learning and Discourse Analysis. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*. No. 2. P. 45–65. DOI: [10.14515/monitoring.2025.2.2552](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2552)
- Malinkin A.N. (2020) Historical Memory of the Great Patriotic War: Epistemologic and Genealogic Aspects. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 5. P. 23–34. DOI: [10.31857/S013216250009409-2](https://doi.org/10.31857/S013216250009409-2)
- Malinova O.Yu. (2015) *Aktual'noye proshloye: Simvolicheskaya politika vlastvuyushchey elity i dilemmy rossiyskoy identichnosti* [The current past: The symbolic politics of the ruling elite and the dilemmas of Russian identity]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
- Malinova O.Yu., Miller A.I., Pakhalyuk K.A. (2022) Regional Aspects of Memory Politics in Russia. *Novoye proshloye*. No. 2. P. 112–136. DOI: [10.18522/2500-3224-2022-2-112-136](https://doi.org/10.18522/2500-3224-2022-2-112-136)
- Nora P. (ed.) (1999). *Les Lieux de mémoire*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta.
- Park H., Han J. (2024). Beyond Taste Hierarchy?: Inclusionism vs. Cynicism in Korean Cultural Valuation Scheme. *Journal of Asian Sociology*. Vol. 53. Is. 3. P. 309–342. DOI: [10.21588/dns.2024.53.3.005](https://doi.org/10.21588/dns.2024.53.3.005)
- Pokida A.N., Zybunovskaya N.V. (2016) Dynamics of the Historical Memory in the Russian Society (Results of Sociological Monitoring). *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 3. P. 98–107.
- Radaev V.V. (2019) *Millenialy: Kak menyayetsya rossiyskoye obshchestvo*. [Millennials: How Russian society is changing]. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- Repina L.P. (ed.) (2020) *Proshloye dlya nastoyashchego: Istoriya-pamyat' i narrativy natsional'noy identichnosti* [The Past for the present: History-memory and narratives of national identity]. Moscow: Akvilon.
- Savchenko I.A. (2021) Is the “Twilight of Memory” Inevitable? *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 3. P. 98–107. DOI: [10.31857/S013216250011508-1](https://doi.org/10.31857/S013216250011508-1)
- Schuman H., Scott J. (1989) Generations and Collective Memories. *American Sociological Review*. Vol. 54. Is. 3. P. 359–381. DOI: [10.2307/2095611](https://doi.org/10.2307/2095611)
- Schütz A. (2003) Der gut informierte Bürger. *Vedomosti*. No. 23. P. 241–262.
- Shirokalova G.S. (2020) Historical Memory of the Young People: Village Vs City. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 9. P. 28–37. DOI: [10.31857/S013216250010005-8](https://doi.org/10.31857/S013216250010005-8)
- Simonova O.A. (2016) Basic Principles of the Sociology of Emotions. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*. No. 4. P. 12–27. DOI: [10.21638/11701/spbu12.2016.401](https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.401)
- Sullivan G.B. (2018) Collective Pride, Happiness, and Celebratory Emotions: Aggregative, Network, and Cultural Models. In: von Scheve C., Salmela M. (eds.) *Collective Emotions: Perspectives from Psychology, Philosophy, and Sociology*. Oxford: Oxford University Press. P. 266–280. DOI: [10.1093/acprof:oso/9780199659180.003.0018](https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199659180.003.0018)
- Trotsuk I.V. (2021) How Sociology of Emotions Is Possible, And How It Helps to Understand Happiness and Justice. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*. Vol. 21. No. 3 P. 610–622. DOI: [10.22363/2313-2272-2021-21-3-610-622](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-3-610-622)